

Сергей НАВЛОВ

**Наказание
близко
к жизни**

**ОЧЕРКИ
О ПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕПРЕССИЯХ**

115

63.3/2)6

1712

Сергей Павлов

Наказание длиною в жизнь

**очерки о политических
репрессиях**

«Сибирский писатель»

Кемерово 2002

ББК 84.Р7

П 12

*Настоящая книга издана благодаря
финансовой поддержке администрации Кемеровской области
и
спонсорской помощи Костиной Натальи Геннадиевны, житель-
ницы Москвы, правнучки священнослужителя Иллиодорова Захария
Иллиодоровича, незаконно репрессированного органами НКВД в
1937 году.*

ЭННББ
69895(1)

Автор выражает искреннюю благодарность
Невзоровой Марии Михайловне,
Гвоздковой Любове Ильиничне,
Кузнецовой Елене Сергеевне,
Исмагилову Арслану Нурмухаметовичу
за помощь в подготовке этой книги.

Издано по лицензии Союза писателей Кузбасса
ЛР № 030775

ББК 84.Р7

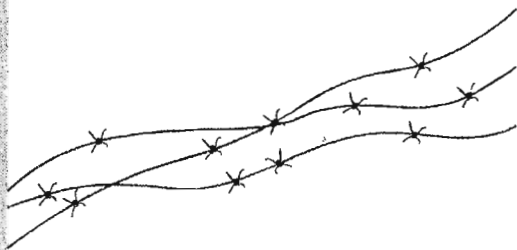
© Павлов С.М. 2002

«...Мы должны осудить самую идею расправы одних людей над другими! Молча о пороке, вгоняя его в туловище, чтобы он не выпер наружу, — мы сеем его, и он еще тысячекратно взойдет в будущем. Не наказывая, даже не порицая злодеев, мы не просто оберегаем их ничтожную старость - мы тем самым из-под новых поколений вырываем всякие основы справедливости. От того-то они «равнодушные» растут, а не из-за «слабости воспитательной работы». Молодые усваивают, что подлость никогда на земле не наказуется, но всегда приносит благополучие.

И неуютно же, и страшно будет в такой стране жить».

(А. Солженицын «Архипелаг Гулаг»).

Десять лет, которые...

В августе 2002 года областной комиссии по реабилитации жертв политических репрессий исполняется десять лет. Срок не такой уж большой, но сколько сделано! Сколько кузбассовцев смогло за эти годы вернуть себе честное имя, сколько родственников узнали о судьбах своих близких, погибших в лагерях. Не ошибусь, если скажу, что многие из них благодарны областной комиссии за помощь, оказанную им в процессе реабилитации.

Десять сложных, противоречивых, бурно прожитых страной лет. Сегодня это - уже история. Интерес общества к страшной проблеме бывших репрессированных появился в процессе раскрытия историками, писателями, журналистами неизвестных страниц истории развития нашего общества в 30-50-е годы. В условиях гласности, объявленной партией и государством во второй половине 80-х годов XX века, открылись ранее засекреченные архивные фонды и документы НКВД - МВД, в газетах и журналах все шире и масштабнее поднималась тема репрессий 30-50-х годов, бывшие репрессированные печатали свои мемуары. Советское общество захлебывалось от массы фактов и информации о событиях сталинского правления, и его негодование выливалось в конкретные требования: разобраться в недавнем прошлом.

Движение нашего государства к массовой реабилитации нельзя назвать простым и быстрым. Впервые реабилитация репрессированных началась после XX съезда партии и затронула весьма ограниченный круг людей. Однако ее роль и значение невозможно переоценить, так как она осуществлялась практически сразу после сталинского периода правления. Для партии это был знаковый шаг.

Между тем общество еще не было готово окончательно освободиться от тяжелого идеологического наследия тоталитарного режима, народ еще не освободился от таких стереотипов, как «враг народа», а посему процесс реабилитации изначально не мог продолжаться долго, он должен был замереть, все меньше привлекая к себе внимание общественности. Тем более что период «хрущевской оттепели» «мягко» перерос в процесс ресталинизации.

Массовой реабилитация становится тогда, когда общество созрело, помудрело, dorосло до того состояния, чтобы, оглядываясь назад, научиться не только видеть свои ошибки, но и исправлять их. Когда в 1989 году вновь стал выходить в свет журнал «Известия ЦК КПСС» и население страны впервые познакомилось с ранее секретными документами партии по вопросам репрессий (в частности, материалами февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 г.), взрыв негодования вновь заставил партийно-государственные структуры задуматься о разрывании процесса реабилитации жертв политических репрессий.

В 1989 году в Москве срочно создается Комиссия по реабилитации крупных политических деятелей страны, подобные же комиссии создаются в регионах.

Предшественниками таких комиссий на местах явились общественные объединения «Мемориал», созданные в 1988- 1989гг. повсеместно по всей стране. В Кузбассе «Мемориал» развернул свою работу в конце 1988 года. В него вошли представители разных социальных групп. Однако эта организация не могла заниматься реабилитацией, она лишь формировала общественное мнение и вела просветительскую работу среди кузбассовцев. Это была общественная реабилитация (чего, кстати, не было в 50-е годы), а юридическую реабилитацию осуществляла прокуратура.

Официально областная комиссия по реабилитации жертв политических репрессий, занимавшаяся в первую очередь контролем за процессом юридической реабилитации, координацией действий между правоохранительными органами и обществом, была создана в августе 1992 года под руководством председателя облсовета народных депутатов А. Гулеева. В октябре 1992 г. при комиссии создана научно-исследовательская лаборатория кафедры новейшей отечественной истории исторического факультета КемГУ под руководством Л.И. Гвоздковой.

В течение десяти лет в комиссии менялись люди, одни приходили, другие по тем или иным причинам выходили из его состава, но неизменным ее работником оставалась Мария Михайловна Невзорова, много сделавшая для того, чтобы комиссия оставалась действующей, результативной, доступной для простых людей.

В прокуратуре Кемеровской области у истоков процесса реабилитации жертв политических репрессий стоял старший помощник прокурора области, государственный советник юстиций третьего класса В.М. Юрьев. Массовая реабилитация жертв сталинизма в Кузбассе началась именно с этого человека. Позднее, когда был создан отдел, ведавший вопросами реабилитации политзаключенных, он был первым его начальником. После принятия Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» (18.10.91) поток граждан в прокуратуру с вопросами о реабилитации напоминал лавину. Сотрудники отдела работали в форс-мажорном режиме, принимая в день по 100 и более посетителей. Но работа активно продвигалась. Позднее В.М. Юрьева на посту начальника отдела сменил один из авторов этих строк.

Время неумолимо. Сейчас все реже поступают заявления от узников сталинских застенков, но 18 апреля 2000 года определением Конституционного суда РФ № 103-о дети репрессированных, оставшиеся в несовершеннолетнем возрасте без попечения одного или обоих родителей, были приравнены в правах к реабилитированным. И вновь

возрос поток людей в прокуратуру. Только в сентябре-октябре 2001 года на приеме в облпрокуратуре по вопросам реабилитации было принято свыше двух тысяч человек.

Работа по реабилитации жертв политических репрессий не ограничивалась только выдачей справок о реабилитации. Наряду с работниками областной комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий, управления по социальной защите населения, прокурорские работники оказывали всестороннюю помощь гражданам в поиске необходимых документов как в деле их личной реабилитации, так и в плане решения вопросов по восстановлению их прав на незаконно конфискованное имущество в ходе политических репрессий. В средствах массовой информации регулярно появлялись материалы, рассказывающие о ходе процесса реабилитации в Кузбассе. В 2000 году было подготовлено к печати и вышло в свет документально-художественное издание «Боль, прошедшая сквозь годы» (редактор-составитель С.М. Павлов), где был подведен итог работы облпрокуратуры на определенном этапе процесса реабилитации жертв политических репрессий.

Всего работниками отдела по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности и межнациональных отношений областной прокуратуры было проверено свыше 30 тыс. уголовных дел из архивов УФСБ, ГУВД, облсуда, Госархива Кемеровской области. По уголовным делам было реабилитировано свыше 15 тыс. человек и была восстановлена историческая справедливость в отношении данной категории граждан нашего государства.

Большой объем работы как по количеству, так и по значению выполняли работники информационно-вычислительного центра ГУВД Кемеровской области (начальник ИЦ С.М. Дмитриев, а позднее Е.Н. Ручинская), помогая комиссии оперативно изыскивать необходимую информацию о людях, разыскиваемых родственниками, о собственности, конфискованной в годы репрессий. Всего работниками отдела реабилитации ГУВД Кемеровской области было реабилитировано за минувшее десятилетие около 200 тыс. человек.

Важнейшей функцией областной комиссии являлась координация деятельности местных реабилитационных комиссий. В Кемеровской области их насчитывалось несколько десятков. В каждом городе, районном поселке такие комиссии вели информационно-организаторскую работу с населением, помогая обратившимся оформлять документы, направляя запросы в различные инстанции в поисках информации о них, их собственности и т.д.

Наиболее активно работали комиссии в г. Анжеро-Судженске, г. Прокопьевске, г. Новокузнецке, г. Кемерово, в районных поселках Яшкино, Яя.

В Российской Федерации 89 субъектов, и в каждом из них имеются комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, однако далеко не везде разворачивалась и проводилась такая большая научно-исследовательская и просветительская работа с привлечением широкого круга научной общественности, студентов. Об этом, а также об активной и многосторонней деятельности Кемеровской областной комиссии неоднократно говорилось в документах Всероссийской Центральной комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. В частности, в 1998 году ее председатель А.Н.Яковлев, выделяя нашу область, отметил высокий уровень профессионализма работников, занимавшихся реабилитацией в Кемеровской области.

Безусловно, невозможно вести работу без поддержки широкой общественности и органов власти. Например, в научно-полевых экспедициях, проведенных научно-исследовательской группой под руководством, профессора Л.И. Гвоздковой, без поддержки руководителей городов и районов, местного населения невозможно было бы собрать тот уникальный материал о судьбах людей, чьи имена уже стали стираться в памяти. Собранную информацию опубликовали в 2-х томах «Книги Памяти жертв политических репрессий Кемеровской области»

Результаты работы областной реабилитационной комиссии и научно-исследовательской лаборатории значительны. Выделим некоторые из них:

- проведено 18 экспедиций по местам сталинских лагерей, собран богатый фактический материал об их расположении, режиме, контингенте, профиле работ и хозяйственной специализации;

- создан кино-фото-документальный банк, составлена карта лагерей Кузбасса. Документальный фильм «Нас всех уже приговорили», созданный совместно с Кемеровской студией телевидения, стал дипломантом Всероссийского конкурса фильмов о «белых пятнах» в истории (г. Тюмень, ноябрь 1991 г.);

- подготовлены и вышли в эфир документальные фильмы: «И народ мой любит это», «Свидетельствую», «Воспоминания о прошлом»;

- обработан фонд административных органов в Государственном архиве Кемеровской области (ГАКО), подготовлены материалы, определявшие карательную политику в СССР (30-50-е гг.). Завершена работа в фонде исправительно-трудовых учреждений в архиве УВД по Кемеровской области;

- опубликованы «Книга памяти жертв политических репрессий в Кемеровской области» (т. 1,2), монография «История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе», статьи и тезисы на научных конференциях;

- в рамках студенческих научных конференций организовывались

секции по проблемам карательной политики в СССР, защищено более 40 курсовых и более 20 дипломных работ по данной проблематике, защищены докторская и 4 кандидатские диссертации;

- в рамках учебного процесса исторического факультета КемГУ читаются спецкурсы и спецсеминары по карательной политике и периоду массовых репрессий.

Немало планов совместной работы на будущее.

Одним из показателей работы прокуратуры области в деле реабилитации жертв политических репрессий является книга С.М.Павлова. Посвящается она истории судеб людей, оказавшихся в молохе карательной машины советского общества. По ее материалам можно сделать вывод, что репрессии - не только продукт 30-50-х годов, поскольку уже в 20-е годы они имели место в российско-советской действительности. Об этом и многом другом работа С.М.Павлова. Эта книга весьма своевременна и не потеряет своей актуальности, пока будет существовать возможность возвращения тоталитаризма в нашем государстве.

Л.И. Гвоздкова,

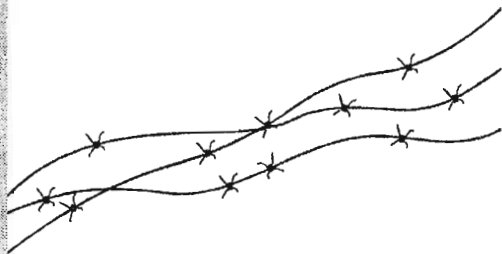
доктор исторических наук,
профессор Кемеровского госуниверситета,
руководитель научно-исследовательской
группы по проблемам репрессий
и сталинских лагерей в Кузбассе, член
Комиссии по реабилитации жертв
политических репрессий.

А.Н.Исмагилов,

начальник отдела по надзору
за исполнением законов о фе-
деральной безопасности и
межнациональных отношений
Кемеровской областной прокуратуры,
старший советник юстиции.

**СКОРЬ ЛЮДСКАЯ ПО ЭТИМ
ЖЕРТВАМ ДОЛЖНА БЫТЬ ВЕЧНОЙ.
ТОЛЬКО СКОРЬ И ПАМЯТЬ
МОГУТ СПАСТИ
НАС ОТ НОВОЙ ТРАГЕДИИ.**

Автор

ВСЕРОССИЙСКАЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ...

«ВЧК - Часовой Революции, единственный в человеческой истории карательный орган, совместивший в одних руках: слежку, арест, следствие, прокуратуру, суд и исполнение решения...»

**А.И.Солженицын
«Архипелаг Гулаг».**

После взятия власти в ноябре 1917 года большевики оказались у руля страны, раздираемой противоречиями разных политических сил; с экономикой, разрушенной 3-летней войной с Германией, погрязшей в стихии погромов и грабежей, захлестнувших Россию в период между двумя революциями. Саботаж чиновников, винные погромы, контрреволюционные мятежи создавали прямую опасность государству.

7 декабря 1917 года В.И.Ленин направил Ф.Э.Дзержинскому записку о необходимости принять экстренные меры по борьбе с саботажниками. В тот же день, выполняя распоряжения Ленина, Дзержинский доложил Совнаркому о составе комиссии, ее структуре, задачах и правах:

1) пресечение всех контрреволюционных и саботажнических попыток и действий по всей России, со стороны кого бы они не исходили;

2) предание суду Революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработка мер борьбы с ними;

3) комиссия ведет только предварительное расследование, поскольку это нужно для «пресечения» (В.И.Ленин и ВЧК, сб. документов (1917-1922 гг.).

Заслушав доклад Ф.Э.Дзержинского, Совнарком постановил: назвать комиссию Всероссийской чрезвычайной комиссией при Совете Народных комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем и утвердить ее. Председателем ВЧК был назначен Ф.Э.Дзержинский. Он был руководителем вплоть до ее упразднения декретом ВЦИК от 6.02.1922 г. Ф.Э.Дзержинский координировал деятельность всех отделов ВЧК, которых в момент организации комиссии было четыре: отделы по борьбе с контрреволюцией, саботажем, спекуляцией, а также организационный отдел, в задачу которого входила связь с местными органами Советской власти и помощь им в охране заво-

еваний революции от покушения внутренних врагов. Так был организован вооруженный отряд партии большевиков.

ВЧК была наделена правом производить конфискации, выселения преступных элементов, лишения продовольственных карточек, публикации списков контрреволюционеров и т.д. По мере усиления политической борьбы в стране и эскалации гражданской войны, функции ВЧК неудержимо разрастались.

Декрет ВЦИК от 17.02.1919 г.

«...при наличии вооруженных выступлений (контрреволюционных, бандитских и т.п.) за чрезвычайными комиссиями сохраняется право непосредственной расправы для пресечения преступлений.

3. Такое право непосредственной расправы сохраняется за ЧК в местностях, объявленных на военном положении, за преступления, указанные в самом постановлении о введении военного положения».

Как показала жизнь, ВЧК стала универсальной организацией в борьбе с контрреволюцией, а поскольку рамки КОНТРРЕВОЛЮЦИИ как социального опасного для государства явления четко не были очерчены, то каждый из граждан России, а позднее СССР, мог оказаться в поле ее зрения. Первый уголовный кодекс был принят в 1922 году, а до этого все правосудие вершилось ревтрибуналами и комиссиями ВЧК на основе «революционного самосознания».

У руля ВЧК стояли опытные профессиональные революционеры, прошедшие хорошую школу нелегальной борьбы с царскими жандармами. Сейчас этот опыт оказался востребованным. Ф.Э.Дзержинский, Я.Х.Петерс, М.С.Урицкий, М.И.Лацис, В.Р.Менжинский и др. сумели создать из ВЧК мощную, эффективно действующую организацию, которой удалось парализовать деятельность «пятой колонны» в Республике Советов. Усилиями чекистов были выявлены и ликвидированы антисоветские группировки и террористические организации в России: «Белый крест», «Черная точка», «Все для Родины», «Организация борьбы с большевизмом и отправки войск к Каледину», «Национальный центр», «Союз защиты» и др. Была парализована деятельность в России центров внешней и внутренней контрреволюции. В недрах ВЧК зарождалась контртеррористическая операция, позднее вошедшая во все учебники по разведке, как «Операция «Трест», блестяще доведенная до конца ОГПУ и учениками Ф.Э.Дзержинского. Можно с уверенностью сказать, что без такой организации, как ВЧК, вряд ли были возможны победа большевиков

в России и становление социалистического строя.

Дзержинский постоянно обращался в ЦК РСДРП(б), в Петроградский Совет, штаб Красной Армии с просьбой направлять на службу в ВЧК безусловно честных, беззаветно преданных Советской власти, обладающих высокими моральными качествами людей, «сознающих великую свою миссию революционеров, недоступных ни подкупу, ни развращающему влиянию золота». Но идеальных людей нет, и в ВЧК шли работать вчерашние рабочие, крестьяне, солдаты и матросы. Недостаточно грамотные, зачастую плохо ориентирующиеся в политической обстановке, они были обязаны беспрекословно выполнять все решения партии. И когда в пылу гражданской войны, а позднее беспощадной политической борьбы за её выживание у руля власти была дана отмашка на борьбу с собственным народом, чекисты не могли уйти от этого, и зачастую самые честные и принципиальные в первую очередь становились жертвами такой политики. «Заложники времени, заложники Системы»- ими были и чекисты. Система не могла терпеть инакомыслия, и «самые-самые» уходили первые, а другие - попроще и потрусливее - становились той мрачной и неумолимой силой, которая готова была исполнять ЛЮБЫЕ ПРИКАЗЫ.

Если в центре и в губчека еще встречались юристы-профессионалы, то в низовых аппаратах ВЧК, каковыми являлись политические бюро в городах и уездах, кадры оставляли желать лучшего: малограмотные, претерпевшие в жизни немало лишений и унижений, вмиг оказавшиеся в такой всемогущей и практически никем не контролируемой организации, они зачастую сбивались на уничтожение без суда и следствия. Доносы являлись одним из главных способов выявления врагов революции, причем доносы анонимные, а главным классовым признаком, по которому определялись враги, была принадлежность к «чуждому революции сословию – купечеству, дворянству, служителям церкви».

И все же революционная Фемида того периода была не так кровожадна, как в тридцатые годы, и зачастую она еще могла отличить настоящего врага от заблудшего. Не в малой степени тому способствовало то обстоятельство, что в те далекие времена практически отсутствовало понятие УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА. Старый, царский безжалостно отброшен как «классово чуждый пролетариату», а новый еще не был сформулирован теоретиками марксизма-ленинизма, и потому следствие, помимо допросов свидетелей и обвиняемых, представляло из себя процесс собирания голосов в пользу или против обвиняемых, а реализовывалось это в форме «заклучений», «ходатайств», «поручительств», «протоколов», «доказаний». Иногда при расследовании складывалась такая ситуация: половина бумаг в деле

-документы (справки, ходатайства, доказывания и др.) в защиту человека, а другая - против. Ведь гражданская война зачастую делила пополам не только деревни, но и семьи. И тогда перед следователем ВЧК стояла неразрешимая дилемма: «казнить нельзя помиловать». И зачастую вопрос решался утрированно - просто, как в русской деревне, когда перетягивали канат или «шли стенка на стенку»: чьих бумаг больше - тот и прав.

Из уголовного дела по обвинению Гурского Д.У.

«1920 год июля 25 дня. Мы, нижеподписавшиеся члены ячейки РКП (большевиков) села Тюхтет единогласно утверждаем, что гражданин села Тюхтет Доменик Ульянович Гурский - бывший белогвардейский офицер ...при советской власти вел себя вызывающе и носил погоны вопреки запрету со стороны власти. В армии Колчака он был офицером в польском легионе... все время критикует постановления, как центральной советской власти, так и культурные начинания некоторых местных товарищей. Признаем Доменика Гурского как опасного для революции элемента».

25.07.20г. 8 подписей.

Письмо заверено председателем коммунистической ячейки при Мариинской милиции и Мариинском политбюро Томской губчека. Здесь же соседствуют два других протокола Тюхтетского «сельского народного собрания» от 18.07 и 18.08.1920 г., где подписанты свидетельствуют, что «...Гурский Д.Ю. никакими агитациями не занимался, у Колчака служил не добровольно, а по мобилизации... по взглядам наш и в политическом плане благонадежен, о чем ему постановили этот протокол и ходатайствуем о его освобождении». Первый протокол подписан 52 селянами, второй - 84, что свидетельствует о том, что за Гурского кто-то вел организованную борьбу. Казалось бы, ясно: почти вся деревня встала на защиту односельчанина (при царе, зачастую, по ходатайству крестьянского схода (общины) даже виновного освобождали от наказания под общественную поруку.) Но советская власть внесла необходимые коррективы, и две справки, выполненные на четвертушках листа, решили судьбу человека вопреки мнению общества.

«Заведывающему политбюро ...

на телеграмму вашу от 28.07.1920 г. за № 180 Тюхтетский волисполком сообщает: о службе Гурского в польском легионе ничего

неизвестно. Вместе с отцом и всем семейством Гурский жил в селе Тюхтет. По внешнему виду Гурский малонадежный.

28.07.1920 г.

Пред.волисполкома.
Секретарь».

Никаких фактов, но не понравился им внешний вид Гурского! Тут разговор надо вести даже не о революционном самосознании, а о каком-то чутье, инстинкте на классового врага.

Еще более резко выразился в адрес Гурского военный комиссар Тюхтетской волости от 28.07.1920 г.:

«...Элемент ненадежный - сын торговца и паразита, эксплуатировавшего чужой труд..., а потому подлежит заключению в дом принудработ на все время гражданской войны». Это даже не мнение, а приговор что нашёл подтверждение в постановлении Томского губчека №78 от 3.11.1920 г.: «Гурского заключить в концентрационный лагерь до конца гражданской войны, как польского подданного. Числить за ВЧК».

На счастье Гурского, подоспела октябрьская амнистия 1920 г. и 7.11.1920 г. и он был освобожден из-под стражи. Но, как известно, амнистия лишь может освободить от наказания, но не снять вины с человека. И только спустя 80 лет заключением прокурора Кемеровской области Гурский Доменик Ульянович, 1897 года рождения, уроженец села Тюхтет Мариинского уезда Томской губернии, был полностью реабилитирован.

Не менее драматична судьба другого поляка, Счеснуловича Иосифа (Юзефа) Александровича, 1891 года рождения, уроженца Виленской губернии. 5 сентября 1920 года он был арестован тем же Мариинским политбюро Томской губчека по подозрению в подготовке вооруженного восстания. В заключительном постановлении «заведывающий» Мариинским политбюро так сформулировал его вину:

«...и, принимая во внимание, что, хотя виновность его в заговоре, безусловно, не доказана, а имеются лишь некоторые ссылки на него в деле Барановского и характерное письмо его, которое он хотел переслать своей сестре из тюрьмы (там он сообщал о том, что во время работы упал с телеграфного столба и ушиб коленку), а также учитывая его национальность, как поляка, и сообразуясь с общей характеристикой преступления и мнением уполномоченного по политпартиям Боготольской ОРТЧК, и, руководствуясь инструкцией ЧК,

ПОСТАНОВИЛ:

гр-на гор. Мариинска Иосифа Александровича Счеснуловича, 29 лет, подвергнуть наказанию - заключению в концлагерь до окончания войны с Польшей».

Вот тебе и революционное самосознание! А ведь история знает войны, которые длились 30, и даже 100 лет. Повезло еще Счеснуловичу, что спустя три месяца, 13.12.1920 г., Б.Бак, заместитель председателя Томской губчека, одним росчерком пера снял с поляка обвинение и освободил его из-под стражи.

Едва не закончилось трагично для 17-летнего эстонского паренька Германа Кусмана знакомство с ВЧК. Родители Германа еще при царе переехали из Прибалтики в Сибирь и обосновались в селе неподалеку от Анжерских копей. В 14 лет Герман был принят в кооператив «Шахтер», что находился в поселке Анжерские копи, приказчиком, а вернее, мальчиком на побегушках, а потому паренек вынужден был оставить отчий дом и снимать в поселке квартиру. В 1918 году власть в Анжерских копиях захватили колчаковцы. Наряду с кадровыми войсками была в поселке организована местная милиция. С одним из таких милиционеров Кусману некоторое время пришлось жить под одной крышей. Застав однажды в поселковой библиотеке членов культурно-просветительного кружка, которые готовили к постановке спектакль, дома он поделился этой новостью с соседом, таким же пареньком – «приказчиком» – в присутствии милиционера. Милиционер никак не среагировал, никто не пострадал от невинной информации Германа, но, видимо, приятель его обо всем рассказал «артистам», и спустя год, когда колчаковцев уже потеснили далеко на Восток, за ним пришли...

Поводом для ареста послужила выписка из протокола заседания общего собрания рабочих и служащих рудника «Надежда» от 15.01.1920г., где было указано, что «...Кусман имел сообщничество с милицией и донес о собрании культ-просветительного кружка. На основании изложенного Кусмана Германа, 17 лет отроду, признать человеком зловредным...» Был ли этот кружок артистическим или политическим - из дела неясно, да, похоже, это никого и не интересовало, главное, что парень жил под одной крышей с идейным врагом, за что и должен нести наказание. Ни одной улики, а все же арестован. Впрочем, один странный протокол допроса в деле отыскался...

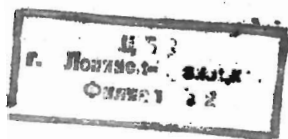
Из протокола допроса свидетеля Иванова П.И.

«В октябре 1919 года я шел с тов. Кусманом на вечеринку. В частном разговоре Кусман тайно мне сообщил: «Ты, Иванов, со мной лишнева не говори, потому, что я состою в сыском отде-

лении (сыщиком)». Я сказал ему: «Бросай это грязное дело!» На что он ответил мне, что сделать этого не может, т.к. стоит на одной квартире с милиционером».

И 7.02.1920г. сверхбдительной ЧК был арестован 17-летний паренек с еврейско-эстонской фамилией Кусман, и вскоре было предъявлено обвинение: шпионаж в пользу колчаковских властей. Ни просьбы отца, ни коллективные письма рабочих и служащих копеек не возымели действия, и анжерские чекисты направили дело вместе с арестантом в Томск, откуда оно вскоре вернулось с припиской: «Материал, представленный следкомиссии в части своей смехотворный, а в общем малосодержательный, не дает основания полагать что-либо серьезное, а посему полагаю: принимая во внимание социальное положение и несовершеннолетие обвиняемого, настоящее дело прекратить по амнистии».

29.02.1920 года дело было прекращено по амнистии, а Кусман освобожден из-под стражи, но метка ВЧК, обвиняющая его в шпионаже, навсегда осталась за ним, делая его особенно уязвимым в страшные 30-е годы. И лишь в 2001 году Кусман Герман Густавович был реабилитирован полностью.

ШУТКА РАЗВЕДЧИКА КРОВОТА

Вот и отсвистели ветры гражданской войны над Сибирью. Все дальше и дальше теснила на Восток остатки колчаковских полчищ и многочисленные банды Красная Армия, чтобы, наконец «...на Тихом океане закончить свой поход...» А вчерашние партизаны стали возвращаться к мирной жизни. Иона Кротов натерпелся при Колчаке: сидел в тюрьме, был бит плетьюми, бежал, партизанил в отряде имени Степана Разина, в конной разведке, а пришла мирная пора — пошел в телеграфисты. Благое дело, что навык получил, когда служил в Амурской речной флотилии сигнальщиком. Женился. И все бы хорошо у Ионы, да не успокоилась, видно, в его жилах молодая кровь, а потому нет-нет, да выходил порой «на защиту революции» партизанский разведчик Иона Кротов, особенно если с выпивкой повезет...

В тот августовский вечер двадцатого года Иона со своим дружкой и собутыльником Петром Горьким оказались в Мариинске, на Базарной площади. С водкой тогда было сложно, но, почитай, в каждом доме гнали самогонку и тут же ею торговали. Прознав от местных жителей, что самая знатная самогонка у Кешки Маркова, они двинули к нему. Сам хозяин был, как всегда, навеселе, а потому с удовольствием составил им компанию. За хорошей выпивкой и разговор складно строился, но когда втроем одолели четверть (2,5 литра), проснулся в душе Ионы дремавший инстинкт разведчика и он, дружески обнимая хозяина, шепнул ему, что они с Петром не простые люди, а состоят в «противосоветской организации», и здесь, в Мариинске, они не для того, чтобы самогонку пить, а выполняют «оченно важное задание»: ищут надежных людей и оружие, потому что в ночь с 28 на 29 августа в Сибири начнется восстание, а для этого нужны верные люди и оружие. ...Пьяненький Петро, не ведая конечных замыслов товарища, только поддакивал и тянулся к опустевшему бутылю. Мелкий предприниматель Марков был чужд политики, но нутром чуял, что на этой волне можно еще продать заезжим хлопцам четверть самогона, а потому посоветовал обратиться к его сродному брату, Петру Кузнецову, что жил неподалеку. Приглашенный в компанию Кузнецов стал активно навестывать упущенное в питии и вскоре сравнялся с собутыльниками, и даже чуть вперед вырвался... Для него в таком состоянии «...всюду были товарищи, всюду были друзья...» Прознав, что Кротову нужны надежные люди для «противосоветского восстания» и оружие, изрядно захмелевший Кузнецов заявил, что на 1-м участке есть 25 молодых из милиционеров, которые давно «хотят поучаствовать в каком-нибудь восстании,

и оружие для этого дела имеется...» Услышав про милиционеров и узнав, что Кузнецов сам служит в милиции, струхнул Иона: а ну, его шутка боком выйдет?! Расставит ему силки этот разгулявшийся милиционер, да потом и повяжет... Успокоился только тогда, когда тот притащил из дома винтовку с патронами и стал с ним торговаться, требуя за нее 10 000 рублей. Понял тогда Иона, что хрупка еще советская власть в Мариинске, а милиция в ней и вовсе ненадежная... Но игра продолжалась. Конечно, 10 тысяч рублей у Ионы не было ни дома, ни тем более при себе (он с Петром Горьким уже не знал, чем рассчитываться за выпитый самогон!), но здесь помог сам Кузнецов: дай задаток! И, получив его в сумме 150 рублей, продолжал угощать на эти деньги своих новых приятелей, а Марков побежал за третьим бутылем...

Видя, как распалился милиционер, бывший разведчик не оставил его в покое и продолжал провоцировать: дай письменную расписку, что непременно примешь участие в восстании и нас с товарищем «не заложить в ЧеКу». Устные пьяные заверения не убедили Кротова, и тогда вконец охмелевший Кузнецов ватной рукой на клочке бумаги пишет:

«...Я, Петра Федорович Кузнецов, желаю вступить в партию против советской коммунистической республики. При первом знакомстве товарищу Горькому сдаю за 10000 рублей винтовку, а потом могу сдать 1-й участок милиции города Мариинска против коммунистической партии. Петра Федорович Кузнецов». ...Гульбище продолжалось и закончилось тем, что Горький и Кузнецов кого-то избили на площади и были доставлены вместе с винтовкой в Мариинское политическое бюро губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. Иона Кротов случайно избежал этой участи, но на следующее утро сам явился в политбюро, дабы выручить товарища, Петра Горького, и тогда же написал собственноручно: «Сводка за 27.08.1920 г. Мною вчера расследовано дело по улице Никольской, 65, гор. Мариинска у Иннокентия Маркова. У него дома есть аппарат для гонки самогонки. А у его брата, служащего милиции, я купил винтовку за 10 тыс. рублей, и он, Петр Кузнецов, сообщил мне, что у него в Никольском со-организовано 25 молодцов против коммунистов, и он просил меня познакомить их с нашей организацией. Он обещался выдвинуть весь первый участок милиции в руки нашей организации. К сему. Секретный агент конной разведки отряда имени Степана Разина Иона Кротов».

Похмелье для Кузнецова было тяжелым: вопросы, допросы, предъявление винтовки, а 31 августа 1920 г. на него был оформлен арестный лист № 472, и до суда незадачливый милиционер содер-

жался в Мариинском Доме принудительных работ.

Несмотря на то, что в ночь с 28 на 29 августа 1920 г. никакого восстания не произошло (видать, вовремя главаря банды арестовали чекисты!), но дело в отношении Кузнецова было все же возбуждено, сам он уволен из милиции, а следствие проводилось ускоренными темпами, и уже 13 сентября 1920 г. в Томскую губчека для утверждения было направлено «заключительное постановление», где Кузнецов был признан виновным «в преступном деянии, караемом высшей мерой социальной защиты — расстрелом. **«Дело с ним препроводить в Томскую губчека с ходатайством об утверждении. Зав. Мариинским политбюро. Подпись».**

А в Томске еще в течение 7 месяцев чекисты ломали голову: есть ли состав преступления в действиях Кузнецова или нет, и свидетельством тому являются различные резолюции в деле.

1. Уполномоченный по общим делам Томской губчека: **«предлагаю Кузнецова П.Ф. приговорить к 2 годам принудработ 16.10.1920 г.».**

2. Выписка из протокола № 2 Томской губчека от 5.01.1921 г.: **«Дело направить на доследование уполномоченному по политпартиям».**

3. Уполномоченный по политпартиям Томской губчека: **«принимая во внимание малосознательность Кузнецова П.Ф., предлагаю заключить его в концентрационный лагерь сроком на 2 года с зачетом предварительного заключения 11.03.1921 г.».**

Но последнее слово осталось за решением Томской губчека от 16.03. 1921 г.: **«...принимая во внимание его социальное положение, дело по обвинению Кузнецова Петра Федоровича прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления, а его самого освободить из-под стражи...»**

До 1937 года, когда Кузнецов за данное деяние вряд ли избежал бы расстрела, было еще 16 лет — «дистанция огромного размера!» Видимо, Фемида эпохи гражданской войны еще могла отличить врага от заблудшего и помиловать последнего. А, может быть, здесь все иначе?.. Настораживает одна фраза в формулировке губчека: **«...принимая во внимание его социальное положение...»** А ведь Кузнецов был МИ-ЛИ-ЦИ-О-НЕ-РОМ! В его действиях был состав преступления. Не подготовка вооруженного восстания, конечно, но «преступление по должности», например, нанесение побоев гражданам, утрата казенного оружия. Ведь винтовка была, были свидетели и потерпевшие, были иные доказательства. А, может быть, это был первый звонок 37-го года? Ведь с чего-то начиналась эра всевластия, всесилы и вседозволенности ВЧК, ОГПУ, НКВД...

КУТОМАРСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Классовая борьба в России всегда носила крайне острый характер, влекла за собой многочисленные жертвы...

Благодаря большой и кропотливой работе чекистов, многие царские палачи, потопившие в крови первую русскую революцию, были преданы суду за свои злодеяния. Одним из них был Александр Головкин...

В ночь на 27 июня 1925 года на 227 версте Анжерского участка Томской железной дороги произошло крушение поезда сообщением Москва-Владивосток. Первые результаты проверки обстоятельств крушения заставили всерьез задуматься работников Тайгинского ОГПУ: уж больно похоже на диверсию! Да и случай такой на этом участке уже не первый... А из Новониколаевска, из краевого ОГПУ, идут предписания одно за другим: усилить агентурную работу по выявлению диверсантов!

Из рапорта агента ОГПУ ст. Тайга Матвейчука

«...В разговорах с табельщиком 11 околотка станции Анжерская мною установлено, что на участке имеется штатный рабочий Головкин Александр. Поступил работать три года назад, и утверждён в должности постоянного состава... Этот Головкин — с высшим образованием — бывший генерал царской армии, при Колчаке был агентом по перевозке войск... Тип довольно скрытный, старается все больше молчать и глядеть исподлобья. Имеет довольно подозрительный и наставляющий на многие размышления вид...»

Так впервые Головкин Александр Иосифович — 1876 года рождения, белорус, уроженец гор. Лиды Виленской губернии, до 1917 г. — коллежский секретарь, муж, отец троих детей — попал в поле зрения тайгинских чекистов. Допросы и обыски, проведенные работниками ОГПУ, не дали им доказательств причастности Головкина к диверсии: не пойман — не вор. Но законы того времени позволяли ОГПУ принимать серьезные решения, «руководствуясь революционным самосознанием и целесообразностью». Результатом такого «самосоз-

нения» стало «заключительное постановление» с ходатайством перед Особым Совещанием ОГПУ о высылении Головкина в Нарымский край как «социально-опасный элемент». Шли последние согласования по этому вопросу, когда из Москвы, из отдела Центральной регистратуры ОГПУ, поступил ответ на запрос новониколаевских чекистов в отношении Головкина. Среди прочих сведений сообщалось, что Головкин Александр Иосифович с 1908 по 1914 годы служил в Тюремном ведомстве, работал во Владимирском центре, в Дмитровской уездной тюрьме, на Нерчинской каторге. А в заключение — приписка: «Разыскивается Верховным Судом Республики по делу царских тюремщиков...»

И без того молчаливый Головкин весь ушел в себя: то, что он тщательно скрывал многие годы, стало известно чекистам... В соответствии с постановлением от 22.10.1925 года, его под усиленным спецконвоем ОГПУ направляют в Москву в распоряжение управления контрразведки ОГПУ, где он был отнесен в разряд особо опасных государственных преступников. Дело к производству принял сотрудник 7 отделения КРО ОГПУ Кононович, и следствие стало набирать обороты... Сотни запросов разлетелись по городам, где служил и делал тюремную карьеру Головкин; изучались материалы Центрального архива РСФСР, архивы Верховного Суда РСФСР, «Общества политкаторжан и спецпоселенцев»; разыскивались уцелевшие от царских репрессий революционеры. Постепенно все явственнее проступали черты служебной деятельности Головкина. Трудно, неохотно вспоминал он о своей работе в тюремном ведомстве: понимал, что те годы его жизни круто замешаны на страданиях и крови политзаключенных Кутомарской тюрьмы...

Из книги К.Седых «Даурия», часть 2, гл. 2

«Кутомарская каторжная тюрьма, обнесенная двухсаженными палями, стояла в болотистой пади на берегу торопливой и вечно студеной от множества ключей Кутомары. За тюрьмой, на косогоре, горюнилась неприглядная деревня того же названия...

...Политические в Кутомаре добились от тюремного начальства ряда льгот и уступок. Вести об этом дошли до главного тюремного управления. Вскоре начальник тюрьмы (Ковалев — ред.) был смещен и заменен новым (Головкиным — ред.), которому было предписано в самый короткий срок навести в Кутомаре обычный режим каторжной тюрьмы. И Головкин пошел напролом...» Что же не понравилось Александру Головкину и его высокому столичному начальству в тюрьме?

...Обращение к политическим со стороны администрации тюрь-

мы было только на «вы». Они не обязаны были, как уголовники, приветствовать любого надзирателя бравым «Здравия желаю!», достаточно было спокойно сказать «Здравствуйте»...

...От них не требовали прогулки «в круг».

...Их не заставляли ежедневно петь молитву.

...Финансовое содержание политических было в 2-3 раза выше, чем у уголовников.

...Они не носили полосатую тюремную одежду, а имели свою, гражданскую.

...Их не заставляли в принудительном порядке работать физически.

...Большинство политзаключенных не носили кандалы, могли свободно передвигаться без конвоя не только по территории тюрьмы, но посещать близлежащую деревню Кутомару и поселок Сергиевский, где обучали детей местных аристократов, в том числе и домочадцев работников тюремного ведомства.

...В камерах политзаключенных всегда находились бумага, чернила, книги, получаемые из Москвы и Петербурга.

В порыве служебного рвения Головкин одним приказом отменил все льготы и тем самым низвел политзаключенных до уровня уголовной шпаны. То обстоятельство, что большую часть этих заключенных составляли люди интеллигентные, имеющие высшее образование, знающие иностранные языки, занимавшиеся журналистикой или литературной деятельностью, абсолютно не трогало Головкина — он был непреклонен. И хотя новая тюремная Инструкция, резко ужесточающая содержание политзаключенных в тюрьмах и на каторге, еще не была утверждена Главным тюремным ведомством, Головкин не стал этого дожидаться и принялся наводить порядки во вверенной ему тюрьме... Реакция последовала незамедлительно — политические объявили бессрочную голодовку. Встревоженный положением в тюрьме, либерально настроенный полковник Забелло, начальник Нерчинской каторги, а, значит, непосредственный начальник Головкина, лично прибыл в тюрьму и, ознакомившись с ситуацией, отменил приказы Головкина — голодовка была прекращена. Головкин, не рискуя перечить шефу, на некоторое время оставил политзаключенных в покое: он знал, что с проверкой на Нерчинскую каторгу едет главный инспектор тюремного ведомства генерал Сементовский. Старик жестокий и бездушный — он не любил давать арестантам вольности... Ожидания Головкина не обманули. Найдя меры Головкина по ужесточению режима политзаключенных «уместными и своевременными», он рекомендовал вернуться к ним. Почувствовав мощную поддержку в лице столичного генерала, пренебрегая приказом непосредственного начальника, Головкин принялся

наводить порядок в тюрьме с новой силой...

Спустя месяц после визита Сементовского в Кутомарскую тюрьму с инспекторской проверкой приезжает военный генерал-губернатор Забайкалья Кияшко. Оставшись довольным службой Головкина, он оставил в «Книге проверок» следующую запись: «...Все, что зависит от начальника тюрьмы — в полном порядке, за что коллежскому регистратору Головкину приношу сердечную благодарность. ...В данное время в тюрьме происходит пассивное сопротивление тюремным правилам со стороны так называемых «политических», однако я убежден, что при известной мне стойкости и твердости характера Головкина все устроится к лучшему и недовольства со стороны «политических» совершенно прекратятся».

Что же произошло в этот месяц между 15 августа и 13 сентября 1912 г. в Кутомарской тюрьме? Что имел в виду Кияшко под «пассивным сопротивлением политических»?

...15 августа Сементовский, заканчивая обход тюрьмы, вошел в камеру-одиночку, где томился политзаключенный Израиль Брильон. Сементовский, уже настроенный враждебно к нему, при входе в камеру произнес надменно: «Здорово!» — «Здравствуйте», — ответил заключенный. Сементовскому не понравился ответ, но он, не подавая виду, вступил с Брильоном в разговор. Сначала говорил на «вы», а затем, резко изменив тон, спрашивает:

— А как тебя звать-то?..

Это не предвещало ничего хорошего, но Брильон, сдерживая себя, спокойно ответил:

-Вы, сударь, научитесь сначала элементарным правилам вежливости, а потом уж разговаривайте с людьми...

Гордый ответ заключенного взбесил генерала, и он, подозвав Головкина, ткнул пальцем в сторону арестанта:

-Наказать его!

-Мерзавец!—крикнул Брильон. — Вон отсюда!

Сементовский уехал, а 16 августа, ни свет ни заря, в камеру ворвались несколько человек из тюремной охраны и жестоко избili строптивого арестанта, затем, окровавленного, вынесли в тюремный двор, где подвергли его публичной порке розгами. Головкин назначил ему 35 ударов (так было записано в «журнале учета наказаний»), сам присутствовал при экзекуции и снисходительно разрешил добавить «по ходу дела» еще пять ударов — «для науки». Теряя сознание, Брильон услышал, как Головкин издевательским тоном, указывая на его распластанное тело, произнес: «Вот тебе и элементарная вежливость...» После порки Брильона отнесли в карцер, чтобы стекла кровь... Потом это стало традицией в тюрьме... Так с легкой руки Головкина на Нерчинской каторге стали использовать физические на-

казания в отношении политзаключенных. До конца 1912 года Головкин наказал розгами 64 человека, в 1913г. — 81, в 1914 году — 21... Резкий спад экзекуций объясняется тем, что уже в начале лета, накануне первой мировой войны, Головкина сняли с должности за злоупотребления и казнокрадство и впоследствии направили на фронт. Страдания заключенных столичным начальством, похоже, остались незамеченными...

17 августа, узнав о порке товарища, все политзаключенные в тюрьме объявили голодовку. На вечерней поверке Головкин лично обошел все камеры голодающих и, усмехаясь, заявил: «К политическим применяется режим уголовников! Помните, что Брильон наказан, и это ждет каждого слушника. Голодовка вам не поможет, самоубийства тоже. Ваше дело — умирать, мое — хоронить!..»

В ту же ночь более десяти заключенных приняли яд. Он был старый, действовал медленно, многие ничего, кроме отравления и мучений, не получали. Кириллов, Маслов, Лейбазон и Рычков, ожидая смерти, разговаривали с товарищами по камере, много курили. Когда началась агония, они, не желая быть обнаруженными надзирателями, легли под нары. Рычков, не надеясь на действие яда, вскрыл себе вены. Чтобы как-то облегчить участь товарища во время агонии, политзаключенный, эсер по партийной принадлежности, Григорий Тур своим телом придавил к полу Рычкова и лежал на нем, пока тот не умер, а потом сам потерял сознание... На следующий день к этим четверым присоединился молодой поляк Сигизмунд Пухальский, принявший яд среди бела дня и умерший на руках товарищей в страшных мучениях... Спустя несколько суток после наказания розгами скончался политзаключенный Васильев, а Павел Михайлов сошел с ума...

По задумке Головкина и его первого помощника в этом деле надзирателя Апрелькова, порка производилась еловыми прутьями, зачастую с крупными сучьями, которые рвали живое тело в клочья. Ослабленный голодовкой организм Васильева не вынес пыток... Тем временем голодовка продолжалась, лазарет был переполнен изможденными арестантами. Тогда Головкин отдает распоряжение о принудительном кормлении голодающих. Процедура унижительная и небезопасная, поскольку некоторым арестантам во время кормления выбили зубы. Неизменный атрибут тюремного сервиса от Головкина! Чтобы не подвергать себя дополнительным мучениям и унижениям, политзаключенные голодовку прекратили.

Между тем, окрыленный победой, Головкин продолжал бесчинствовать. По его инициативе регулярно проводились ночные повальные обыски в камерах политических, были изъяты книги, бумага, чернила (была оставлена только библия); расконвоированные заключенные были переведены в тюрьму, бараки на ночь стали запи-

ратся на замок, было запрещено снимать кандалы; время от времени Головкин собственноручно избивал политических заключенных: неторопливо, хладнокровно, обстоятельно... Чуть позднее он запретит политическим выдавать посылки, назвав это излишеством. Эти посылки он за бесценок продавал на аукционе среди работников тюрьмы, причем большая их часть попадала к нему... Именно это послужит поводом для освобождения его от должности в 1914 году. Но сейчас шел только 1912 год...

Чтобы сообщить на волю о бесчинствах, творящихся в Кутомарской тюрьме, заключенные различными путями стараются передать письма на волю, организовали побег политкаторжанина Ивана Петнева. И хотя в Москве Петнева вскоре арестовывают, известие о Кутомарской трагедии просочилось на волю, а письмо, которое 3 сентября 1912 года получила из Сибири революционерка Вера Фигнер, удалось опубликовать в одной из столичных газет... Общественность обеих столиц забила тревогу. В Государственной Думе фракции Трудовиков и социал-демократов потребовали отчета в Думе руководства тюремного ведомства по существу данного вопроса...

Из архива Департамента полиции № 274, 1912 г.

«...Каторжане Кутомарской и Зерентуйской тюрем крайне недовольны личностью начальника тюрьмы Головкина, тюремного инспектора Забайкальской области фон Куббе, главного тюремного инспектора Сементовского, военного генерал-губернатора Забайкальской области Кияшко... Эти лица намечены к устранению (т.е. убийству), и акты устранения должны быть произведены людьми со стороны, которые специально должны для этого приехать...» Возмездие шло по пятам царских палачей...

Из книги К. Седых «Даурия», часть 2, гл. 4

«...В соборе было устроено торжественное богослужение по случаю приезда на Нерчинский Завод начальника области. В собор Кияшко проследовал со своим конвоем. Следом за ним стали пускать туда и «чистую публику» — купцов, чиновников и офицеров с семьями.

...Служила в соборе по столь торжественному случаю целая дюжина попов...

...Кияшко вышел из собора рядом с атаманом отдела Нанквасиным. В трех шагах от них следовала свита, а по обеим сторонам и сзади — личный конвой. В этот момент Семен и увидел снова женщину в синей шляпке. С запечатанным конвертом в левой, высоко

поднятой руке, она бросилась мимо полицейских навстречу губернатору.

- Прощение!.. Прощение подать! Пустите же ради бога!.. — умоляюще кричала она.

Кияшко остановился и, напряженно поглядывая на женщину, сказал:

- Я вас слушаю.

- Прошу принять прощение.

- Кто просит?

- Я, — ответила женщина, и в тот момент, когда Кияшко протянул руку за прощением, все увидели, как над его золотым погоном блеснул маленький никелированный кинжал.

Губернатор в ужасе заслонился рукой. Публика испуганно ахнула, шархнула в стороны. Женщина нанесла удар, затем другой. В это время подоспели телохранители, и женщина забилась у них в руках.

Кияшко отделался только испугом... оба удара кинжала пришили в широкий погон на плече губернатора. ...Поняв, что он жив и почти невредим, Кияшко хриплым, злым голосом спросил женщину:

- Что вас заставило?

- Мечь за наших друзей в Кутомаре...»

Готовилось покушение и на Головкина. Несколько чурок, начиненных порохом, были подкинuty в дрова, предназначенные для отопления кабинета начальника тюрьмы, что, несомненно, привело бы к взрыву... Лишь случайность спасла жизнь тюремщику в январе 1913 года, но спустя 13 лет он предстанет перед судом революционеро-демократов, которых истязал в застенках Кутомарской тюрьмы. Приговор суда был суров, но справедлив: высшая мера социальной защиты — расстрел!

ПРЕВЕНТИВНАЯ МЕРА

1920-й - первый мирный год на Земле Кузнецкой. Где-то на Дальнем Востоке Красная Армия добивала остатки колчаковских войск и банды различных мастей, а Кузбасс нет-нет, да и всколыхнет слух об очередном готовящемся «противосоветском перевороте», и вновь недовольно заворчат в бороду мужики: «Доколе воевать-то? Землю пахать надо...» И пахали, все больше и больше погружаясь в привычный для себя мирный труд землепашца.

Иная задача была у милиции и чекистов. Ими выявлялись активисты расправ над советскими работниками при власти Колчака, изымалось боевое оружие, которое иными расчетливыми мужиками припрятывалось в тайниках «на черный день»; принимались иные превентивные меры против белогвардейских заговоров. Об одной из таких операций наш рассказ...

17 сентября 1920 года к жителю дер. Фиски Кузнецкой волости Дружинину Павлу Романовичу пришел неизвестный и, назвавшись Иваном Анисимовым, рабочим 2-й дистанции Кольчугинской железной дороги, стал выспрашивать у хозяина: довольны ли крестьяне советской властью? Жалуют ли о колчаковских порядках? Готовы ли поддержать переворот, что состоится 25 сентября «нонешнего года»? И ведь словно знал, к кому обратиться, Иван Анисимов! Заслышав такие вопросы, Павел Романович, потеряв бдительность, дал развернутую характеристику жителям села, заверил, что среди них наверняка найдется 20-30 мужиков, кто поддержит переворот, ведь «...все-го-то в селе один коммунист да несколько сочувствующих». А как гость ушел, решил обойти Дружинин своих земляков, дабы лишний раз заручиться их согласием «поучаствовать в перевороте». Но словно пелена упала на глаза Павла Романовича, иначе бы он заметил, что мужики, едва услышав слово «переворот», начинали опасливо озираться по сторонам и торопились домой, не дав вразумительного ответа своему односельчанину.

22 сентября незнакомец снова появился в доме Дружинина и, узнав, что тот пашет землю на дальнем заделе, написал записку и передал ее сыну. А в записке говорилось следующее:

«Павел Романович! Бросьте пахоту, собирайте своих людей и сделайте их полный список. Будьте готовы выступить против коммунистов».

Ночь не спал Павел Романович. Список он составил. В него были включены родственники и те односельчане, с кем он дружил, работал, пил самогонку - надеялся, что этого хватит для учас-

тия в перевороте, что не подведут мужички и постоят за себя, за свою землю! Ан нет...

Список «надежных» людей попал к Ивану Анисимову, а 27 сентября, т.е. через день после мнимого переворота, Дружинин был арестован как «главный смутьян в противосоветском заговоре». А следом были взяты под стражу все «надежные мужички», которые с легкой руки Дружинина попали в список.

И пошли допросы. Впрочем, большинство из попавших в список мужиков были кратки и тверды в ответах: никогда не участвовал ни в каком «противосоветском заговоре!». Уверенность и спокойствие «списочников» на следствии были правильно поняты чекистами, и 16.10.1920 года постановлением Томской губчека они все были освобождены из-под стражи, а дело в отношении их было прекращено со следующей мотивировкой: «...ввиду того, что обвиняемые крестьяне были записаны в списки по инициативе Дружинина П. Р., не зная, в чем дело, потому постановили обвиняемых всех освободить, кроме Дружинина, и дело о них прекратить».

Иная судьба ждала Дружинина - решением той же губернской чрезвычайной комиссии он был заключен в Томский дом принудительных работ сроком на пять лет. Но счастье улыбнулось все же незадачливому «бунтарю»: постановлением комиссии по проведению первомайской амнистии 1921 года он был освобожден из-под стражи 6 мая. Тогда, на заре советской власти, последняя могла еще быть милостивой к своим врагам и дважды в год (весной и осенью - в честь 1 Мая и годовщины революции) объявляла амнистию, отпуская грехи заблудшим. Так было и с Дружининым. Но арест и амнистия становились своего рода меткой для таких людей, и большую часть из них рано или поздно накрывало второй, а то и третьей волной репрессий. К сожалению, о дальнейшей судьбе Дружинина нет сведений - все же восемьдесят лет минуло...

А в конце данного дела приобщен рапорт секретного сотрудника ВЧК М-на, более нам известного как «Иван Анисимов»:

«Я, сотрудник секретного оперативного отдела М-н даю рапорт на гр-на Дружинина П.Р... который замечен в противосоветских настроениях. Когда я работал с ним в секрете от соввласти, он дал мне списки людей, которые готовы выступить против совласти... В ходе восьмисуточного знакомства я понял, что... этот господин заслуживает внимания как контрреволюционер и организатор жителей сел Фиски и Атаманово к противосоветскому перевороту.

Составил матерьял М-ин, в чем и подписуюсь 24.09.1920 г.»

Таким вот немудреным способом в 20-е годы чекисты занимались профилактикой государственной преступности среди населения.

РОДИНА ДЛЯ ЕСАУЛА

Годы лихолетья снизошли на Россию. Одна война, первая мировая, плавно перешла в другую, более страшную, гражданскую... Словно вселенский водоворот закружил по бескрайним ее просторам, уничтожая на своем пути все: города, людей, вековые устои...

И в этом страшном людском водовороте, закончившем свой трагический бег в Крыму осенью 1920 года, наряду с судьбами тысяч других русских людей решались судьбы этих трех офицеров. При всей разности их жизненных реалий, многое в этой жизни их объединяло, и прежде всего — отношение к своей Родине, дорога к ней...

КУЗНЕЦОВ Роман Андреевич родился в 1895 году в казацкой семье в станице Кургальской Ростовской области. Как и для многих детей из казацких семей дальнейшая судьба была предreshена, и после окончания реального училища Роман поступает в Новочеркасское кавалерийское училище, и через год, по окончании его, был произведен в прапорщики и направлен для прохождения службы в 28-й конный Донской полк на должность командира взвода. Время было военное. Полк вел активные боевые действия на австро-германском фронте. После ранения Кузнецов был направлен на лечение домой, к отцу, в станицу Константиновскую, где и встретил Октябрьскую революцию.

МАЛЫХИН Севостьян Павлович родился в 1890 году в семье дворянина, полковника царской армии в отставке, в украинском городе Каменец-Подольске. По окончании реального училища в 1910 году поступает в Оренбургское казачье военное училище, затем, в

чине хорунжего (лейтенанта), служит в 1-м линейном полку, дислоцирующемся в Каменец-Подольске. С началом боевых действий в 1914 году он вместе со своим полком воюет на австрийском фронте вплоть до октября 1917 года.

В 1893 году в семье кубанского учителя Ивана **СЕВЕРИНОВА** родился сын Михаил. Наряду с обучением в реальном училище, мальчик осваивал курс музыкальных наук по классу рояля. И все же тяга к военной службе взяла свое — он поступил в Одесское пехотное училище, чем немало огорчил своего отца, кубанского казака. После окончания училища в 1914 году Северинов в чине прапорщика назначен в действующую армию — в 12-й пластунский полк, который участвовал в боях с турецкими и австрийскими войсками на Кавказе.

А потом был октябрь 1917 года... Трагедией он отозвался для всей России. Многие русские офицеры, давшие присягу «на верность царю и Отечеству», на октябрьском изломе не смогли ее преступить, остались верны своему офицерскому долгу... Независимо друг от друга, но каждый по своему убеждению, Северинов и Малыхин едут в Екатеринодар, где вступают в ряды белой гвардии, Кузнецов вступает во 2-й казачий полк Донской дивизии. Общее руководство белой армией на юге России осуществлял генерал Деникин.

1918-1920 годы. Весь юг России в огне гражданской войны. Красные и белые сошлись в смертельной схватке, а в итоге погибли только русские люди, и Россия теряла лучших своих сыновей. ...События того времени менялись быстро, и вскоре общее руководство над белой армией перешло к барону Врангелю. Летом 1920 года исход борьбы был предрешен. Остатки белой армии стекались в Крым, где оставался последний оплот белого движения. Но уже в октябре-ноябре началось паническое бегство за границу. Жестокость и бескомпромиссность борьбы не оставляли надежды офицерам белой гвардии на пощаду со стороны кремлевской власти, хотя никто из них не принимал участия в карательных операциях, расстрелах безоружных и пленных. Выход один — ЭМИГРАЦИЯ...

К этому времени получившие воинское звание ЕСАУЛ, что соответствовало званию капитана пехоты, Северинов, Кузнецов и Малыхин покидали крымский берег. Они не были знакомы друг с другом и, возможно, плыли на разных пароходах, но их объединяла одна трагичная участь — ОНИ ПОКИДАЛИ РОДИНУ! И никто тогда не мог загадать свою судьбу: увидят ли они вновь русскую землю... ...Константинополь принимал всех беглецов из России, и уже там бывшая белая армия мелкими ручейками растекалась по белу свету. Трагедия отринутых от Родины! Сколько русских людей, в том числе офицеров, потеряв вместе с Родиной и веру в самого себя,

потерявшие свои жизненные ориентиры, запросто сводили счеты с жизнью — пуля в лоб? Это отдельная, очень мрачная страница из жизни русского офицерства, до сих пор остается малоизученной. Именно в это время с легкой руки русских офицеров в благополучной Европе получила широкое распространение безжалостно-бесшабашная игра со смертью - «Русская рулетка». А ведь ее счет — счет жизней русских офицеров...

Северинов после краткого пребывания на греческом острове Левнос, в составе 1-й Кубанской дивизии перебрался в Югославию. Руководство дивизии еще надеялось собрать под свои знамена силы белой эмиграции, получить поддержку вчерашних союзников в борьбе с Советами. Время шло, а помощи не было. Россия старая, царская кончалась, уходила в Лету... Армия распалась: многие, в основном солдаты, вернулись в Россию — жизнь на чужбине их пугала больше, чем родные застенки; другие, более слабые, а может быть, более чувствительные, покончили жизнь самоубийством; третьи стали искать себя в новой, чужой для них жизни.

...Михаил Северинов в Белграде нашел работу в библиотеке профессора Павловича. Общая культура, интеллигентность, знание музыки помогли русскому офицеру сохранить себя на чужбине, но когда одиночество становилось особенно страшным, он напивался до бессознательного состояния. Что ж, знакомая русская черта... Был 1940 год, и в Европе уже полыхала новая война...

Кузнецова судьба забросила из Турции в Тунис, где он жил до 1926 года. За эти пять лет ему приходилось браться за любую грязную работу, от которой даже неприспособленные негры отказывались. Видимо, крепка была казачья жилка — все перенес, все выдержал Роман Андреевич, но тяга возвращения в Европу, в цивилизацию, наконец, берет свое, и он приезжает в Париж — эпицентр мировой цивилизации. Увы, модный Париж определил место русскому офицеру сначала на автомобильном заводе — рабочим, а уже потом — шофером такси. Здесь у Кузнецова появляется семья: жена — Августа Петровна, также русская эмигрантка из дворян, трое детей. Так, вдали от родины у бывшего есаула Кузнецова начинает налаживаться личная жизнь, но в 1940 году в Париж вступили немецкие войска, и началась другая история...

Есаул **Малыхин** оставил Турцию в 1923 году, и также — приехал в Париж. Долго пришлось перебиваться случайными заработками, пока не удалось устроиться водителем такси, кем он и работал до 1939 года. Удивительно, что русские офицеры, кавалеристы, быстро освоили «железного коня», хотя в России автомобили тогда были еще редкостью. Тысячи эмигрантов из России крутили баранку авто во всех европейских странах и заслуженно считались самыми надеж-

ными водителями. Появилась семья, дети, что требовало дополнительных материальных средств, и в 1939 году Малыхины переезжают в Берлин, где идут последние приготовления к новой войне — третьей в жизни Малыхина и его соотечественников...

...27 августа 1943 года Малыхина мобилизуют на службу в немецкую армию. Война перевалила свой экватор, позади остались: битва под Москвой, Сталинградское сражение, огнем пылала Курская дуга. ...И хотя Малыхину шел 53 год, педантичные немцы, зная о существовании сына полковника царской армии, есаула с боевым прошлым, призывают его на службу для создания казачьей дивизии, которую позднее возглавит генерал Даманов. Единственной задачей Малыхина была проведение агитации среди русскоязычного населения Польши, Австрии, Германии, среди военнопленных и эмигрантов-казаков. Не оправдал есаул Малыхин надежд немецкого командования. В Австрии, выступая перед пленными, он, вместо призыва идти под знамена 3-го рейха, заявил: «Война кончается. Она проиграна Германией, и казацьи формирования не спасут положения на фронте — они не нужны там... Россия не простит нам этого греха...»

Вряд ли есаул Малыхин надеялся закончить эту свою речь — в любой момент ждал короткой автоматной очереди. Смерть прошла мимо — необъяснимо, странно, но мимо! Правда, гестаповцы не очень церемонились с есаулом: жестоко избили и отправили в тюрьму города Вены. Ждал худшего... Были беседы, похожие на допрос, угрозы расстрелом. Предложили принять участие в обороне Берлина — отказался. Когда вспомнили о семье — пришлось принять условия, и в феврале 1945 года он вместе с семьей выезжает на новое место службы — в город Толмеццо в Северной Италии, где находился штаб дивизии Даманова. 28 мая 1945 года дивизия была разоружена английским экспедиционным корпусом, и в числе других русских Малыхин был репатриирован в СССР.

...В марте 1945 года был мобилизован в дивизию Даманова и Кузнецов. 24 апреля он прибыл в Талмеццо, в штаб, где его, вместе с Малыхиным и Севериновым зачисляют в офицерский резерв командования, восстанавливают казачье звание - ЕСАУЛ. Словно не чувствуя близкий конец III рейха, гитлеровское командование отдает приказ о передислокации дивизии в Австрию, с последующим выдвижением ее на юг России, в станицу Екатерино-Павловскую. Смелые и недалевидные приказы командования были нарушены 28 мая английскими войсками... Так закончилась для трех русских офицеров эта война, третья в жизни каждого. Их ждали плен, депортация, проверочно-фильтрационные лагеря. Это была их встреча с Родиной — далекой и желанной, чужой и страшной...

...После войны Россия, и без того «перенаселенная» лагерями

ГУЛАГа, накинула на себя еще одну паутину - ПФЛ - проверочно-фильтрационные лагеря. В отличие от ГУЛАГа, существование таких лагерей объяснимо. Миллионы людей были вовлечены в войну. Она дала стране не только героев — Гастелло и Матросова, Кузнецова и Жукова. Были предатели, дезертиры, мародеры и прочая нечисть, всплывшая было при нашествии немецких оккупантов, а сейчас опять пытавшаяся уйти в тень, спрятать следы своих преступлений. Вот и распахнули свои ворота ПФЛ, принимая всех, кто был каким-то образом связан с пленом или проживанием на оккупированной территории. Там, в утлых бараках, среди десятков тысяч лагерников, чекисты вели свою кропотливую работу по выявлению изменников Родины - бывших полицаев, дезертиров. Здесь, уже в который раз судьба свела трех есаулов, в 5 лагерном отделении Лагеря № 525 МВД СССР.

...Из характеристики Малыгина: «...**Прибыл в 5 лаготделение 31.03.1947 г. Работал писарем. В данный момент работает в сапожной мастерской. Взысканий не имеет. С работой справляется, режим соблюдает**».

Из характеристики Кузнецова: «**Прибыл в 5 лаготделение 23.04.1947 г. Имеет 3 группу труда. Использован в сапожной мастерской в качестве сапожника. К работе относится добросовестно. Взысканий не имеет. Режим выполняет**».

В хозяйстве работал Северинов — инвалид 4 группы. «**Режим соблюдал**».

Родина сурово встретила «заблудших своих сыновей». Лагерный режим, обязательный труд и ... допросы, допросы... И снова память дает обратный отсчет: когда и где родился? где воевал в гражданскую? как и почему эмигрировал? воевал ли против Красной Армии? ...Конечно, времени для подготовки к таким вопросам, было достаточно. Их допросы продуманы, логичны, без лишних эмоций. Так бывает, когда в душе уже все переболело, устоялось — и другие варианты уже просто невозможны. При изучении уголовных дел удивляет два обстоятельства: **первое — как чекисты, проводившие расследование (старший лейтенант Бацев, лейтенанты Карпенко и Петраков), имея на руках только показания самих обвиняемых, могли направить дела в суд?** Фемида образца 1948 года явно попустительствовала юристам того времени... **И второе — почему обвиняемые, оказавшиеся в Сибири, где их уличить практически никто не мог, давали полный расклад своих действий, начиная с 1918 года?** Что это — глупость? Нет, эти люди прожили долгий нелегкий век, они командовали сотнями людей, прошли все круги Дантова ада... Наивность — это возрастная химера не для 50 — 60-летних мужчин. Боязнь за своих близких, на чем «ломались» самые крутые генералы в застенках НКВД 30-х годов? Но это был 1948 год, а не 37-й. Севе-

ринов вообще не был женат, и на него таким образом было невозможно воздействовать. Семья Кузнецова находилась во Франции, и лишь семья Малыхина — жена, Бунина Нина Васильевна, и дочь, Лидия Севостьяновна, жили в Прокопьевске. Видимо, разговор здесь шел не за страх, а за совесть, а ее они сохранили, несмотря на все свои злоключения на чужбине. Возможно, усталость из-за неопределенности стала причиной их откровенности. Почти тридцать лет они скитались на чужбине, но ни один из них не получил иностранного гражданства, хотя, наверное, за эти долгие годы каждый из них имел такую возможность.

А возможно, это было их запоздалое покаяние перед Родиной, и наказание каждый из них принимал как должное за череду их жизненных ошибок и заблуждений.

Еще один вопрос постоянно возникал при изучении данных уголовных дел: знали они друг друга или нет, если да, то почему никто никогда не ссылается на другого? Ведь тем самым они могли бы чем-то облегчить свою участь. Никакого намека на их знакомство. И этот факт можно объяснить: неуверенные в собственной судьбе, они не хотели каким-то образом, даже невзначай, навредить товарищу. Каждый выплывал самостоятельно. Чекисты также не могли не заметить этого обстоятельства, и даже сам факт, что их уголовные номера датируются августом — ноябрем того же года и находились они в одном лагере, подтверждает эту версию...

...Их судило Особое Совещание при министре внутренних дел СССР. Это судебное ведомство рассматривало обычно уголовные дела по особо тяжким преступлениям кадровых военных. 12-16 строк в обвинительных заключениях Малыхина, Северинова и Кузнецова, стандартные обвинения: «...с 1918 по 20 гг. служил в белой армии Деникина, а позднее, Врангеля... с остатками разгромленных частей белой армии эмигрировал... в 1945 году поступил на службу в казачьи подразделения, состоящие в немецкой армии...» Итог — 25 лет ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей). Срок наказания у всех начинал исчисляться с 28 мая 1945 года... В судьбах этих офицеров, как в зеркале, отражена судьба сотен, тысяч других русских людей, так или иначе втянутых в трагический водоворот истории с коротким и страшным названием ГУЛАГ...

Изучая эти уголовные дела, и не покидает ощущение, что подсудимые на удивление вели себя достойно. Ни паники, ни пресмыкательства, ни малейшей готовности выслужиться перед следствием, а ведь счет шел по крупному: на кону была жизнь. В каждом уголовном деле тех времен имелся обязательный конверт, где вместе с документами вкладывалась записка-справка, где указывался список лиц, которые были скомпрометированы обвиняемым. Это

то самое важное звено для следствия, от которого начиналось новое дело, повязывая бесчисленными кольцами-путами население страны. В деле Кузнецова отмечено, что лиц, скомпрометированных им, нет. Ни одного человека не привлекли чекисты по вине Кузнецова. За все содеянное в своей жизни он ответил сам, по полному счету... Малыгин и Северинов назвали на следствии либо тех, кто находился за границей, а следовательно, за пределами досягаемости НКВД, либо тех, кто уже заведомо находился под стражей. Офицерская честь не позволила им опуститься до уровня «стукачей» и доносчиков.

Приговор Суда... Он итожит всю работу по уголовному делу, определяет степень виновности осужденного. Вместе с тем приговор является той лакмусовой бумажкой, во многом определяющей отношение осужденного к содеянному, насколько он раскаялся и готов нести покаяние. Кассационная жалоба — это реакция на приговор. Податель ее либо не соглашается с приговором в принципе: мол, невиновен я; либо просит снисхождения за совершенное им преступление. Двадцать пять лет — последняя, самая суровая кара осужденному в те далекие сороковые годы, за ней следовал расстрел... И все же ни один из этих людей, находившихся в зрелом возрасте, имея инвалидность, не обратился с жалобой о смягчении наказания. **Приняли приговор как должное, как мужчины, как русские офицеры.**

Совсем иначе повел себя в аналогичной ситуации **Монченков Г.С.**, земляк есаула Кузнецова, осужденный по другому уголовному делу. Ему было тридцать лет, когда на его Родину пришли фашисты, и он, здоровый, цветущий мужчина, добровольно вступил в полицию. Охрана немецких объектов, насильственное изъятие продуктов, скота, фуража у населения в пользу оккупантов, обыски по месту жительства «неблагонадежных», наконец, арест коммунистов Пикалова и Олениченко и передача их в гестапо. Расстреливали их уже без него — у немцев имелись свои палачи... Когда Красная Армия перешла в наступление, Монченков вместе с фашистами выехал в Германию, пошел служить в ту же казачью дивизию и также был пленен английским экспедиционным корпусом и был репатриирован в СССР. Всего на двадцать лет он младше своих земляков-есаулов, но словно другая, не русская мать его вскормила... Где честь, достоинство и благородство? Или их он недополучил в те двадцать с небольшим лет советской власти?

На допросах Монченков сдал всех своих бывших товарищей по службе в полиции. На следствии юлил, пытался уйти от ответственности, даже вдову Пикалова пытался обвинить во всех смертных грехах, а когда военный трибунал Западно-Сибирского военного округа определил ему наказание в двадцать пять лет ИТЛ, он вместе со

своим престарелым отцом обрушил целый поток жалоб в Генеральную прокуратуру, Министерство юстиции, Верховный Суд. Все эти жалобы оставляли без удовлетворения; факт тяжкого преступления — измена Родине — был налицо. Тогда пошли жалобы в ЦИК СССР, ЦК ВКП(б), лично товарищу Берии Л.П., а затем и Хрущеву... Читаешь их и удивляешься какому-то животному страху перед наказанием. И ведь не к расстрелу приговорили, не к смерти; и ведь не 60 лет тебе, а только тридцать... И на совести есть кровь невинных людей, в отличие от номинального участия в резерве командования других трех русских есаулов, а поди ж ты, какая реакция — он зубами готов был загрызть того, кто скажет в его адрес какое-либо осуждающее слово, обвинение. Не смог он достойно, по-мужски встретить возмездие за свои грехи: пресмыкался при немцах; продолжал пресмыкаться при Советах. Видимо, это свойство натуры. К сожалению, Фемида дрогнула под напором бумажного потока (шестнадцать жалоб было подано им и его отцом за 6 лет), и ему был снижен срок наказания до 10 лет ИТЛ.

В том же 1956 году по протесту прокурора Кемеровской области А. Саттарова президиум Кемеровского областного суда также снизил срок наказания Северинову, Кузнецову и Малыхину до 10 лет, и сразу после этого они были освобождены из мест лишения свободы. Казалось бы, результат один, но события, предшествовавшие этому, так высветили личность каждого. Ни одной жалобы на судьбу, на приговор со стороны бывших офицеров. Они словно верили, что Родина их когда-то поймет, примет и простит... В 1999 году Кузнецов, Малыхин и Северинов полностью реабилитированы, уголовные дела в отношении их прекращены за отсутствием в их действиях состава преступления. Хотя с большим опозданием, но честное имя этих русских офицеров было восстановлено в глазах их потомков. К сожалению, Закон у нас в России действует порой очень медленно и часто опаздывает к человеку...

Но даже спустя пятьдесят лет Монченков не подлежит реабилитации — измена, предательство во все времена оставались самым тяжким грехом человечества...

Время — лучший судья, как обычно говорят у нас в народе. И этот судья оставил клеймо позора на имени Монченкова, но снял все обвинения с русских офицеров, живших в непростое время, искренне веривших и исполнявших свой долг. Они страдали, ошибались, но все же пришли на родную землю на излете своей жизни, чтобы через муки и покаяние обрести едва не потерянное ими на чужбине право назвать Россию своей РОДИНОЙ.

МЕЧЕННЫЕ

Гражданская война кровавой межой разделила Россию на два лагеря. Не обошла она и Сосновку, небольшую деревню в Крапивинской волости Щегловского уезда. Богатеев больших в ней не было, но справных мужиков было немало. Два брата Алексеевы, Лаврентий и Дмитрий Перфильевичи, были из них. Старшие в роду, счет своим годам вели они из пятидесятых XIX века. Дело свое крестьянское хорошо знали – землешащы потомственные, да Лаврентий пчеловодством занялся на старости лет. Дома просторные имели, справное хозяйство, детей полон двор. У старшего, у Лаврентия – пять сыновей (Степан, Дмитрий, Василий, Иван, Федот), да две дочери своими семьями жили. Младший Дмитрий победнее родней был: два сына, Василий да Сергей, и дочь Аграфена.

И при советской власти, и потом, когда Колчак пришел с войсками, Алексеевы в стороне – сами по себе. Это беднота воюет – ей терять нечего, а здесь хозяйство все же. Правда, когда Сергея, сына Дмитрия, стали сильно понуждать вступить в колчаковскую дружину, он сбежал из дома и укрывался у дальних родственников в селе Тараданово. Не хотел ружье в руки брать. А вот один из сыновей Лаврентия, Федот, сам пошел в дружину да и братьев своих сговаривал – не пошли. Власть Колчака хрупкой оказалась, как октябрьский ледок в луже за поскотиной. Покатилось адмиральское воинство на Восток, а с ними и Федот. То ли даль позвала в дорогу, то ли слишком рьяно служил в дружине, насолил землякам, так что оставаться не резон было. Отгремела стрельба в родной деревне, а тут и Сергей

Алексеев возвратился домой. Самое время мирную жизнь строить, да, видно, межа глубокой оказалась, по сердцам людским прошлась, поранила - озлобились они, отмщенья жаждали. Так созрел протокол комячейки деревни Сосновка от 21 августа 1920 года.

«...августа 11 дня 1920 года мы, нижеподписавшиеся коммунисты деревни Сосновка Боянской (Крапивинской) волости Щегловского уезда на партийном собрании в присутствии председателя Алексея Булочева. Активными действиями на сельских собраниях Алексеев Степан Лаврентьевич позволяет себе на полном собрании выругивать партию коммунистов разными бранями и никому не подчиняется. Алексеев Лаврентий с братомъ Дмитрием занимаються шпионством и доставляли пакеты белымъ. А в самое время они содержат дружинников на пасеке Лаврентия, где они формируют организацию противу советской власти....

Председатель собрания. (Подпись)
Письмоводитель (Подпись)».

А на обороте листа приписка: «В Щегловское политбюро направляем при сем протоколе арестованных граждан Алексеевых Степана, Лаврентия и Сергея. 21 августа».

Арестованные комячейкой села, Алексеевы четыре дня томилась в сельском амбаре под замком, прежде чем их «при сем протоколе» и под охраной коммунистов-односельчан доставили в Щегловск, где 25 августа в отношении всех троих были возбуждены уголовные дела за номерами 269, 270, 271 по обвинению в контрреволюционной агитации. Допрошенные по существу обвинения Алексеевы твердо отрицали свою вину.

Алексеев Степан: «Никогда на общем собрании коммунистов не ругал, только говорил в частном разговоре, что все с нас берут и подводы возить заставляют, а сами коммунисты не дают хлеба в разверстку и подводы не выполняют. На коммунистов при Колчаке не доказывал».

Алексеев Сергей: «На общих собраниях и так ни с кем не говорил плохо о коммунистах, о советской власти. В Тараданову уезжал, потому, что там дружинников не было и легче от них было укрыться. На пасеке Лаврентия никогда не был...»

Алексеев Лаврентий: «Никогда коммунистов не ругал. Живу пчеловодством. Люди думают, что мы кормим дружинников, потому, что я хожу на пасеку иногда на два-три дня, хлеба беру с собой много. Мед на сторону не продаем, думаю еще за это сердятся на нас...»

Кроме анкет арестованных, протокола собрания да допросов Алексеевых, в деле есть еще одна справка. Без даты, без указания должности лица, ее подписавшего, но сколько в ней убежденности в своей правоте, столько «революционного самосознания»...

«По делу граждан Степана, Лаврентия и Сергея Алексеевых. Упомянутые лица виновны в предательстве сочувствующих советской власти во время колчаковской власти и до настоящего времени не подчиняются советской власти, ввиду чего усматриваю вышеупомянутых граждан как ярких противников советской власти и их надо препроводить в распоряжение Томской губчека. Подпись (неразборчиво)».

Вот и все дело. Ни одного конкретного факта обвинения, ни одного имени пострадавшего от их преступных деяний, а в Томск все же направили.

И ведь никто тогда, в 20-м: ни Алексеевы, ни комячейка села, ни тот таинственный подписант - не могли знать, каким горьким эхом отзовется Сергею Алексееву это надуманное от первого до последнего слова дело...

А в губчека разобрались. Выписка из протокола заседания Томской губчека №83 от 14.11.1920 года.

СЛУШАЛИ: Алексеев Сергей Дмитриевич, Алексеев Степан Лаврентиевич, Алексеев Лаврентий Перфильевич обвиняются в шпионаже и выдаче партизан при власти Колчака.

ПОСТАНОВИЛИ: Ввиду того, что предъявленное обвинение ничем не подтверждается, а потому постановили обвиняемых Алексеевых всех троих из-под стражи освободить и дело их прекратить и сдать в архив».

Эта первая волна репрессий, вызванная революцией и гражданской войной, лишь краем задела семью Алексеевых, дав им после этого десять лет на роздых. Трудолюбивые, оборотистые, они и без того крепкое хозяйство сумели еще больше укрепить, только теперь уже без своих старейшин - к тридцатому году представились братья Лаврентий и Дмитрий. Поторопились, словно не желали видеть, как их детей накроет вторая волна политических репрессий, как рухнут в одночасье их крепкие крестьянские усадьбы, а самих их раскидает по свету.

Коллективизация, начатая по указке коммунистов, требовала объединения крестьян в сельхозартели, которые официально были наречены КОЛХОЗАМИ. Не пошли в них Алексеевы, не из-за поли-

тических мотивов, а, прежде всего, опять же из-за хозяйской, крестьянской осторожности: пусть другие поработают, а мы посмотрим, как дела пойдут... Оно и понятно: у кого ничего нет, тому нечего раздумывать, а у кого хозяйство, на которое отцы и деды жизнь положили - крепко надо было подумать, оглядеться, да только те, кто писал на них «протокол» в августе двадцатого, похоже, не хотели дать им этого времени. В 1931 году была раскулачена семья Алексеева Степана Лаврентьевича и выселена из села Аило-Атынаково Крапивинского района, где она жила последние годы. Все члены семьи были направлены в тайгу, на лесоповал, на обжитие доселе необжитых мест. Такая же участь постигла семью Сергея Алексева.

**Из воспоминаний внучки Алексева С.Д.
Хазиахметовой Екатерины Васильевны.**

«Моя мама, Окунева Анна Сергеевна, была дочерью Сергея Дмитриевича Алексева. С ее слов я узнала, что в 31-м году их раскулачили и взрослых разослали по разным местам. Сергей Дмитриевич валил лес где-то в тайге на границе Кузбасса и Красноярского края. С ним уезжал его сын, Василий, который позднее погиб на фронте. Сама мама 15-летней девчонкой мыла золото на Центральном руднике. Жила в бараке. Как начнет вспоминать это время - плачет. Ее мать, мою бабушку и жену Сергея Федоровича, сослали в село Тараданово. Не стало «кулацкой» семьи Алексеевых, и лишь спустя несколько лет удалось им собраться вместе на заимке Исаево Крапивинского района, где и встретили они 1937 год, черный год в их жизни...

Ордер на арест Алексева Сергея Дмитриевича был выдан Крапивинским РО НКВД 10.11.1937 года за №• 291. На этот раз не понадобились ни заявления, ни «протоколы» о его вражеской деятельности. Машина НКВД цепко держала в своей памяти фамилию Алексева Сергея Дмитриевича, дважды «меченого», и все-таки избежавшего лап ВЧК, а затем ОГПУ. Третья волна политических репрессий, накрывшая всю страну в конце 30-х годов, «меченым» практически не оставляла шансов на спасение...

В этом уголовном деле Алексева С.Д. всего 14 листов, причем 14-й – выписка из акта: «**Постановление тройки УНКВД НСО от 19.11. 1937 года о расстреле Алексева Сергея Дмитриевича приведено в исполнение 25.11.1937 г. Подпись (неразборчиво)**».

С.Д.Алексееву инкриминировалось:

1. Участие в колчаковской дружине в 1919 году, расстрел трех красных партизан.

2. Угроза убийством председателю колхоза Шерину.

3. Контрреволюционная агитация, суть которой состояла в том, что Алексеев с кем-то обсуждал, что «Япония сильно наступает на Советский Союз и может быть война...»

Обвинение не выдерживает никакой критики.

В 1920 году ВЧК уже подступалась к Алексеевым, даже арестовала их, но не как дружинников, а их пособников, но уже вскоре вынуждена была всех их освободить из-под стражи и даже не по амнистии, как это обычно делалось в двадцатые годы, а за отсутствием доказательств их вины. А ведь тогда были живы все очевидцы, если они были, и еще не уничтожены были документы об их сотрудничестве с колчаковскими карателями. Наконец, даже трупы расстрелянных можно было найти. Ничего не было найдено, и вдруг спустя 17 лет обнаружилось, что Алексеевы, Сергей и его двоюродный брат Федот, ушедший вместе с колчаковцами на Дальний Восток, в 1919 году расстреляли трех красных партизан: Крюкова, Киргинцева (а может быть, Коргинцева или же Кергенцева), а фамилию третьего и вообще никто не знал. Да и доискиваться никто не стал: главное, что самого Алексеева удалось заставить признать свою вину в этом.

Шерин, председатель колхоза, поселился в доме Сергея Алексеева после того, как последнего направили морозным весенним утром в тайгу. Спустя много лет оказался Сергей Дмитриевич в родной Сосновке - зануло сердце при виде родного дома и чужого в нем человека, и сорвалось с языка:

- Все равно не жить Шерину в этом доме!

По-разному можно было трактовать эту фразу, но энкэвудисты признали единственно верный вариант – «угроза убийством».

Что же касается войны с Японией, то это был секрет Полицинея. Вся страна с тревогой читала газетные сводки с Дальнего Востока и распевала шлягер того времени: «...Три танкиста, три веселых друга - экипаж машины боевой...»

А вскоре загремели бои на озере Хасан и реке Халхин-Гол, но Сергею Дмитриевичу о них уже не суждено было узнать.

ЕГО УЖЕ НЕ БЫЛО...

НАКАЗАНИЕ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Странное заявление поступило старшему милиционеру села Черкасово Прокопьевского района Языкову от церковного старосты Ефима Мальцева и председателя церковного совета Вячеслава Куколева: «...Настоящим имеем просить вас расследовать дело священника Никольской церкви села Черкасово отца Михаила (Борисова), отчество неизвестно. 25.04.27 на основании разрешения рабоче-крестьянской милиции он проходил по селу с крестным ходом по случаю Пасхи и у гражданки Сандаковой сорвал со стены портреты вождей революции тов. Ворошилова и Буденного, бросив их под стол. То же самое совершил в доме Ивана Усова, что является преступлением и ненавистью к Советской власти. На основании того и просим привлечь его к законной ответственности. После крестного хода я заявил священнику Михаилу Борисову о срывании портретов, что это делать нехорошо и тебя надо отдать под суд, после чего Борисов скрылся, не поставив об этом в известность церковного старосту, а также увез ключи от церковного имущества. Есть подозрение, что церковное имущество похищено Борисовым. Написано 30 апреля 1927 г.» А ниже две подписи.

Немало подивившись тому, что верующие пишут по сути своей донос на своего пастыря, милиционер тем не менее действовал быстро и решительно: допросил очевидцев содеянного, провел обыск в церкви и, получив ордер на арест Борисова, отбыл на его розыск в села Бачаты и Бороденково, где, по сведениям милиции, проживали его родственники и знакомые.

Из протокола допроса свидетеля Усова Ивана Семеновича, 1861 года рождения

«... 26 апреля 1927 года, на Святую Пасху, у меня в доме был священник Борисов Михаил с крестным ходом. Отслужил молебен, а потом подошел к стене, где висел портрет вождя революции тов. Ленина, сорвал его, изорвал и бросил под лавку, топтал ногами и ничего не говорил...»

Из протокола допроса свидетеля Сандаковой Александры Тимофеевны, 1899 г.р.

«...26 апреля 1927 г. у нас в дому был священник Борисов Михаил с крестным ходом. Увидев на стене, рядом с иконой пор-

треты вождей революции тов. Ворошилова и Буденного, сорвал их и бросил под кровать, а потом стал спрашивать хозяйку, мою свекровку: «Зачем рядом с ликом Божиим картинки коммунистов навешала?..»

А спустя несколько дней, помощнику начальника Прокопьевской милиции давал показания и сам Борисов.

Из личного дела Борисова Михаила Борисовича.

Родился в 1863 году в городе Малмыж Вятской губернии. Окончил 3-классное городское училище, женат, 6 детей. До революции служил в г. Перми и в г. Красноуфимске по гражданской линии, за что получил чин коллежского секретаря и орден Святого Станислава третьей степени. Последние годы перед революцией 1917г. служил делопроизводителем Кунгурского военного начальника. После революции остался не удел. В 1918 году был мобилизован в армию Колчака письмоводителем, а после прихода Красной Армии остался в одной из контор писарем. В 1921 г. переехал в дер. Улус Бачатского района, затем в дер. Бороденково. В 1922 году служил служащим конторы 2-го участка Кольчугинской новостройки, пока, наконец, в 1923 году не пришел в религию.

Из истории церковного раскола России в 20-е годы «Обновленчество».

Октябрьская революция и последовавшая за ней гражданская война раскололи Россию на два непримиримых лагеря. Разгром белого движения еще не давал большевикам гарантии полной победы. Россия-страна с глубокими христианскими традициями, и пока русский мужик не поддержит постулаты большевиков, не сделает их идеологию своей верой, о полной победе можно только мечтать. А верил русский человек только в Бога.

Н.И.Бухарин, один из вождей Коминтерна, говорил, что «церковный фронт является самым опасным для Советской власти, и она бросила на этот фронт 14 тысяч испытанных бойцов. ...Необходимо снести все церкви с лица земли, как рассадник контрреволюции. Борьбу против церкви нужно поручить тов. Дзержинскому». Для Патриарха Тихона Бухарин требовал казни.

Гонения на церковь начались сразу после прихода к власти большевиков, но отдельные факты зверского самосуда над священниками постепенно уступают место последовательной и планомер-

ной борьбе Власти с Церковью с расчетом на полное уничтожение последней. Тысячи священнослужителей в это время подлежат аресту, многие из которых были расстреляны без приговора суда. Главная улика обвинения - ряса и крест на груди. Повсеместно идет захват церковных строений, где оборудуются клубы, склады, мастерские. По постановлению наркомата юстиции от 1.02.19 органами милиции и ВЧК проведена кампания по вскрытию хранилищ святых мощей, и святыни, на протяжении многих веков почитаемые верующими людьми, в одночасье были осквернены, разорены и уничтожены. По декрету ВЦИК в 1922 году началась экспроприация церковного имущества, хотя к тому времени церковь была законодательно отделена от государства, но даже это не остановило Власть. Насильственное изъятие вызывало гнев населения, толкало на открытое сопротивление властям, и тогда Власть прибегала к силе оружия. 1414 раз применялось оружие милицией и солдатами, сотни людей погибли, тысячи получили ранения, зато было изъято 33 пуда золота (чуть более полутонны), 24 тыс. пудов серебра и несколько тысяч драгоценных камней. В мае 1922 года был арестован Патриарх Московский и всея Руси Тихон. Против него было возбуждено уголовное дело, а само имя его было запрещено упоминать при богослужениях.

Борьбу большевиков против Святой Церкви активно поддерживала та часть духовенства, которая из-за неудовлетворенных честолюбивых интересов давно пыталась провести революцию в церкви, дабы занять места в церковной иерархии сообразно своим карьеристским амбициям. Они призывали к «всестороннему обновлению церкви» и, прежде всего, к изменению традиционных обрядов церкви, ее канонического строя. «Обновленцы» разрешали своим священникам повторные браки, производилось принятие в сан без монашеского пострига. Отказ от ношения бороды, упрощение канонических церковных обрядов, замена молитв вольным их пересказом - вот только часть того, что оттолкнуло основную массу верующих от горе-реформаторов церкви. Но в основе «обновленчества» лежала безоговорочная поддержка всех начинаний органов советской власти. Даже свои органы управления «обновленцы» называли «по-большевистски»: Центральный комитет Церкви, президиум ЦК. Репрессии властей и раскольническая деятельность «обновленцев» сильно ослабили Святую Церковь, поставили ее на грань уничтожения. «Керенщина в церковном огороде» - так позднее назвал «обновленчество» Патриарх Алексий I.

Во имя спасения Святой Церкви Патриарх Тихон, находившийся под арестом, был вынужден пойти на компромисс с Властью: он обратился в Верховный Суд с просьбой об освобождении его из-под стражи. Взамен этому он отмежевался от внутренней и зарубежной

белогвардейской контрреволюции, признал советскую власть легитимной, но еще раз заявил, что Церковь в России не может быть «ни красной, ни белой», она аполитична. И уже оказавшись на свободе, он со всей силой обрушился на «обновленцев». Послание Патриарха от 15.07.23 дало толчок массовому возвращению в лоно Святой Церкви священнослужителей из обновленческого раскола.

Катаклизмы, потрясавшие Святую церковь в начале 20-х годов прошлого столетия, напрямую отразились на судьбе священника Борисова. Мало искушенный в церковных делах, но, искренне желая служить Богу, он на первых порах поверил в истину обновленческого пути и связал с ним свою судьбу, но уже вскоре пришло раскаяние...

Из прошения его Святейшеству Тихону, Патриарху Московскому и всея Руси от бывшего обновленческого священника Томской епархии Михаила Борисовича Борисова.

«...Согласно воззванию Вашего Святейшества от 15.07.23, что предъявил мне благочинный 2-го округа Кузнецкой церкви 23.07.24, я с того же дня сложил с себя обязанности приходского священника и 26 июля того же года отправился в путь к Вашему Святейшеству для принесения истинного покаяния, ибо, прочитав это воззвание, я только тогда уразумел всю наготу и ложь обновленчества.

Рукоположен в сан священника 17/30.03.24 обновленческим епископом Николаем Нагановым города Щегловска и Кузнецка Томской епархии.

Прошу почтеннейше Вашего святого благословения и святых молитв, да простит мне Господь Бог мои прегрешения и заблуждения, в чем сожалею и чистосердечно раскаиваюсь... Почтеннейше прошу, Ваше Святейшество, благословить меня на принятие сана просвитера. Отроду мне 60 лет, женат первым браком с девицею, имею 6 детей.

Бывший обновленческий священник Михаил Борисов»

Поверх текста прошения нанесена резолюция Патриарха Тихона: «20.08.1924 г. согласен перерукоположить по исповеди у духовника Михаила Борисова, а потом ему обратиться к преосвященнику Никите Бийскому за получением прихода».

... Непросто решался вопрос с приходом. Идя навстречу просьбе Борисова, благочинный Платонов представил Борисова жителям села Афонино, но те решительно отказались от него: стар да неопытен. Причина серьезная, а все же главного крестьяне не сказа-

ли: проведали о его «обновленческом» прошлом и не простили ему отступничества. И здесь, как в капле воды, отразилось отношение пастыри к «обновленчеству» И потому-то в селе Черкасове экстравагантная, если не сказать провокационная, выходка Борисова с портретами вождей возмутила крестьян: любая ошибка - жди новых го-лений. Потому-то и родилось «закладное письмо» в ОГПУ на неугодного пастыря. Не увидел народ в нем святости, не поверил, не пошел за ним ...

14 мая 1927 года Борисов был арестован и содержался в Щегловском Доме заключения до окончания следствия. Его дело позднее следователь ОГПУ соединил в одно производство с уголовным делом священника Платонова Маркела Платоновича.

* * *

... Не удалось выспаться в ночь на старый Новый год 1925 года старшему милиционеру 3-го участка Бачатской раймилиции Артемьеву. Дежуривший в сельсовете сельисполнитель Соловьев заметил и проследил двух неизвестных мужчин, которые ходили вокруг сельсовета, заглядывали в окна, а затем скрылись в ограде сельского священника Платонова. Время было суровое: нередко звучали по ночам выстрелы, от которых гибли коммунисты и комсомольцы, а потому Соловьев поторопился разбудить среди ночи милиционера. Последний также скрытно поднял заместителя председателя сельского исполкома Любимова, зам. секретаря Карачумышской партячейки Баранова, после чего, вооруженные наганями, они ворвались в дом священника. Пока шел обыск и устанавливались личности задержанных в доме священника гостей, в Бачатскую милицию мчался нарочный за подмогой. Едва забрезжил рассвет, как в село приехали агент угрозыска Гачегов и несколько милиционеров.

А в эту новогоднюю ночь (по старому стилю) в доме Платонова Маркела Платоновича, благочинного Карачумышской церкви Томской епархии, были задержаны 9 мужчин и три женщины. Почти все мужчины были служителями культа .

Из личного дела Платонова Маркела Платоновича.

«...1886 года рождения, уроженец Казанской губернии, чуваш, окончил церковно-учительскую школу, женат, 5 детей в возрасте от 3 до 14 лет; дважды привлекался к уголовной ответственности, подвергался штрафу за хождение с иконами без разреше-

ния, но судим не был. Учительствовал в селе Усяты Прокопьевского района, с 1914 по 1917 г. - дьякон в селе Бачаты. с 1917 г. - священник-миссионер в селе Карачумыш... В хозяйстве Платонова дом пятистенок, надворные постройки, 1 лошадь, 2 дойные коровы, 2 нетели, 5 овец, 1 свинья, куры...»

Из секретного меморандума Кузнецкого
окружного отдела ОГПУ от 20.06.28.

«...Платонов Маркел Платонович, благочинный Бачатского района, священник, активист - «тихоновец»...22.05.24 Платонов «святой водой» освятил ключ, открытый им возле деревни Карачумыш Бачатского района, собрав туда чувашское население села, разъяснял, что вода источника имеет целебные свойства от болезни «трахома»...

...в августе 1924 г. Платонов распространял среди населения слухи, что в конце месяца в небе будет «огненный дождь».

...22.12.1923 г. Платонов в своей квартире собрал «тихоновское» духовенство Кузнецкого округа. Под видом гостей у него были 8 священников и 9 простых представителей от населения и провел нелегальное совещание: положение церкви сообразно июльскому воззванию Патриарха и изыскание способов борьбы с обновленчеством. Платонов был арестован, но вскоре был отпущен под подписку.

... В 1926 году Платонов добился приезда в Кузнецкий округ епископа Никона и повел подготовительную работу по созданию нелегального епархиального управления ...

...Платонов имеет связь со священником села Черкасово Борисовым, который привлекается по ст.58-10 ч.1 УК РСФСР»

Данный меморандум свидетельствует о том, что Платонов в поле зрения чекистов находился давно и первые донесения о нем появились в ноябре 1923 года.

Энергичный, грамотный, в это смутное время он сумел сплотить вокруг себя приверженцев истинной православной веры и вести нелегкую борьбу за чистоту рядов Святой Церкви. Ни аресты, ни штрафы не сломили его. И тогда, арестованный в староногоднюю ночь 1925 года, он около двух месяцев томился в Щегловском доме заключения, пока, наконец, 9.03.25 помощник прокурора по Кольчугинскому уезду Васильев не освободил его из-под стражи со следующей формулировкой: «...для предания суду нет законных оснований и поводов в виду недостатка собранных доказательств по

делу». Это был 25-й год, и голос прокурора еще мог остановить и образумить зарвавшихся работников ОГПУ.

Не удалось тогда Артемьеву доказать вину Платонова и его гостей: при обыске не обнаружили ни оружия, ни запрещенной литературы. «Мои гости прибыли ко мне на стакан чаю по случаю именин», - так пояснил на допросе Платонов о причине поздних посиделок в январе 1925 года. Но не внял этому Артемьев и в приступе классовой ненависти, направляя арестанта в окротдел ОГПУ, подготовил следующее заключение: «...нахожу, что данным следствием в полноте устанавливается факт преступления, доказательством чего является то, что во время проведения совещания двое неизвестных граждан ходили ночью около здания сельсовета и по «горячим следам» были обнаружены в избе и ограде попа Маркелова... Все задержанные были без документов, приехали на ночь с целью усиления агитационной работы среди населения против местных и центральных властей. Старший милиционер 3-го участка Бачатской милиции Артемьев».

И, словно чувствуя неубедительность своего заключения, он прикладывает к нему свой рапорт: «... в случае нахождения поручающихся за попа, просьба не обращать внимания, т.к., по видимому, они, т.е. религиозные культы, могут найти свидетелей в организованном виде... Убедительная просьба утвердить мое заключение. Артемьев». Утверждение заключения в то время автоматически давало ему ход в суд (тройку ОГПУ, Особую комиссию и т.п.) с обвинительным заключением, а это, наверняка, лишение свободы. И если Артемьев в данном случае проявил свою юридическую несостоятельность, то в оценке обстановки на вверенном ему участке он не ошибся - поднялся народ в защиту своего пастыря. 16.02.27 в Бачатскую раймилицию направляется «Одобрение» - своего рода протокол православной религиозной общины Вознесенской церкви села Карачумыш, который подписало 70 человек, а 23.02.27 в милицию ушел новый документ - «Ручательство» за подписью уже 82 человек. «...отец Маркел Платонов за время нахождения в нашем приходе с 1918 года вел себя безупречно, к обязанностям относился добросовестно, на проповеди говорил только на религиозные темы и против власти никакой агитации не проводил, поэтому мы уважительной причины к аресту нашего пастыря не видим и просим Власть освободить нашего священника. Если уезд не удовлетворит нашей просьбы, то будем жаловаться вплоть до Центральной власти по дистанциям (видимо, инстанциям-авт.)). Прокуратура прислушалась к голосу народа, и священник был освобожден. А у Борисова такой поддержки не было...

Два года вылеживалось прекращенное дело в сейфах ОГПУ,

словно выжидая подходящего момента. И он наступил два года спустя. Уже в 1927 году, расследуя дело об уничтожении Борисовым портретов вождей революции, гэпэушники установили, что в ту старонОВОГОДНЮЮ НОЧЬ 1925 года Борисов также был в доме Платонова, но за несколько часов до ареста всех ее участников он ушел домой, один, в морозную ночь пешком за 9 километров. За эту тоненькую ниточку и уцепились следователи.

Из постановления ОГПУ по Сибирскому краю

«...уполномоченный СО ПП ОГПУ по Сибкраю Воротилов...

НАШЕЛ:

в имеющемся деле материалами следствия преступления, совершенные Борисовым М.Б. и Платоновым М.П. вполне подтверждаются. Дело по соображениям агентурного характера не может быть рассмотрено в гласном порядке, а посему, руководствуясь приказом ОПТУ от 2.04.24 за № 172,

ПОСТАНОВИЛ:

следственные дела по обвинению Борисова М.Б. и Платонова М.П. объединить и направить на рассмотрение Особого Совещания при коллегии ОГПУ.

Копию настоящего постановления вместе с делом направить в Сиб-крайпрокуратуру на предмет дачи заключения по делу. 25.07.1927 г.уполномоченный СО Воротилов».

Выписка из протокола Особого Совещания при коллегии ОГПУ от 7.10.27

«...Борисова Михаила Борисовича приговорить к лишению свободы сроком на один год; Платонова Маркела Платоновича заключить в концлагерь сроком на 3 года. Дело сдать в архив».

Один экземпляр выписки из протокола ОСо работники ОГПУ направили в порядке уведомления в г. Иркутск архиепископу Василию Виноградову - вот, мол, как мы ваших попов! Но мало им показалось, и, словно в отместку Борисову за порушенные портреты «вождей революции», данную выписку направляют в самодельном конверте, изготовленном из ... портрета последнего русского императора Николая II. Но если выходку Борисова с портретами Буденного и Ворошилова еще можно объяснить как нервный срыв старого и не очень здорового человека (в медицинском заключении в деле отме-

чено, что «при осмотре Борисова М.Б., 64 лет, 24.04.27 найдено: сильное малокровие, невращения, невроз сердца, катар желудка и старческая катаракта...», то здоровье молодых и крепких работников ОГПУ было отменным. Это походило на мелкую и гаденькую моську...

После определения меры наказания дороги Борисова и Платонова разошлись и, видимо, навсегда. Борисов отбывал свой год в ЗапСибкрае, а Платонов был направлен в СЛОН - в Соловецкий лагерь особого назначения, который имел печальную славу лагеря с самым жестким на тот период режимом содержания заключенных. В 1930 году в мае Платонов отбыл свой срок наказания и готов был вернуться к вольной жизни, да только из Москвы подоспела выписка из протокола Особого Совещания при ОГПУ от 23.05.30: «...по отбытии срока наказания Платонова Маркела Платоновича выслать через ОГПУ в Северный край сроком на три года»...

Похоже, наказание растянулось на всю жизнь, и сама жизнь стала сущим наказанием. А впереди был еще 1937 год...

25.02.2001 года заключением прокурора Кемеровской области Платонов Маркел Платонович и Борисов Михаил Борисович были реабилитированы...

КРИВОЕ ЗЕРКАЛО НКВД

Из протокола допроса от 11.01.1935 г. свидетеля Култаева И.Ф., 1880 года рождения, уроженца с. Банново Крапивинского района Западно-Сибирского края, плотника, члена ВКП(б), грамотного...

«Приблизительно 15-16 октября 1935 г. ко мне в квартиру по улице Кузбасской, 59 пришла Шеметова Раиса, 55 лет. Она сказала, что приехала из Сталинска к своему зятю, который работает в цинкографии газеты «Кузбасс», но он выгнал ее, и она попросилась переночевать ко мне на квартире, а на следующий день она собиралась уехать в Сталинск. Я разрешил ей пробыть у меня сутки. В дальнейшем разговоре я узнал, что она, так же, как

и я, казачка из Оренбургской губернии; узнал, что у нее есть сын в Москве, работает в НКВД, хорошо образован и еще от царя получал в подарок часы... Второй сын, Алексей, артист, живет в Сталинске, а дочь-студентка института черной металлургии (Сибирский металлургический институт –авт.).

На следующий день ко мне явилась молодая женщина или барышня лет 18-19, которая, увидев Шеметову, сказала:

-Вот тебя-то мне и надо...

-Как съездила?- спросила Шеметова.

-Неудачно, но говорить здесь нельзя,- и барышня показала глазами на меня.

-Говори смело, - успокоила ее Шеметова, - здесь все свои, беспартийные (ошиблась, видно, Шеметова, сознательным членом ВКП(б) оказался бывший казак Култаев, потому и донес на нее в ОГПУ).

И тогда барышня стала говорить, что при выезде Кагановича из Сталинска пустили встречный поезд, чтобы раздавить товарища Кагановича, но вышла неудача, и паровоз попал на другой поезд, и погибло много людей...

Потом барышня спросила:

-А Вы приготовили, о чем я писала?

-Да, давно все готово, - ответила Шеметова и передала ей небольшой чемоданчик. - А что вы собираетесь делать?

-Вторым поездом из Сталинска должен приехать Каганович. Мне некогда копаться.

Она собралась уходить, но когда она была в дверях, Шеметова спросила:

-А как живет Алеша? (Речь идет о сыне Шеметовой, с которым она рассталась в Сталинске несколько дней назад, но почему-то она спрашивает об этом женщину, которая живет в Кемерово - авт.), и та ответила:

-Из Москвы пришло письмо, в котором пишут, что требуется шесть надежных по природе человек, и они уже выбраны...

От кого письмо, я не знаю, но, кажется, фамилия его автора начинается на «К». Наверное, Каменев, кто же еще может написать... И барышня вышла на улицу, а Шеметова на следующий день уехала...

Записано с моих слов верно, в чем и расписуюсь. Данные показания обязуюсь не разглашать. Култаев».

Допросил оперуполномоченный ОО УГБ Дятлов».

Сейчас так мог бы начаться крутой бестселлер, а тогда, осенью 1935 года, так начиналось обычное уголовное дело...

Видимо, работникам ОГПУ сведения Култаева показались важными, потому что работа по делу буквально закипела. На справке о лицах, «проходящих по разработке», начальник ГО НКВД гор. Сталинска Корытов размашисто пишет наискосок:

«тов. Микову. Раису, Алексея, Зою арестовать! Пишите справку без согласования с прокурором .17.01.1935 г.».

Это своего рода отступление от нормы УПК, да, видимо, спешка требовала того, впрочем, следом за той справкой в деле все же имеется «Служебная записка» зам. прокурора г.Сталинска от 17.01.1935 г. (документ отнюдь не процессуальный) следующего содержания:

«Сталин. отдел НКВД. Задержание гр. Шеметовой Раисы Алексеевны, Шеметова Алексея Ивановича и Шеметовой Зои

Ивановны - санкционирую. Оформленные документы будут досланы завтра. Сорокин».

Этим же числом датированы постановление об избрании меры пресечения и предъявления обвинения всем Шеметовым. Всем трем - в одном документе, как говорится, «чохом»! В тот же день, 17.01.1935 г. была задержана вся семья Шеметовых, а 18 января по месту их жительства были проведены обыски. Начались допросы. Следствие продвигалось стремительно (надо отдать должное ОГПУ), о чем свидетельствует секретная переписка НКВД.

«17.01.35 г. Кемерово. НКВД. Распоряжением Волкова Култаева Ивана Филипповича обяжите явкой особый отдел Сталинска. №305. Корытов».

«Секретно. Кемерово.022.20.19.12.4. Записка проводу Сталинск. Горотдел НКВД Корытову. Култаев Иван Филиппович вместе Хуснутдиновым окончании допросов других свидетелей данному делу выезжают Сталинск. Баринбаум».

Из протокола допроса от 18.01.1935 г. Шеметовой Раисы Алексеевны, 1881 г. р., урож. Оренбургской губернии с. Куртамыш: домохозяйка, б/п, грамотная.

«14 .09.1934 г. я приехала из Сталинска в Кемерово к зятю для того, чтобы помочь убрать огород. Но он уже был женат на другой женщине, пока моя дочь училась в Сталинске. Там же живет мой сын Алексей, артист клуба «Железомонтаж». Я убира- ла овощи с огорода, продавала их и несколько дней жила на квар- тире Култаева. Не помню, какого числа ко мне зашла знакомая по Сталинску, Манузина Феня. Она работала машинисткой в за- водоуправлении, а ее муж был артистом Пролеткульта. В 1934 г., летом, после ликвидации Пролеткульта, они переехали в Ке- мерово. Она заходила, чтобы вернуть книжку «Бруски» Панферова, которую она брала у меня читать еще в Сталинске летом 34- го.

После обычных приветствий я сказала, что боюсь ехать домой поездом из-за крушения поездов. Манузина сказала: «Да, было крушение, наверное, думали, что едет Молотов, а он дру- гим поездом уехал. При крушении погибло много людей. В разго- воре она также сказала, что ее муж получил письмо из Москвы от Мелузова Александра Васильевича, где он приглашает 8 ар- тистов для работы в театре: ее мужа, двух Михайловых, двух Бо- рисюков, моего сына Алешу и еще кого-то».

Допрошенные по делу дети Шеметовой и Манузина ни на йоту не добавили доказательств виновности Шеметовой, но тем не менее следствие по делу продолжалось с еще большим тщанием. Видимо, такое «ЧП», как крушение поездов, а главное, магия громких имен - Каганович, Молотов, Каменев - не давали покоя работникам ОГПУ: Очень уж им хотелось раскрутить «громкое дело». Даже тот факт, что не было в 1934 году Кагановича, не охлаждал их пыл.

На очной ставке с Култаевым Шеметова Р.А. последовательно разоблачает последнего во лжи:

«...награду от царя - часы - получал не мой сын, а муж. Сына тогда еще не было на свете...

...в Сталинске был Молотов, а не Каганович, и о том, что хотели кого-то раздавить паровозом - разговора не было...

...письмо Манузиным пришло из Москвы от бывшего режиссера Кемеровского Пролеткульта Мелузова. Его фамилия начинается на «М», а не на «К»...

... Не давала я никакого чемоданчика Манузиной, а сама взяла у нее книжку «Бруски». Кроме фанерного чемоданчика, с которым я пришла к Култаеву, у меня ничего не было. С ним я и уехала в Сталинск...»

Но сверхбдительный Култаев продолжает настаивать на своем: был чемоданчик... Не Молотов был, а Каганович, и фамилия автора письма начинается на «К», и была как будто бы Каменев. Но вместо благодарности он получает от гэнэушников «телегу» в горком партии.

**Из письма начальника ОО УГБ УНКВД
по ЗСК г. Новосибирск.**

«...Одновременно сообщаем, что вследствие несвоевременного сообщения Култаевым органам УНКВД, нами поставлен вопрос перед горкомом ВКП(б) о привлечении его к партийной ответственности. Коротков. Дятлов».

Получилось, как говаривал Петр 1: «Доносчику - первый кнут!».

Промашка ли Култаева, недостаточный ли профессионализм работников ГПУ, а, скорее всего, время еще не пришло, когда «брали» всех подряд по самым фантастическим обвинениям, но 25.01.1935 г. в Новосибирск ушла следующая телеграмма:

«Новосибирск. УНКВД. Волкову. Процессе допросов очных ставок подтверждается разговор крушении поезда время пребы-

вания Молотова Кузбассе. Письме полученном Москвы режиссер Мелузов приглашает восемь человек артистов, том числе Шеметова Алексея. Култаев своих показаниях запутался, перепутал форму и обстоятельства разговора. Култаев, Шеметовы, Манузина допрошены прокурором Сталинска присутствии нас. Арестованные под стражи освобождены отсутствием состава преступления. Корытов. Хуснутдинов».

Счастливым конец? Но так ли счастлив финал истории, когда пожилая женщина по первому сомнительному доносу подвергается недельному содержанию в тюрьме вместе со своими детьми? Всего то неделя, но все-таки тюрьмы! Уже после первых допросов Шеметовой и Манузиной вырисовывалась правильная картина событий, но в стенах НКВД, как в кривом зеркале, все искажалось, принимало зловещие формы.

Сверхбдительность, густо замешанная на страхе одного, и чрезвычайное и бездумное усердие других едва не сломали жизнь честных людей. Обошлось. У нас в таком случае принято говорить: испугом отделались. Но именно этот испуг, этот страх, загнанный вовнутрь каждого человека тогда, в 35-ом, позволит НКВД по приказу «руководящей и направляющей» организовать в 37-ом и последующие годы настоящую войну против собственного народа.

Сейчас все Шеметовы полностью реабилитированы прокурором Кемеровской области, но тогда, в 35-ом, покидая тюрьму НКВД, они вынуждены были дать следующую подписку:

«1935 года, января 25 числа. Мы, нижеподписавшиеся Шеметовы Раиса Алексеевна, Зоя Ивановна, Алексей Иванович, даем настоящую подписку Сталинскому ГО НКВД в том, что обязуемся никому, даже близким людям, не разглашать о происходивших в НКВД разговорах и допросах. К сему. (Подписи)».

Они смолчали, смолчали и другие, и зеркало НКВД осталось незамутненным, и многие, жившие тогда, даже не заметили, что оно было кривое.

ЗИГЗАГИ ГЕОРГИЯ ГУДКОВА

Жизнь не баловала Георгия Гудкова. Ее ровное течение порой давало такой зигзаг, что в глазах темнело. Другой бы сломался давно, а он гнулся, скрипел, но не сдавался. А как иначе, ведь семья на руках...

До революции Гудковы жили справно. От отца ему достались в наследство усадьба, полный двор скотины, земля. Каждый сезон нанимал Георгий работников — иначе не справиться было ему с таким хозяйством. И хотя гражданская война изрядно потрепала его, а все же осталось кое-что на разживу. К концу 20-х снова окреп Георгий. Жить бы да радоваться, а тут — коллективизация! Стали делиться на селе вчерашние земляки: кто победнее — в колхоз, кто побогаче — сами по себе. Хоть и не был Георгий богачом, мельниц и магазинов у него в помине не было, а все же к голтыбье себя не относил. Не пойду в колхоз — сам пахать землю буду!

Первая волна раскулачивания миновала подворье Гудковых. Она смела тех, кто побогаче. В тридцатом году потянулись из села скорбные вереницы повозок, увозя на далекий Север вчерашних хозяев жизни. В 1931 году очередь дошла и до Георгия. И вынужден был подкулачник Георгий Гудков со всей своей семьей сменить теплый и уютный Алтай на холодный и голодный Нарымский край. Тяжело было привыкнуть ему, жителю алтайских степей и предгорий, к глухой сибирской тайге, к тому лесоповалу, где пришлось теперь работать. Всей душой рвался он назад, но какая-то злая сила крепко держала его в чужом краю. И все же после года нарымских мытарств блеснул лучик надежды в образе «доброго» энкэвэдэшника: поедешь на юг Кузбасса, в Прокопьевск, но будешь нам помогать... Нелегкий выбор, но Георгий решился: боялся, что дети не вынесут суровых морозов и других таежных лишений. Это будет мой грех — мне и ответ держать за него!

...Десять лет прошло с тех пор. Уже совсем справным забойщиком стал Георгий Гудков. Дети подросли, жили справно, хотя того, что было до раскулачивания, не было и в помине, ну да на жизнь все равно он был не в обиде. Свою «общественную работу», как он называл про себя дружбу с НКВД, выполнял нехотя: спрашивали — сообщал, а сам большой инициативы не проявлял. Что-то претило ему, алтайскому мужику, в этом деле, хотя он видел, как люди невольно вздрагивали при одном упоминании НКВД. Страх, глубокий, застарелый, тянулся в сегодняшний день из суровых 30-х годов. Гоша видел это, усмехался про себя — уверен был, что эти-то страхи его минуют, но...

Летом 1942 г. жизнь Георгия дает новый зигзаг и круто меняет весь его семейный уклад. Сначала он потерял продуктовые карточки. Украл или потерял — кого это волнует, главное, семью кормить нечем. Заметался Гоша в поисках выхода, но, не найдя ничего разумного, решился на последний шаг: пришел к парторгу шахты и выложил все в открытую — потерял продуктовые карточки, помощи! А взамен пообещал раскрыть ему «свой главный секрет». Не случайно сказал - надеялся, что побледнеет секретарь парткома от испуга и непременно выполнит его просьбу. Парторг не промах оказался: «секрет» - то выведаль, а с карточками не помог. И в тот же день в местный ГО НКВД поступило сообщение, что **«забойщик Гудков Георгий раскрыл служебную тайну и сообщил, что он является агентом НКВД...»**

...Бедя не приходит одна. Тогда же, в июне 42-го, Гоша опоздал на работу. Возможно, это был не первый случай с ним, а может быть, начальник участка был почему-то зол на него, но он предупредил Гудкова, что направит в суд соответствующее заявление и документы по факту опоздания. Сегодняшний читатель, возможно, ухмыльнется: подумаешь, опоздал!.. Но тогда шла война. Вся страна превратилась в один военный лагерь. Бойцы — в окопах, на фронте, рабочие — у станка, в тылу. Ну, а Гошино место — в забое! А он — опаздывать! По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.1940г. за единственный прогул и даже опоздание виновный мог быть осужден на 6 месяцев исправительно-трудовых работ по месту работы с удержанием 25 % зарплаты в доход государства. Подобный же Указ от 26.12.1941 г. имел санкцию до 8 лет лишения свободы. Знал Георгий, чем грозит ему судимость — испугался. А ну, вспомнят его кулацкое прошлое!? А страх — плохой советчик. И он, ничему не наученный беседой с парторгом, подступает к начальнику участка с таким же разговором: не оформляй на меня документы в суд за опоздание — я ведь не просто забойщик, а тайный агент НКВД!.. Но — это по большому секрету! Тоже, видимо, надеялся Георгий, что дрогнет начальник при слове «НКВД», но... на дворе стоял уже не 37-й год. Да и начальник, видимо, попался мужик принципиальный, и заявление ушло в суд. И к тому времени, когда Гошу будут судить за разглашение его «главного секрета» - в декабре 1942г. - уже пять месяцев из его зарплаты удерживались 25 % в доход государства, как это было предусмотрено Указом ПВС СССР от 26.06.1940 г.

На этом бы остановиться Георгию, ведь понял он, наконец, что не помогают ему магические буквы — «НКВД», но он словно закусил удила и пошел напролом, теперь уже прямо к начальнику шахты. Изложил суть дела: «Я — агент НКВД. Помогите мне получить

продуктовые карточки — семья голодает! Дай команду, чтобы мне дали новую спецодежду и пропуск в шахтовую столовую, да еще под-скажи начальнику участка, чтобы материалы на меня за опоздание в суд не направлял...» Обещал ему помочь начальник шахты или нет — трудно сказать: разговор-то был без свидетелей, но соответствующее уведомление в НКВД ушло.

То ли помутнение какое произошло в голове у Гоши Гудкова по случаю жаркого лета, то ли постоянно у него там был беспорядок, да чекисты как-то проглядели, приглашая его к себе в «помощники», но теперь уже в УНКВД на него имелось три документа с обвинением. Вскоре незадачливый агент уже сидел на скамье подсудимых, в Красном уголке городского отдела милиции города Прокопьевска, и судил его военный трибунал войск НКВД Западно-Сибирского военного округа. Учитывая пикантность ситуации и необычный статус подсудимого, заседание было закрытым.

Судебное заседание было открыто в 13 часов 20 минут, а уже в 14 часов 40 минут председательствующий на заседании объявил приговор: 7 лет исправительно-трудовых лагерей с поражением в правах сроком на три года...» Никаких судебных проволочек, да и к чему они, если подсудимый Гудков свою вину признал полностью и никаких свидетелей на процессе не было. 72 часа, как и следовало по закону, давалось Георгию для обжалования приговора в порядке кассации, он этого не сделал. Видно, вспомнил, как в Нарымском крае когда-то решил: мой грех — мне и ответ держать!

СХВАТКА С СИСТЕМОЙ

Судьба Георгия Белкова, как и многих других его современников, была предрешена, когда в 1937 году был разгромлен троцкистско-зиновьевский блок и состоялись показательные суды над его лидерами. Получив импульс в Кремле, волны репрессий разошлись по всему Союзу, находя себе все новые и новые жертвы. Дошли они и до Ленинск-Кузнецкого. Именно здесь в конце 1937 года сотрудники Ленинского городского отдела НКВД обнаружили в тресте «Ленинскуголь» «гнездо троцкистов», основу которого составляли исключенные из ВКП(б) лица, и активно взялись его расчищать. Первым был Барсуков Максим Иосифович, слесарь механических мастерских треста «Ленинскуголь».

«СПРАВКА

на арест и привлечение к уголовной ответственности
Барсукова Максима Иосифовича (он же Попович
Павел Михайлович), по ст. 58-7-11 УК РСФСР.

Материалами УГБ Ленинск-Кузнецкого ГО НКВД установлено, что гр-н Барсуков Максим Иосифович, он же Попович Павел Михайлович, 1879 года рождения, в прошлом вор-рецидивист, бывший член ВКП(б); в 1935 году исключен из партии как проживающий под чужой фамилией. До ареста работал слесарем в механических мастерских.

Состоял активным членом право-троцкистской диверсионно-вредительской организации, работал в ее филиале, орудовавшем в угольной промышленности в городе Ленинске-Кузнецком. В члены организации был вовлечен в августе 1934 года врагом народа Г.Д. Хорошко, главным инженером шахты им. Ярославского. По заданию Хорошко проводил вредительско-диверсионную деятельность, вел обработку и вербовку новых участников в контрреволюционную организацию...»

Одним из таких «завербованных», по расчетам чекистов, был Георгий Белков, 28-летний формовщик тех же мастерских. Он имел к тому времени двух малолетних детей, и в его планы явно не входили ни контрреволюционная деятельность в интересах незнакомого ему лично Троцкого, ни, тем более, пребывание в тюрьме. Той мизерной зарплатой, что он получал в мастерских треста, едва

хватало, чтобы прокормить семью. Но репрессивный механизм был уже запущен, и он требовал все новых и новых жертв. 30 октября 1937 года Георгий Григорьевич Белков был арестован.

Трудно строились его отношения со следователем Белоусовым. Не зная за собой никакой вины, он вел себя на допросах независимо и на за что не хотел признавать себя «врагом народа», а когда следователь был особенно настойчив в своих домогательствах, то он, как истый русский мужик, посылал его куда подальше. Верится с трудом, чтобы в страшный 37-ой так могли разговаривать с чекистами, но документы тому свидетели.

Выписка из рапорта помощника оперуполномоченного 4-го отделения ГО НКВД Белоусова начальнику 4-го отделения Ленинск-Кузнецково ГО НКВД сержанту ГБ Славкину от 21.2.1938 г.

«Довожу до Вашего сведения, что сего дня, 21.02.1938 г., вызванный мною на допрос арестованный Белков Георгий Григорьевич вел себя возмутительно. Вместо дачи определенных ответов на задаваемые вопросы выражался нецензурными словами, клеветал на органы НКВД, что последние занимаются издевательством с принуждением к даче показаний. Мои предупреждения перестать ругаться - повторяет вновь разного рода матерщину.

Доводя об изложенном, прошу к арестованному Белкову Г.Г. принять соответствующие меры воздействия» (Орфография сохранена - авт.)

На рапорт наложена виза руководства ГО НКВД: «Написать постановление о наказании Белкова на 5 суток карцера. Славкин».

Но, похоже, карцер мало повлиял на Белкова, потому как, спустя несколько месяцев, в августе 1938 года, при очной ставке с Барсуковым он вновь проявил свой независимый характер, не соглашаясь с методами следствия, да так заразительно, что даже Барсуков, к тому времени уже признавший себя «врагом народа», вместе с ним принялся крыть матом лжесвидетелей по делу и органы НКВД. И вновь был рапорт Белоусова, и вновь был карцер.

Выписка из постановления от 1938 года, августа 21 дня, гор. Ленинск-Кузнецкий.

«Я, оперуполномоченный 11 отделения Ленинского ГО НКВД лейтенант госбезопасности Белоусов, сего числа вызвал на

очную ставку арестованных Барсукова Максима Иосифовича и Белкова Георгия Григорьевича. Последние на очной ставке со свидетелями У. и Г. выражались нецензурной бранью, как в их адрес, так и в адрес следствия, называя свидетелей негодяями и другими похабными словами.

ПОСТАНОВИЛ:

на арестованных Барсукова М.И. и Белкова Г.Г. за оскорбление свидетелей и следователя наложить дисциплинарное взыскание в виде штрафного содержания в изоляторе на 10 суток.

«Утверждаю»

Нач. Ленинск-Кузнецкого ГО НКВД
мл. лейтенант госбезопасности Лунько».

Но у чекистов в то время было много способов «разговорить» арестованного: угрозы, обман, меры психологического и физического воздействия. Не выдержал и Белков, признался-таки, что вовлек его в эту контрреволюционную организацию Барсуков, и он кого-то в свою очередь «завербовал». Зная строптивый характер Белкова, следователь каждое его признательное показание продублировал своего рода страховочным протоколом допроса.

Из протокола допроса обвиняемого Белкова Г.Г. от 4.09.1938 г.

« Вопрос: Подтверждаете ли Вы свои показания от 3.09.1938 г. о том, что состояли в право-троцкистской контрреволюционной организации?

Ответ: Свои показания от 3.09.1938 г. полностью подтверждаю и добавить к этому ничего не могу.

Белков».

Но не так прост был Белков и другие политарестанты. Зная возможности НКВД в отношении умения добыть признательные показания и ограждая себя от ненужных пыток и унижений, они шли на признание, чтобы потом на суде заявить о своем несогласии с выводами следователя. Главное, чтобы дело было направлено в суд, а не на заседание «тройки» или «двойки» УНКВД. Там уж тебя никто не спросит и не выслушает - дело решенное. Об этом арестованным в камере говорили те, кто уже имел опыт общения с репрессивным аппаратом. Но там же, в камерах, находились и те, кто сообщал следствию и оперативным работникам НКВД о таких вот «просветителях». Там их называли по-разному.

му: «стукачами», «клухами» и т.п.

Из протокола допроса М. от 23.08.1938 г.

«Вопрос: Сколько человек сидит в камере?»

Ответ: 13.

Вопрос: Какие настроения в камере у заключенных?

Ответ: Настроения в камере такие, чтобы на следствии не подписывать документы и бойкотировать следствие.

Вопрос: Кто является организатором КАМЕРНОГО ЗАГОВОРА?

/Вот уже и термин найден! - автор.)

Ответ: Организатором является Невежин Николай Иванович, который ежедневно всем говорит, что подписывать документы не нужно, пусть с нами что хотят делают, а подписывать ничего не надо. 19.08.1938 года я пришел в камеру от следователя, и, узнав, что я подписал протокол, он обругал меня, назвал старым дураком, предателем.

«Вы продаетесь, - говорил Невежин, - за папироску табака!»

Также он ругал других, кто это делал... Главное будет, что потом сказать на суде...»

Такой вот рабский бунт, единственно доступный в то жестокое время, порой спасал людей от тюрьмы. Впрочем, можно ли назвать рабом человека, который позволил себе не согласиться с законами Системы, который поднял голос против нее, пусть даже таким способом?

Белков и Барсуков, сами люди с характером, послушав советы Невежина и других, решили всю основную борьбу перенести в суд - он был их главной надеждой.

... Обвинительное заключение 18.12.1938 года было утверждено начальником УНКВД по Новосибирской области майором госбезопасности И.А.Мальцевым и направлено в суд, но туда оно так и не попало...

В конце 1938 года советская история совершила очередной немислимый пируэт, и те, кто еще вчера вершил правосудие от имени партии и государства, одновременно оказались на скамье подсудимых во главе со своим «железным наркомом» Н.И.Ежовым. Ноябрьский (1938 г.) пленум ЦК ВКП(б) в очередной раз осудил недостатки и искажения в правоприменительной практике НКВД, за что и должны были держать ответ те «винтики» от НКВД, что карали в СССР «врагов» всех мастей.

Уголовное дело в отношении Белкова и Барсукова направили на пересмотр, только теперь этим занимались другие чекисты - они не стали проявлять рвение, чтобы любой ценой засадить невинов-

ных. Отрезвленные решением партийного пленума, они старались соблюсти букву закона. Дрогнули и «свидетели-негодяи», а Белков и Барсуков, почувствовав изменения, происшедшие в обществе, ушли в «глухой отказ».

Из протокола допроса обвиняемого
Белкова Г.Г. от 2.01.1939 г

«Вопрос: На допросах ранее Вы признали, что состояли участником в право-троцкистской организации, по заданиям которой проводили вредительскую работу. Вы подтверждаете эти показания?

Ответ: Нет, не подтверждаю и виновным себя не признаю.

Вопрос: Вам предъявляются протоколы допросов, где Вы признали себя виновным в деятельности право-троцкистской организации. Вы давали такие показания?

Ответ: Да, но давались они следователю и прокурору, и они были ложные.

Вопрос: Почему Вы давали ложные показания?

Ответ: В камере арестованные в беседах часто говорили, что заперательство бесполезно. Нужно во всем признаться, чтобы избавить себя от мук и унижений, чтобы дожить до суда и там рассказать всю правду.

Вопрос: Вас обвиняли свидетели и Вы обвиняли?

Ответ: Это была ложь. Никто меня не вербовал и я никого...»

Постановление о прекращении уголовного дела было вынесено новым следователем 3 января 1939 года и утверждено еще тем же начальником УНКВД по Новосибирской области И.А.Мальцевым. К тому времени его час еще не пришел, но уже спустя несколько месяцев он будет снят с должности и привлечен к уголовной ответственности 7.09.1939 г. К.А.Мальцев был предан суду по обвинению в совершении преступления по ст.193-17 п. «б» УК РСФСР

«...за извращение оперативно-следственной работы, в незаконных арестах неповинных граждан, в фальсификации уголовных дел». Одним из таких дел было дело по обвинению Белкова и Барсукова. Осужденный к 8 годам лишения свободы И.А.Мальцев не вынес тех тягот, что сам отводил «врагам народа», мнимым и настоящим, - он умер в тюрьме 26.04.1940 года

9 января 1939 года Белков Г.Г. и Барсуков М.И. были освобождены

дены из-под стражи и вернулись домой. Позднее, 1 ноября 1941 года, Георгий Белков был призван в действующую армию, прошел всю войну и вернулся домой 13 октября 1945 года, когда вслед за Германией была повержена и Япония. Человек, которого пытались сделать врагом народа, через два года встал на защиту этого народа и вернулся победителем. Но война и тот год с небольшим, что пришлось провести в тюрьме Георгию Григорьевичу, сильно сказались на его здоровье: вскоре после войны он умер, так и не рассказав детям о тех испытаниях и унижениях, что ему пришлось пережить в сталинских застенках. Это объяснимо - он давал письменную расписку о неразглашении обстоятельств следствия. 22 марта 2000 г. Белков Георгий Григорьевич и Барсуков Максим Иосифович полностью реабилитированы прокурором Кемеровской области.

Более трагично сложилась судьба Хорошко Григория Даниловича, главного инженера шахты им.Ярославского. В настоящем деле, в пакете, опечатанном сургучом и с надписью :»Председателю суда лично», до сих пор хранится справка 8 отдела УГБ по НСО от 1.11.1938 г. , из которой следует, что **«...Хорошко Григорий Данилович осужден 28.09.1937.г. тройкой УНКВД по ст.ст.17-58-8-11 УК РСФСР по первой категории»**. В переводе на общедоступный язык - приговорен к высшей мере наказания - расстрелу.

Пусть этот небольшой очерк станет данью памяти всем тем, кто прошел сталинские застенки, и признанием мужества тех, кто в годы политической инквизиции нашел в себе силы назвать своих палачей негодьями, подлецами и достойно выйти из смертельной схватки с Системой.

И НАСТУПИТ ДЕНЬ...

Ночь опустилась на лагерь. На вышках полуночно застыли «вертухай», а по его периметру, уныло звеня цепями, устало ходили полуголодные охранные собаки. . .

«... Взбранный Воеводе победительная, як избавльшися от злых, благодарственная воспитаем Ти раби Твои Богородице; но яко имущая державу непобедимую, отвсяких нас бед свободи...»

... Остывает под луной разогретая за день земля; пребывают в ночной ненужности кирки и лопаты, пилы и топоры - они, пьющие силу людскую, истязующие их плоть и, одновременно, оправдывающие их существование в данном временном отрезке на этой грешной земле.

«... Радуйся, Звезды незаходимыя Мати; радуйся, заре таинственного дне. Радуйся, прелести пещь угасившая... Радуйся мучителя бесчеловечного изметающая от начальства ...»

Тихо в казарме, спит охрана. Неярко горит лампочка в дежурной комнате, освещая застывшего в ночной немоте дневального. Он отвечает за порядок и покой в лагере. Сейчас, ночью, он здесь самый главный и ответственный начальник. А неподалеку, в бараке, тщетно борется со сном и усталостью, накопившейся за день, заключенный-дневальный. Ночь уравнила всех.

«...Радуйся, Судии праведного умоление; радуйся, многих согрешений прощение... Радуйся, любя всякое желание побеждающая...»

Не спится лишь одному из обитателей барака №6 Ахпунского отделения Сиблага, целибатному священнику отцу Григорию, в миру Григорию Аверину, сейчас отбывающему второй тюремный срок «по политической статье» - 58-10 УК РСФСР. Только ночью и можно остаться наедине со своими мыслями, окинуть взором свою недолгую и трудную жизнь... Как в тающей дымке, возникают в памяти эпизоды детства, прошедшего в крестьянской семье в селе Валы Костромской губернии, учительская семинария. С особым трепетом вспоминаются мгновения рукоположения в сан священника преподобным архиепископом Костромским Севастианом. И сами собой всплывают в памяти священные строки из Акафиста Божьей Матери...

Борисов Михаил Борисович, 1927г.
«Наказание длиною в жизнь»

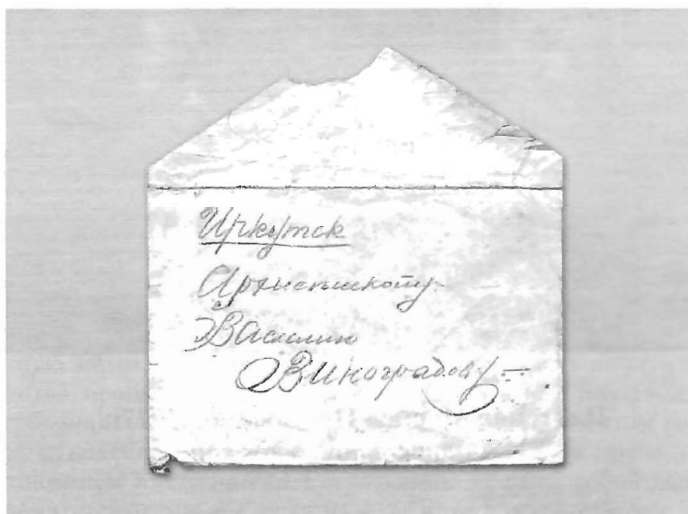

Платонов Маркел Платонович, 1927г.
«Наказание длиною в жизнь»

«...и, словно в отместку Борису за порушенные портреты «вождей революции», данную выписку направляют в самодельном конверте, изготовленном из... портрета последнего русского императора Николая II».

«Наказание длиною в жизнь»

**Атапин Александр Николаевич в 1930-е годы
«Александр - Человек Божий»**

**Волынский Петр Александрович в 1930-е годы
«Усятские праведники»**

«Радуйся, честный венче людей благочестивых; Радуйся, Церкви непоколебимый столпе; Радуйся Царствини Царствия несокрушимая стено. Радуйся Ею же воздвигнутся победы; радуйся, Ею же низпадают врази... Радуйся души моя спасение...»

Чувствует он, что все туже сжимается вокруг него, Григория Аверина, враждебное кольцо; все чаще администрация лагеря все вспоминает его имя, а наверх уходят сообщения о проводимых им беседах и молитвах; все больше тревоги в глазах тех, кто, презирая запреты, ежевечерне собирался около него, внимая каждому слову своего пастыря. Тюремная паства? А хоть бы и так! Это люди, они пребывают в нужде и тяготах, они нуждаются в духовной поддержке, им нужно Слово Божие, и он его нес, несмотря ни на какие лишения...

Лагерный сон - короткий, хрупкий, смежил глаза священника, но скоро, совсем скоро наступит утро...

Подъем всегда был неприятным событием для обитателей барака, но противный перезвон сигнального рельса легко проникал вовнутрь сквозь незастекленные окна и плохо подогнанные двери, заполнял собою душное, редко проветриваемое помещение, рвал зыбкий утренний сон заключенных. И барак оживал. Скрип кроватей, шлепанье босых ног, удушливый кашель, негромкий говор еще не отошедших от сна людей - все говорило за то, что начинался новый день, еще один в бесконечной череде лагерного срока. Заметно оживлялась жизнь барака при появлении дежурного надзирателя.

-Эй, черти, что возитесь?! Быстрее морды мойте и на построение! Бригадир - в контору! Шнырям вылизать все до блеска! Кто дневальный у вас?

-А вона в углу сидит, Аверин, - доложил Бригадир.

-А он что рассиживается? Ему что, подъем не указ?! - надтреснутый голос надзирателя, казалось, приподнимал крышу барака и перекрывал все его утренние шумы. Мужчина, о ком шла речь, одетый, сидел на своей кровати, но глаза его были прикрыты, а губы едва заметно шевелились. Какое-то мгновение он еще сидел неподвижно, не обращая внимание на окрик, затем быстро встал и троекратно перекрестился на окно, где только начали угадываться первые лучи солнца. Закончив утреннюю молитву, мужчина повернулся к орущему надзирателю. Лысая, с высоким умным лбом голова его была упряма наклонена вперед, а из-за ветхих круглых очков был устремлен открытый, полный достоинства взгляд. Он - то и смутил горластого охранника, заставил его отвернуться, пряча глаза.

-Пошли, господь, нам добрый день! - мужчина сделал общий

поклон всем находящимся в помещении и, смешавшись с толпой других зэков, отправился в умывальник.

-Он что, всегда так? - недоуменно спросил Надзиратель.

-Да почти, - отозвался Бригадир. -А то еще мужиков соберет вокруг себя да про Бога им внушает. Послушаешь иногда-занятные вещи говорит...

-Но, но! Он контру тут сеет, а вы и рты пораскрывали. Смотри- «обновят» вам сроки, будут тогда «занятные вещи»...

-Да я так... Чего уж...- Бригадир был явно смущен и не знал, как выпутаться из неловкого положения. - Мы уж и так куда надо сообщили, да молчат что-то, не торопятся...

-Ладно, я еще подскажу, надо ему хвост прижать, - и он вышел из барака, сопровождаемый мелко семенящим вслед Бригадиром.

То ли надзиратель напомнил в оперчасти об Аверине, то ли вопрос сам собой вызрел, но уже вскоре, 3 сентября 1937 года, за ним пришли. Сборы были недолгими, а при обыске только-то и нашли 11 листочков серой бумаги, на которых химическим карандашом был написан Акафист Божей Матери. В тот же день его койку в бараке занял новый заключенный - лагерная машина работала отменно, без перебоев...

**Из протокола допроса
обвиняемого Аверина Г.И., 3.09.37 г**

«Вопрос: Следствию известно, что Вы, находясь в ИТЛ, в бараке №6, и работая дневальным, по утрам проводили богослужения?

Ответ: Богослужений не проводил, но по утрам про себя ежедневно молился, совершая троекратное крестное знамение.

Вопрос: Следствию известно, что Вы собирали вокруг себя заключенных и читали им отрывки из священных писаний?

Ответ: Подобный факт отрицаю. Обнаруженный у меня Акафист Божьей Матери я записал по памяти и читал лично сам. Специально контрреволюционных бесед с заключенными не проводил, но когда мне задавали вопросы религиозного характера, как-то: что такое вера Израилева? о разнице церковных течений-, то я рассказывал и объяснял людям их значение. Виновным себя в контрреволюционной агитации не признаю. Много лет назад я состоял в партии эсеров, но сознательно ушел от политической деятельности, чтобы служить Богу...»

от 1.09.37 г. Из протокола допроса свидетеля
Тенякова М.И., 1902 г. р., осужден за должностное
преступление, ст.109 УК РСФСР.

«...Из личных бесед с Авериним я знаю, что он раньше был священником в Воронежской губернии. Я наблюдал за ним, как он ведет контрреволюционную агитацию среди заключенных: ежедневно по утрам и вечерам в присутствии многих заключенных проводит открыто богослужение, читает церковные книги. Проводя беседы, убеждает заключенных не бросать веру в Бога, приводит примеры религиозного характера. Он говорит, что в лагерях много невинных, но приходится потерпеть, что скоро наступит время Высшего Суда... Вокруг него постоянно группировались бывшие священники из других барачков...»

Из протокола допроса от 1.09.37 г.
свидетеля Натяги А.Т., 1915 г. р.:
осужден за растрату госсредств,
ст.116 УК РСФСР.

«...Григорий Аверин в нашем бараке работает дневальным. Все это время он открыто совершает религиозные обряды, молится. В беседах старается ВНЕДРИТЬ заключенным веру в Бога, жалеет о прошлых временах».

Из протокола допроса от 3.09.37 г.
свидетеля Шишкина И.М., 1906 г. р.:
осужден за воровство.

«...Аверин собирал вокруг себя заключенных, молился, читал библию, убеждал их не бросать веру в Бога. Говорил, что за те мучения, что Советская власть несет людям, ей скоро придет конец и люди снова будут жить хорошо, что Бог не допустит несправедливости... От самого Аверина я знаю, что он раньше был дважды судим за «политику»...

Торопилось следствие, торопилось, словно бы кто свыше его упорно толкал на принятие скорого и неправого решения. Практически все расследование было проведено в один день, 3 сентября 1937 года. Именно в этот день было возбуждено уголовное дело, произведены обыск и арест, предъявлено обвинение, допрошен сам Аверин и основные свидетели. В этот же день ему были предъявлен протокол об окончании следствия по делу. В нарушение уголовно-процес-

суального закона, свидетели Теняков и Натяга были допрошены за два дня до возбуждения уголовного дела, а характеристика и медсправка были приобщены к материалам дела уже 6.09.37 г., т.е. после его официального окончания.

«Следствие дополнить ничем не желаю» - это твердой рукой вывел Григорий Аверин в протоколе об окончании следствия. Умный человек, познавший методы работы НКВД, он понимал, что участь его уже предрешена, новых обвинений против него не найдут, а все аргументы в защиту следователь просто оставит без внимания. Та поспешность, с которой проводилось следствие, говорила за то, что исход дела и судьба его, Григория Аверина, predeterminedены заранее. Это был его путь на Голгофу, стремительный, страшный, последний, и он прошел его достойно, не унижаясь, не предавая ...Это путь сильных духом и чистых душой.

13.09.37 г. было составлено обвинительное заключение по делу, и в тот же день, опять же в нарушение закона, ему был вынесен приговор.

Выписка из протокола №26/9-у заседания тройки УНКВД Запсибкрая от 13.09.37 г.

«СЛУШАЛИ: дело №...

Аверин Григорий Иванович, рождения 1889 года, уроженец с. Валы Покров-Юрьевоецкого уезда Костромской губернии, священник. Судим за КРА (контрреволюционная агитация) дважды. В 1930 г. -по ст. 58-10 УК РСФСР-5 лет отбыл; в 1936 г. -за антисоветскую агитацию -3 года. В лагере занимался контрреволюционной агитацией.

ПОСТАНОВИЛИ:

Аверина Григория Ивановича- РАССТРЕЛЯТЬ».

Постановление тройки было приведено в исполнение 20.09.37 г. на руднике Темир-Тау.

Заключением прокурора Кемеровской области от 14.08.1989 года Аверин Григорий Иванович полностью реабилитирован.

20.08.2000 г. Архиерейским Собором Русской Православной церкви священномученик священник Григорий Аверин был канонизирован и причислен к лику святых.

ПОЕДИНОК

Не умеют, похоже, на Руси защищать себя. Не в смысле глобальном: Родину от врага или село от стихийного бедствия всем миром мы сможем отстоять, а вот так, по жизни, когда каждый за себя... Сейчас, конечно, проще: адвокаты, правозащитники, а в крайнем случае - «заграница нам поможет!»

Сложнее было раньше, в эпоху сталинизма. Образовательный ценз у населения низкий. Какие уж там законы знать, когда каждый второй в 30-е годы свою подпись печатными буквами лепил. Адвокат днем с огнем не найдешь, зато энкэвэдэшников - пруд пруди, а ведь у них еще и подсобный персонал был - информаторы, помощники, осведомители. Ну куда податься простому человеку, и как сохранить себя в таком окружении?!

Именно тогда, когда политические репрессии стали обыденным и повседневным делом, десятки, сотни тысяч людей, оставшись один на один с бездушной репрессивной машиной, смиренно принимали на себя несуществующую вину, оговаривали своих родных и близких, обрекая тем самым и их, и себя на верную гибель. Народ в то время словно утратил инстинкт самосохранения. А это страшно - такой народ обречен на вымирание...

Тем больше вызывают уважение люди, которые, откину в страх и кротость, восставали против Системы, не соглашались с ролью обреченных. Такие примеры мы знаем из истории. Так, комбриг Примаков с шашкой в руках встретил своих палачей, а Семен Буденный приготовил к бою пулемет, когда к нему на дачу нагрянули с арестом работники НКВД. И Система отступала...

Федор Косолапов не был военным, у него не было пулемета. Крестьянский парень, уроженец села Красное Тайгинского района, работал слесарем на цементном заводе поселка Яшкино, когда 1 ноября 1937 года в дом, где жила его семья, нагрянули с обыском. Он длился долго, но желанных результатов чекистам не дал: были изъяты паспорт, военный билет, 300 рублей да старое одноствольное ружье, и, тем не менее, Федора арестовали и определили в Мариинскую тюрьму.

А случилось это потому, что накануне против него дали показания трое рабочих завода: мастер-электрик Илларионов, слесарь-моторист Молнер и весовщик Струменко. На вопрос уполномоченного Тайгинского районного отдела НКВД Устюжанцева, что им известно о контрреволюционной агитации Косолапова среди рабочих завода, они дружно и, самое странное, почти слово в слово показали:

«...он систематически вел контрреволюционную агитацию, направленную на разложение трудовой дисциплины и срыв программы выпуска цемента, и этим преследовал ослабление мощи Советского Союза». Не слабо для малограмотных рабочих! И уже затем каждый добавил от себя. Илларионов: «Я знаю, что его отец был лишен избирательных прав как кулак...». Молнер: «. . .он делал в 1936 году призыв не выходить на работу – пусть работают коммунисты». Струменко: «...вот придумали стенгазету, говорил Косолапов, которая насмехается над рабочими как над дураками». Ну а вредителем его дружно назвали за факт остановки печи №1 в марте 1937 года. Полгода прошло с тех пор. Обстоятельства и причины ее поломки никто не выяснял, но тут уж больно удобный случай подвернулся - списать поломку на Косолапова. И списали! Закрутилась машина! И хотя на все вопросы следователя Федор твердо и последовательно отвечал: «Виновным себя не признаю!», постановлением тройки УНКВД Новосибирской области от 13.11.1937 года он был осужден на 8 лет лишения свободы с поражением в правах на 5 лет. И началась для двадцатилетнего парня новая жизнь, полная тревог и лишений...

Из Буржелдорлага (Еврейская автономная область), где отбывал наказание Федор, 25 декабря 1938 года в Новосибирскую областную прокуратуру ушла его жалоба. В ней Федор обстоятельно и аргументировано отрицает свою вину в аварии печи, поясняет, что его отец никогда не был кулаком и не лишился избирательных прав, а сам факт контрреволюционной агитации называл вымыслом свидетелей и просил пересмотреть дело. Самое удивительное, что в то жестокое время его голос, спокойный (насколько это было возможно в лагере), ровный, с чувством собственного достоинства, был услышан прокурором.

Из заключения прокурора Новосибирской области Захарова.

«...осужденный просил дело пересмотреть, мотивируя тем, что он рабочий и контрреволюционной деятельностью не занимался... Жалоба Косолапова заслуживает внимания, по делу требуется дополнительная проверка, т.к. свидетельские показания необъективны. Свидетели Илларионов, Молнер и другие утверждают, что Косолапов сын кулака, отец его лишен избирательных прав. При том в показаниях свидетелей нет данных, откуда им известен этот факт, поскольку сами они из разных местностей, а Молнер даже происходит из Венгрии ...»

Более тщательная проверка, проведенная, кстати, тем же Ус-

тюжанцевым, показала, что Илларионов на первом допросе многое «домыслил», Струменко вообще отказался подтвердить свои же слова о контрреволюционной агитации Косолапова: «Сам я не слышал от него этих слов, но кто-то из мужиков говорил, что это он говорил...» А Молнер к этому времени уже сам отбывал наказание на Колыме. На запрос о лишении избирательных прав Косолапова - отца архив УНКВД Новосибирской области сведения не подтвердил. А в довершении уже сам Устюжанцев при более тщательной проверке обстоятельств аварии печи №1 установил, что остановка ее произошла совсем в другую смену и лица, виновные в аварии, уже сидят в тюрьме.

Так стойкость, мужество и принципиальность молодого паренька из рабочего поселка Яшкино помогли ему выстоять в борьбе с Системой. Он был оправдан и освобожден из-под стражи в октябре 1939 года, т.е. спустя 2 года после несправедливого приговора. Как бы то ни было, но это была его победа, личная Победа Федора Косолапова.

А над страной еще долго висела мгла правового беспредела...

УСЯТСКИЕ ПРАВЕДНИКИ

Казенные документы лишены эмоций. В них есть информация о человеке, о событии, в них фиксируются исторические даты, но они лишены эмоций. А как иногда важно увидеть за сухим строем букв таких документов судьбу человека, его живую душу...

Выписка из протокола № 14/9
Заседания тройки УНКВД Западно-
Сибирского края от 18.08.1937 г.

СЛУШАЛИ:

Дело №9139/364 Прокопьевского ГО НКВД

Волынский Петр Александрович, 1888 года рождения, уроженец села Архангельское Московской области, священник. Активный участник монархической, контрреволюционной, диверсионно-повстанческой организации в Прокопьевском районе.

ПОСТАНОВИЛИ:

Волынского Петра Александровича РАССТРЕЛЯТЬ.

Принадлежащие лично ему имущество конфисковать. Дело сдать в архив.

А следом еще один казенный документ, исполненный на 1/4 печатного листа, справка:

ВЫПИСКА ИЗ АКТА:

«По постановлению тройки УНКВД ЗСК от 18 августа месяца 1937 года о расстреле Волынского Петра Александровича — приведено в исполнение 29.08.1937 года.

Верно: сотрудник оперштаба (подпись неразборчиво)».

Уголовное дело № 9139 (именно под таким номером оно значилось в НКВД в 1937 г.) объемное и включает в себя около 300 листов, и каждый лист несет в себе какую-то информацию о людях, живших на земле кузбасской более шестидесяти лет назад.

Их было четырнадцать человек, привлеченных к уголовной ответственности по настоящему делу, из которых восемь были расстреляны на одиннадцатые сутки после суда «тройки УНКВД». Информация для читателя: «Тройки УНКВД», наряду с «двойками» и Особым Совещанием при НКВД, являлись несудебными органами,

выполнявшими судебные функции во время массовых политических репрессий. Они были учреждены НКВД и находились в его ведении). Четверо были приговорены к лишению свободы сроком от 8 до 10 лет, и лишь двоих, 80-летнего Брагина Афанасия Абрамовича и 62-летнюю Бычкову Александру Ивановну, освободили из-под стражи, а уголовное дело прекратили за недоказанностью. Даже свой, энквэдэшный суд в лице «тройки», не поверил в причастность к диверсионной организации этих старых и больных людей...

А кем же был тот человек, что возглавил контрреволюционную, диверсионно-повстанческую организацию? Какой урон был нанесен советской власти данной организацией в отдельно взятом районе Советского Союза, а именно: в поселке Усяты Прокопьевского района?

Семья Волинских с 90-х годов прошлого века жила в селе Любичи Московской области. В их роду было много священнослужителей. Прадед Петра Волинского был сельским священником, дед, Федор Волинский, был псаломщиком; отец, Александр Федорович, после окончания семинарии в Скопине Рязанской губернии также служил Богу и был митрофорным протоиереем. В годы первой мировой войны был на фронте полковым священником. Он хорошо знал древние европейские языки — латынь, древнегреческий, мог проводить службу на греческом языке, переписывался со священниками из Греции. Перед революцией ему было пожаловано звание «Почетного дворянина». После 17-го года Александр Федорович вышел на пенсию, оставил службу в церкви. Принять такое непростое решение этого глубоко религиозного человека заставило одно обстоятельство: боязнь за будущее своих детей. Тот воинствующий атеизм, который захлестнул Россию после революции, не давал никакого шанса церкви выжить в этой неравной борьбе. А страх Александра Федоровича был обоснован — у него было девять детей: шесть дочерей и три сына, старшим среди которых был Петр. Но даже добровольный отход от дел церковных не уберег его самого от репрессий, и в 1929 году он был сослан в село Усть-Цильма республики Коми, где в течение 2 лет снимал у чужих людей угол для себя, за что нянчил и учил хозяйских детей грамоте. По окончании срока ссылки в 1931 году ему не разрешили вернуться в Подмоскovie к семье, определив место жительства в Рязани. Туда приезжает его младший сын, на руках которого в 1939 году и умер Александр Федорович, пережив своего старшего сына Петра и внука Бориса...

Петр Волинский был человеком среднего роста. Стройный, красивый, он был удивительно музыкален и артистичен. У него был богатый голос, он с удовольствием пел, и не только на службе в церкви. До сих

пор его дочери, Надежда и Ольга, с трепетом вспоминают, как они втроем пели с отцом под гитару длинными зимними вечерами.

Выбрав в жизни путь, которым шли его дед и отец, Петр Волинский учился в духовной семинарии, а в свободное от учебы и служб время занимался в драматическом кружке одного из театров. Во время первой русской революции вместе с другими студентами разъезжал по Москве на конках, разбрасывал листовки, сопровождая их призывами: «Долой царя!», «Да здравствуют Советы!»

Знал бы тогда слушатель духовной семинарии Петр Волинский, что ему готовят Советы!..

По окончании семинарии в 1914 году Петр Волинский женился на Лариной Лидии Александровне. Бурное прошлое молодого священника, его бунтарские настроения не остались незамеченными руководством семинарии, и ему дают назначение подальше от Москвы, в поселок Мищенковский Кокчетавского уезда Омской епархии. Получив от родителей, а затем в семинарии солидный нравственный багаж, Петр Волинский нес по жизни поистине святое отношение к таким понятиям, как ЧЕСТЬ, ДОЛГ, ДОСТОИНСТВО. Оказавшись в Казахстане, коренное население которого в те далекие времена еще жило по законам феодализма, отец Петр в меру сил нес просвещение своим прихожанам, бескорыстно обучая основам грамоты местных детишек. Кроме богослужений, в годы гражданской войны он зачастую бесплатно крестил детей, отпевал умерших, благословлял на совместную жизнь молодоженов. Видя большое человеческое горе и страшную нищету, он, а по его наставлению и его супруга, Лидия Александровна, помогали бедным, одаряя их деньгами и продуктами питания. Характерен такой факт из жизни Петра Александровича Волинского во время его работы и жизни в поселке Усыты в 1934 году. Сын соседки, пожилой почтенной женщины, работал кассиром на железнодорожном вокзале, и звали его все по-домашнему Шура. Мягкий, воспитанный, Шура Бердников нравился семье Волинских и часто бывал гостем. Однажды по оплошности он растратил 400 рублей казенных денег. По тем временам сумма солидная, а в семье кроме него еще трое несовершеннолетних детей. Вряд ли НКВД тех лет устроили бы объяснения Шуры, и его ждали самые серьезные испытания. Узнав о беде, отец Петр отдает матери молодого человека указанную сумму, не определив даже времени возвращения долга. Беда миновала, хотя Шуре пришлось покинуть данное место работы. Позднее, окончив строительный техникум, он продолжал работать в Прокопьевске и умер в 80-х годах в зрелом возрасте. Всю свою жизнь он сохранял благодарность семье Волинских.

А долг? Долг он вернул в 1938 году, четыре года спустя после того неприятного случая, но Петра Александровича уже не было...

Казахстан... Много лет жизни отдал ему отец Петр, здесь родились его старшие дети — сын Борис и дочь Надежда, и все же благословенным для него этот край не стал. Русский человек, он всегда стремился в Россию, а потому в конце 20-х годов, получив разрешение свыше, он переводится в Нарымский край, куда люди ехали только по приговору. И здесь, как в Казахстане, наряду с богослужением, он проводит подвижническую работу по просвещению местных людей, здесь же дает начальное самообразование своим детям. В начале тридцатых годов его на некоторое время переводят в Томск, где дети начинают учиться в государственной школе, а сын Борис поступает в строительный техникум, но, не закончив его, вынужден поступить на работу в Томскую контору «Союззаготкож», где и работал вплоть до ареста и расстрела в январе 1938 года... А Петр Волынский получает новое назначение настоятелем в Пророко-Ильинскую церковь села Усяты Прокопьевском района. Теперь ее нет, она сгорела в 40-е годы при неясных обстоятельствах, но сейчас, в нескольких километрах от того места, в поселке шахты «Зиминка», находится Покровская церковь... Здесь, в Усятах, отец Петр встретил страшный 1937 год...

Из воспоминаний дочери Петра Волынского, Синициной Надежды Петровны

...Жили мы в частном доме в поселке Усяты. Своего хозяйства не было — так решил отец. Он много читал, выписывал большое количество газет и журналов, любил говорить на богословские и философские темы. К середине 30-х годов, когда в стране стала подниматься волна политических репрессий, он не мог не видеть этого, но до конца не верил, что зло может быть таким большим и неотвратимым. Все время надеялся, что мудрость и доброта возьмут верх над злом. Когда в Прокопьевске начались массовые аресты, мама, предчувствуя беду, сказала отцу: «Поезжай куда-нибудь на месяц, на два, пока все успокоится...» Он и слушать не хотел: «Без вины не заберут!»

...К нам приехали в ночь с 20 на 21 июля 1937 года двое сотрудников НКВД на повозке. Всю ночь шел обыск. По рассказам мамы, обыск был тщательный, перерыли все, но нашли только церковные книги и небольшую сумму денег. Ночь была душная, и мы с сестрой Олей спали в кладовке. В 6 часов, перед уходом, отец разбудил нас, расцеловал. Мама стояла рядом в слезах и шепотом повторяла: «Я же тебе говорила — не послушал...» Но отец, похоже, и тогда еще был уверен в справедливости: «Разберутся, и я вернусь...»

Он прощался коротко, словно надеялся на скорую встречу, но

ей уже не суждено было состояться. Мы его больше не видели...

Мама умерла в 1970 году. Она уже знала, что папы нет, но в справке от 1953 года почему-то причина смерти была указана другая: **«Умер от абсцесса легкого...»** Даже о его смерти побоялись сказать правду!.. Всю жизнь над нами висело это тяжкое обвинение — «дети врага народа». В 1939 или 1940 году, точно не помню, к нам пришел в гости странный человек. Он назвалса знакомым моего отца, передал от него привет, сказал, что он отбывает срок где-то на Севере. Об отце он говорил как-то скомкано, неуверенно, что мы сразу не поверили ему, насторожились. Зато он настойчиво спрашивал нас о настроениях: «Не проклинаете Советскую власть?» И хотя к тому времени мама уже потеряла в застенках НКВД сына и мужа, а в Рязани умер в изгнании ее свекор, Александр Федорович, мама все же ответила твердо, что никого она не проклинает и надеется на лучшее.

По жизни нам с сестрой Ольгой не раз приходилось испытывать последствия репрессий в отношении отца и брата. Обоих не принимали в комсомол, уже учась в институте, я не могла поступить в профсоюз...»

И все же дочери Петра Волынского сумели найти свое место в жизни. Ольга Петровна Богданова, получив образование, работала инженером-нормировщиком сначала в Таджикистане, а в последнее время на шахте «Красный уголек» в городе Прокопьевске, где живет в настоящее время по выходе на пенсию. Надежда Петровна Синицына, окончив пединститут, всю жизнь работала педагогом, в настоящее время на пенсии, живет в городе Кемерово. Похоже, жизнь благосклонно отнеслась к дочерям человека, невинно пострадавшего в эпоху кровавого коммунистического диктатора. Выжили, выучились, воспитали достойных детей — внуков Петра Волынского, которого в далеком 37-м все прихожане Усятской церкви звали ОТЕЦ ПЕТР.

...А казенные документы продолжают неумолимо рассказывать о тех преступных деяниях, которые инкриминировались Петру Волынскому и его прихожанам... **«Управлением Государственной безопасности НКВД по Западно-Сибирскому краю в 1936 году на территории края была вскрыта и ликвидирована монархически-эсеровская, диверсионно-повстанческая, контрреволюционная организация, руководимая Сибирским монархическим центром, в состав которого входили генералы Эскин и Михайлов, и так называемый «Сибирским бюро ПСР».**

Следствием установлено, что названная организация активно готовилась к вооруженному восстанию в момент войны фашистских стран против СССР и готовила диверсионно-повстанческие кадры.

...В 1936 году одним из руководящих участников контрреволюционной организации Войченко, в прошлом белым офицером армии Шкуро, был завербован священник Прокопьевской церкви Богословский, который по заданию Войченко завербовал в организацию священника Усятской церкви Волинского Петра Александровича. Вступив в монархическую организацию, священник Волинский создал из церковного актива Усятской церкви повстанческую группу и лично завербовал в организацию председателя церковного совета Кузьмина, регента церковного хора Богатенкова, церковного старосту Сивова и члена церковного совета Тузовского. ...По заданию Волинского данными лицами были завербованы в монархическую организацию другие церковные активисты...

Судя по обвинительному заключению, работники НКВД считали данную группу опасной и боеспособной, вот только более близкое знакомство с членами группы вызывает недоумение... Из 14 человек, преданных суду, были три женщины в возрасте от 56 до 62 лет, абсолютно неграмотные, имеющие по куче детей каждая. А чем не террористки?! Десять мужчин из названной группы были в возрасте от 50 до 80 лет, и лишь «вожак» террористов — Петр Волинский — на момент казни имел возраст 49 лет. Практически никто из них не имел опыта воинской службы, ни у кого не было оружия. Оперуполномоченный 4-го отделения ГО НКВД т. Пащенко, понимая, видимо, что на диверсию эти люди не способны по причинам своего здоровья и возраста, инкриминирует им следующее:

1. «Контрреволюционная агитация в виде листовок с призывами выходить из колхоза...» Но ни одна такая листовка не приобщена к материалам дела, и не стала той бесстрастной документальной уликой. Также не допрошен ни один свидетель, который бы сознался, что он вышел из колхоза, поддавшись «контрреволюционной агитации» Петра Волинского и его сообщников. Обвинение бездоказательно!

2. «Участники повстанческой группы Бычкова Ирина Ивановна и Агучин Федор Егорович пытались поджечь колхозный двор колхоза «Деятель» и отравили 6 голов крупного рогатого скота...» О данных страшных делах говорят только сами обвиняемые. Нет осмотра места преступления, нет справок, свидетельствующих о гибели животных, не говоря уже о результатах экспертизы. Не допрошены даже руководители колхоза о том уроне, который, якобы, нанесли указанные лица их коллективу. Бездоказательно!

3. «Участница повстанческой организации Александра Бычкова организовала шествие верующих по поселку Усяты, по указке священника Волинского...» Просто одна престарелая жен-

щина накануне религиозного праздника, возможно, Пасхи, понесла икону в церковь для освящения, по дороге к ней присоединились с десяток таких же старушек, и уже означенную бабушку обвиняют в организации «противозаконного шествия верующих».

4. 56-летняя Ульяна Мячикова обвинялась в подготовке насильственного освобождения из-под стражи священника Богословского. Похоже, в НКВД считали, что русская женщина не только «...коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...», но и без проблем может штурмом взять КПЗ НКВД... Что ж, «...есть женщины в русских селеньях...»

Обвинение надуманно!

Нет смысла повторять те «ужасные» обвинения, которые были предъявлены этим старым, измученным жизнью людям. Самое распространенное слово в материалах дела: «завербовал». Соседи, родственники, прожившие в одном небольшом поселке не один десяток лет, вдруг в 1937 году начинают усиленно «вербовать» друг друга в какую-то «монархически-эсеровскую, диверсионно-повстанческую, контрреволюционную организацию...», собирают собрания и начинают разглаживать на тему, начнет ли войну империалистическая Япония или фашиствующая Германия? Поистине для людей, многие из которых и расписываться-то за свои показания не могли за полным отсутствием грамоты, самая подходящая тема для диспута в единственной комнатке настоятеля. Едва ли не самым опасным из заговорщиков был Брагин Афанасий Абрамович, 1857 года. Современник Достоевского, Чернышевского, Толстого, в том зловещем 37-м должен был распространять среди прихожан слухи о наступлении конца света. Но тут, даже заинтересованная в благополучном исходе суда по данному делу «тройка УНКВД» не поверила товарищу Пашенко и прекратила уголовное дело в отношении почтенного по возрасту Афанасия Брагина за недоказанность.

Дело само по себе было типичным, «заказным» по тому времени. Сверху, из НКВД, спускались директивы о выявлении «польских диверсантов», «монархистов», «евреев-космополитов», «религиозных сектантов» и т.п., и дисциплинированно-услужливые работники НКВД готовили списки будущих жертв, компануя их по разным признакам. Настоящая группа обуславливается тем, что все ее члены живут в одном поселке длительное время, многие из них связаны родственными узами, а значит, это должна быть «очень сплоченная организация». Все обвиняемые – кулаки, либо явные, либо тайные. Это тоже характеризует их как врагов народа...

Приходится слышать иногда недоуменные вопросы молодых людей: «Если они не виноваты, то почему они во всем признаются?»

Недоумение вызывает одно обстоятельство: следователи, допрашивая на следствии этих глубоко религиозных людей, ни разу не задали вопроса о сути их веры, не призывали отказаться от церковных догматов, не обвиняли их в одурманивании народа. Они априори признавали за ними право на обращение к людям от имени Всевышнего, но одновременно рассматривали их как заурядных бандитов и заговорщиков. Почему? Видимо, этим людям, выросшим уже после революции, была чужда не только вера в Бога, но и само понятие духовности рассматривалось как мелкобуржуазная химера, зато террор, вербовка, вооруженное восстание были ближе, понятнее Пашенко и его товарищам, а потому они, ничтоже сумняшеся, твердой безжалостной рукой записывали этих старых, больных и набожных людей в самую опасную для государства «диверсионно-повстанческую организацию», мерой наказания для которой по тем законам могла быть только «высшая мера социальной защиты» - расстрел!

К середине 30-х годов репрессивный аппарат в СССР уже создал стройную систему по ускоренному судопроизводству. Суды не справлялись с потоком арестованных и «изобличенных врагов народа», и тогда, чтобы ничто не препятствовало «суду скорому и праведному», были созданы несудебные органы при НКВД, наделенные судебными функциями («двойки», «тройки» и т.п.). И получалось, что один милиционер ведет расследование, а другой судит...

В это же время послужило немалым подспорьем работникам НКВД негласное разрешение применять в ходе следствия пытки. Маршала Блюхера пытали, выбили при этом глаз, а потом расстреляли. Однозначно, это был сильный, мужественный человек, но он сознался во всех преступлениях, что ему предъявили палачи. Признались во всех смертных грехах Тухачевский, Егоров – тоже Маршалы СССР, признавались десятки тысяч других военных и гражданских лиц и шли на казнь. Схватку с «Системой» не выдерживал никто! Стоит ли удивляться, что летом 1937 года в небольшом шахтерском городке Прокопьевске несколько русских мужиков зрелого возраста, не выдержав пыток и унижений, взяли на себя несуществующую вину, за что и были казнены. 29 августа 1937 года их часы остановились, последняя страница жизни этих православных людей была перевернута...

Вот их имена:

- **Вольнский Петр Александрович**, 1888 год рождения, настоятель Усятской церкви, протоиерей;
- **Кузьмин Борис Спиридонович**, 1886 года рождения, председатель церковного совета Усятской церкви;
- **Тузовский Петр Леонтьевич**, 1870 года рождения, церковный староста;

- Богатенков Степан Филиппович**, 1870 года рождения, регент церковного хора;
- Сивов Илья Яковлевич**, 1883 года рождения, член церковного совета Усятской церкви;
- Бычков Иван Ефимович**, 1887 года рождения, председатель ревизионной комиссии церковной общины;
- Брагин Константин Егорович**, 1877 года рождения, член церковного совета;
- Усов Филипп Арефьевич**, 1871 года рождения, член церковного совета.

**Светлая память вам, принявшим мученическую смерть в
лихую годину от руки несправедливой!**

Вечная скорбь вам, потомки страдальцев за веру истинную!

... А СТАТЬЯ НАЙДЕТСЯ

«Был бы человек, а статья найдется» - такая циничная и бесчеловечная по своей сути поговорка бытовала в годы жестоких сталинских репрессий. Механизм превращения свободного гражданина в арестанта, зэка, «пыль лагерную» был предельно прост: избирался из массы конкретный человек, а затем уже шла «примерка» к нему всевозможных «грехов»: не та национальность, пребывание самого или родственников за границей, принадлежность к церкви, кулацкое прошлое - вот далеко не полный перечень того, что могло бы послужить поводом для репрессий. К середине 30-х годов механизм внесудебной расправы был отработан настолько, что сам процесс расследования занимал порой 3-5 дней, а приговор приводился в исполнение в предельно сжатые сроки. «Двойки», «тройки» НКВД, особое совещание при НКВД и ряд других внесудебных органов не предусматривали института кассации, потому-то и решалась судьба людей в считанные дни.

19.12.1937 г. тройка УНКВД по Новосибирской области приговорила **Анохина В. Ф.**, 1906 г., по ст. 58-2-11 УК РСФСР к высшей мере наказания, и уже 24.12.1937 г. состоялась казнь.

21.10.1937 г. тройкой УНКВД Новосибирской области был вынесен приговор **Меркушину И. А.**, 1878 года рождения, по ст. 58-10-11 УК РСФСР - 25 октября он был уже расстрелян.

13.11.1937 г. тройка же УНКВД Новосибирской области определила **Виноградову Н.Н.**, 1879 года рождения, по ст. 58-7-11 УК РСФСР высшую меру наказания, и спустя неделю приговор был приведен в исполнение.

В популярной и ставшей в то время настольной книгой всех юристов, брошюре К.Х. Данишевского «Революционные военные трибуналы» было сформулировано прямое требование: «...приговор привести в исполнение почти немедленно, чтобы эффект репрессии был как можно сильнее».

И вот уже не только трибуналы, а и все внесудебные органы взяли этот постулат на вооружение: блиц-расследование, блиц-расправа. В угоду «эффекту репрессии» были принесены десятки, сотни тысяч жизней. Торопились чекисты, торопились эрзац-суды, и эта торопливость зачастую служила оправданием их ошибок, которые случались сплошь и рядом, помогала их укрывать.

Спешка - плохо, но и волокита со следствием и судом порой оборачивалась трагедией для арестантов. Следствие, судебное или

предварительное, порой неоправданно затягивалось, словно выжидая удобный момент для расправы над своей очередной жертвой.

Иван Яковлевич Доброхотов; 1882 года рождения, после окончания в 1912 году Московского императорского технического училища (ныне МВТУ им. Баумана) был направлен на работу в Эстонию, в Таллин, где он и прожил до самой Великой Отечественной войны. К моменту присоединения в 1940 году Эстонии к Советскому Союзу он все свои 58 лет прожил сначала в царской России, а затем в буржуазной Эстонии, но в 1940 году у него начался новый, и далеко не самый счастливый период в жизни. В числе неблагонадежных лиц перед приходом немцев в Таллин Доброхотова вместе с женой эвакуируют в гор. Киселевск, где 5 декабря 1941 года, т.е. спустя 4 месяца после эвакуации, он был арестован городским отделом НКВД г. Киселевска. Поводом этому послужила простая ученическая тетрадь в клеточку, куда плановик-нормировщик «Автогужтранспорта» треста «Кагановичуголь» Иван Доброхотов имел обыкновение записывать свои наблюдения за природой Сибири, за людьми, свои размышления о политике и военных сводках Совинформбюро. Дневник он держал в ящике рабочего стола, не скрывал этого и никогда не запирал стол на замок.

Человек интеллигентный, долгое время работавший главным инженером на крупном эстонском заводе и преподававший в университете, он и предположить не мог, что кто-то без разрешения может заглянуть в его рабочий стол.

Но одна сотрудница отдела, одновременно работавшая и на НКВД, все же заглянула в дневник «эстонца» и отнесла его в НКВД. Он-то и был признан главной уликой в контрреволюционной пропаганде Доброхотова. А Иван Яковлевич вовсе не агитировал никого из своих бдительных коллег, мало того, про этот дневник не знала даже жена, но и это обстоятельство не спасло его от репрессий. Так привычка человека, склонного к философствованию, к критическому отношению к окружающей действительности, привела его к беде. Можно только предполагать, в каком смятении были следователи НКВД, когда ознакомились с содержанием дневника. Уже тогда, в декабре 1941 года, автор смело и обоснованно проводит параллели между сталинским режимом в СССР и режимом Гитлера в Германии; называет те тюрьмы, где сидел до революции Сталин, «домом отдыха» по сравнению с сегодняшними тюрьмами; А ведь даже в начале 90-х годов такие рассуждения считались чересчур смелыми.

Наедине с бумагой Доброхотов едко осуждает особенности советского рынка в отдельно взятом сибирском городке Киселевс-

ке, критикует местную газету, называя ее «дрянным и бессодержательным листком». И хотя следствие по делу не составляло особой сложности, тем не менее сроки его расследования намеренно затягивались. Следователь словно боялся направлять дело в суд - ведь все рассуждения Доброхотова могли стать достоянием гласности, а для передачи его в особое совещание или тройку НКВД не было оснований. Уже 11 февраля 1942 года было составлено обвинительное заключение по данному делу, но еще три долгих месяца томился в Старо-Кузнецкой тюрьме гор. Сталинка (Новокузнецка) 60-летний мужчина, пока он не поступил с гангреной ноги в медицинский стационар тюрьмы, где и умер 11 мая. Рану ему ржавым гвоздем нанес арестант-уголовник, невесть как попавший в камеру политических. Как бы то ни было, а человека не стало. Он умер обвиненный, но не осужденный, так и не разгадавший тайну страшной и мучительной жизни простого человека в Советском Союзе.

Не стало человека - не стало статьи, и 20.05.1942 года управлением НКВД по Новосибирской области дело производством прекращено за смертью обвиняемого. И лишь хранящееся в архиве УФСБ по Кемеровской области уголовное дело с прошитыми в нем 55 листами теперь напоминает о жившем некогда человеке...

Другая, еще более нелепая и циничная ситуация сложилась по уголовному делу в отношении Балабана. Иван Степанович Балабан, болгарин по национальности, родился в 1893 году в селе Еникей Килийского района Измаильской области, той самой, что в свое время отбил у турок наш выдающийся полководец Александр Суворов. С тех давних пор эта область входила в состав Российской империи до Октябрьской революции. Именно тогда, после подписания Брестского мира, Бессарабия отошла к буржуазной Румынии вплоть до 1939 года.

Эти политические метаморфозы мало трогали Ивана Балабана. Он жил в родном селе, болтавничал, а перед самой войной устроился работать продавцом в магазине сельпо. Грянувшая война потрясла всю страну, а бесконечные поражения советских войск и их спешное отступление не придавало оптимизма населению. Большинство, конечно, верило в успех в войне, но находилось немало и пессимистов, разуверившихся в нашей победе. Особенно их было много среди коренного населения, за короткий срок еще не привыкшего к советской власти. Именно таким и был Иван Балабан. Вряд ли страхи и сомнения продавца из бессарабского села могли всерьез ослабить военную мощь Красной Армии, но, тем не менее, власти в целях пресечения паники и пораженческих настроений жестоко карали и без того надломленных и напуган-

ных людей. Цыкнуть всегда проще, чем разъяснить и убедить. Вот и цыкнули на Ивана Балабана, и 12 июля 1941 года оперуполномоченный Килийского ГО НКВД Чупрына арестовал Балабана, предъявив ему обвинения в контрреволюционной агитации и участии в контрреволюционной организации. Следствие затягивалось. Видно, нелегко было Чупрыне добыть неопровержимые доказательства существования контрреволюционной организации в небольшом бессарабском селе, а немец той порой вплотную подступил к тем краям, и пришлось НКВД в срочном порядке этапировать Балабана и ему подобных «пораженцев» в Сибирь, оставляя под немцем детей, женщин, стариков...

В Новосибирске дело к производству принял другой следователь. Четыре раза он вызывал на допрос в марте 1942 года Ивана Балабана и начал готовить дело для направления его в Особое Совещание при НКВД СССР. А Балабан тем временем ждал решения своей судьбы в тюрьме города Мариинска. К тому времени уже истек год его пребывания под стражей. Медицинская справка от 28.03.1942 г. подтверждает тот факт, что И.С.Балабан еще здоров и «может быть использован на тяжелых работах».

Теперь пришел черед тянуть волокиту Особому Совещанию при НКВД. Видимо, в то время оно настолько было «загружено» работой, что дело в отношении Балабана рассмотрело только 25 ноября 1943 года, то есть спустя полтора года после окончания предварительного следствия. Оно установило, что в действиях Балабана отсутствует состав преступления - контрреволюционная агитация и участие в контрреволюционной организации. Оправдательный приговор?! Уникальный случай! Если общий суд мог еще иногда себе позволить оправдать того или иного арестанта, но «тройки», Особое Совещание - никогда! И потому, чтобы не нарушать уже сложившихся традиций при отправлении судопроизводства, Особое Совещание признает виновным Балабана в недонесении о контрреволюционной деятельности других лиц, а чтобы как-то оправдать незаконный арест и 28-месячное содержание под стражей, выносит решение: **«зачесть в наказание срок нахождения под стражей во время предварительного следствия»**. И в конце приписка: **«Из-под стражи освободить немедленно!»** Но как ни спешили члены Особого совещания, а все опоздали, поскольку Балабан Иван Степанович к тому времени уже умер в тюрьме 21 февраля 1943 года, в 10 часов утра, от тяжелой формы туберкулеза легких. Девять месяцев как нет человека, а его все же осудили...

Аналогичная участь постигла Могильницкого И.А. и Меджевского И.Д., которые отбывали наказание по политическим ста-

тъям в Ахпунском отделении Сиблага НКВД. 6.02.1938 года их в числе других пяти поляков вновь арестовали по надуманному обвинению в шпионаже против Советского Союза в пользу буржуазной Польши. Постановлением тройки УНКВД Новосибирской области от 2.11.1938 года все были приговорены к расстрелу, да только Могильницкий и Меджевский не дожили ни до приговора, ни до расстрела своих товарищей. К тому времени они просто умерли в тюрьме от истощения: Могильницкий - 17.09.1938 года, Меджевский - 10.07.1938 года. Но решение тройки УНКВД все же состоялось: «высшая мера социальной защиты – расстрел»! **Их приговорили уже мертвых.**

Эти факты - свидетельство кощунственно-бездушного отношения властей к своим гражданам и, одновременно, абсурдное продолжение той пословицы, с которой начинался этот очерк: и человека уже нет, а статья ему все же была уготована. Та самая, неумолимая, жестокая, страшная, от которой не было спасения даже на том свете.

АЛЕКСАНДР - ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ

В прокуратуру люди идут с разными вопросами, но, в основном, за тем, чтобы найти защиту от постигшей их несправедливости. В отдел областной прокуратуры, который занимается реабилитацией жертв политических репрессий, поток людей не иссякает уже много лет, с тех пор, как 18 октября 1991 года был принят Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий». Так, спустя много лет, государство исправляет историческую несправедливость в отношении своего народа. И в этом людском потоке преобладают люди преклонного возраста. Увы, время неумолимо, и теперь сюда идут уже дети репрессированных, реабилитация которых сейчас проводится в соответствии с определением Конституционного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2000 года. Это они тогда провожали своих отцов и матерей в НИКУДА, в «Архипелаг Гулаг», кого надолго, кого навсегда. И пока жива наша память, должна идти эта работа по реабилитации жертв политических репрессий, чтобы каждому невинно пострадавшему было возвращено его честное имя...

- Алло, это прокуратура? Меня зовут Роман,- голос в трубке выдавал молодого собеседника. - Моего деда судили в тридцать седьмом году, а потом еще раз... Я хочу знать, за что и как это было ...

После того, как мною было изучено архивно-уголовное дело, мы встретились. Роман пришел с документами и большой фотографией, какие делали фотомастерские 30-40 годов. В беседе с Романом мы выяснили, что он является не внуком, а уже правнуком того человека, в отношении которого было то дело, что я истребовал из архива УФСБ по Кемеровской области. Но от этого история жизни Атапина Александра Митрофановича, прадеда Романа, не стала менее трагичной. Судите сами ...

Протоиерей Никольской церкви, что была в г. Топки, Свидинский Григорий Саввович (1875 года рождения) был арестован 24.10.1937 года «...как активный участник контрреволюционной организации РОВС (Российский общевоинской союз), который под предлогом церковной службы призывал к свержению советской власти...». Сутки спустя, работники районного отдела НКВД г.Топки по тем же основаниям арестовали сторожа этой церкви, Атапина Александра Митрофановича (1889 года рождения), который периодически при богослужении выполнял функции псаломщика. Следствие продвигалось столь стремительно, что 26 октября, т.е. через день после ареста Свидинского, обоим обвиняемым было предъявлено для озна-

комления обвинительное заключение. 31 октября того же года тройкой УНКВД Новосибирской области Свидинский был подвергнут высшей мере наказания, и 16 ноября 1937 года его не стало ...

Чуть больше повезло Атапину А.М. Ему «тройка» определила всего 8 лет исправительно-трудовых лагерей с последующим поражением в политических правах сроком на пять лет. Такая спешка чекистов объяснялась тем, что именно в это время новосибирское руководство УНКВД в лице майора Мальцева рьяно «боролось» с контрреволюционными организациями в Новосибирской области (куда в то время входил весь Кузбасс) типа «ПОВ» («Польская организация войсковая»), «РОВС». И хотя само название этих организаций говорит за то, что их основу должны были составлять белые офицеры, агенты иностранных разведок, да где их взять в сибирской глубинке через двадцать лет после революции ... Но раз была дана команда из Центра - работа закипела.

Уже через год, в конце 1938-начале 1939 г.г. Мальцев и его припешники типа Голубчика, Монтримовича и др. будут «разоблачены в искажении линии партии», уволены из органов и осуждены, а сам Мальцев погибнет в 1940 году в пересыльной тюрьме, но ... тогда еще шел 37-й год... Скорость, с которой было окончено производством это дело, можно было объяснить еще и тем, что следствию ничего не надо было устанавливать, доказывать, поскольку в действиях этих лиц не было никакого конкретного преступления. Главное было - убедить Свидинского и Атапина признать себя виновными в антисоветских высказываниях, которые они допускали в частных беседах при чаепитии, например: «Арестовывают нашего брата священника, но я знаю, что и на них придет свое время, и их также будут сажать...». Эти слова были инкриминированы Свидинскому - за них он и держал ответ по самому большому счету. А ведь прав оказался священник, да, жаль, не дожил до того времени совсем немного, всего лишь год...

Более разговорчивым на следствии был Атапин. Крестьянский сын, уроженец села Усть-Щербидино Саратовского края, малограмотный, доверчивый по натуре, он был обманут корректно-вежливым обращением следователя-сержанта госбезопасности Винкельмана, а потому, в отличие от Свидинского, обо всем говорил открыто, охотно отзывался на провокационные вопросы. Вот уж поистине, святая простота...

«...Один раз мы собрались в доме попа Тумаева ... и каждый из нас высказывал контрреволюционные убеждения, обвиняя советское правительство в грабительской политике...» или

«...кроме того мы часто обсуждали в своем кругу вопросы новой конституции, высказывая убеждения, что нужно готовить к выборам свои кандидатуры...». Не правда ли, неплохо формулировал свои политические воззрения малограмотный церковный сторож? Вот только как узнать, сколько здесь привнесено от следователя?!

«...Последний раз с митрополитом Веденским я встречался в г.Топки зимой 1936 года...» Написано так в протоколе, что невольно поверишь, что сторож небольшой церквушки НЕОДНОКРАТНО (раз говорит «последний раз») встречался с генералом от церкви. И наверняка все разговоры были контрреволюционные - ведь на момент допроса Веденский был уже арестован.

Неосторожные разглагольствования Атапина подтвердили два свидетеля: Борисенко и Кривицкий. Как потом оказалось, в городе Топки в то время такие люди не проживали. Но в деле имеются протоколы их допросов, а уж кто скрывался за этими фамилиями, мы теперь не узнаем. Из протокола допроса Борисенко:

«... Атапин посмотрел на больного и говорит: «Да, советская власть скоро всех доведет до такой жизни. В ряде мест народ уже голодает».

«...Зимой 1936 года попы на 9-й улице распространяли религиозные листовки, и в том числе был Атапин...»

Из протокола допроса Кривицкого: «...Атапин всегда высказывал обиду на органы власти...»

«Тут же Свидинский высказывал оскорбительно-клеветнические измышления в отношении руководителей партии, правительства, ругал НКВД. Дальше он говорил, что действовать надо осторожно, чтобы не растерять силы, что вслед за Веденским арестуют и его...»

Эти высказывания священников тройка УНКВД признала «пораженческой агитацией» и воздала каждому по заслугам. Но действительно ли они заслужили ту судьбу, что им уготовили органы НКВД? ...

Вряд ли восемь лет, проведенные Атапиным в лагерях Читинской области, пролетели для него как один миг. Долог и суров каждый день, проведенный за колючей проволокой. Время там словно загустевает, замедляет свой бег, чтобы не торопясь, с садистской основательностью иссушить плоть человека, опустошить его душу...

В ноябре 1945 года он возвращается домой больной, надломленный тюрьмой, и, словно к живительному источнику, стремится к вере. Ни уговоры родных и близких, ни плохо скрытая угроза со сто-

роны участкового инспектора («Завязывая, дед, с молитвами, а то ...») не возымели действия - он остался верен церкви. 27 ноября 1947 года на его имя приходит письмо из Новосибирска:

«...Александр Митрофановичу Атапину. Резолюцией архиепископа Новосибирского и Барнаульского Варфоломея Вы назначены псаломщиком Никольского Молитвенного дома города Топки Кемеровской области и Вам предлагается — немедленно приступить к исполнению своих обязанностей.

Секретарь Архиепископа Новосибирского и Барнаульского архимандрит Никандр».

А спустя некоторое время новое назначение: **«На Ваше прошение, на имя Высокопреосвященств Архиепископа Варфоломея о разрешении Вам служения в качестве диакона, 29.11.48 положена следующая резолюция Владыки: «Александр Атапину. Благословляем служить диаконом. Архиепископ Варфоломей. О чем сообщая для исполнения 2.02.49. Благочинный православной Кемеровской области протоиерей К.Лукин».**

Чуть более двух месяцев успел отслужить в новой должности Александр Митрофанович, а 26 апреля 1949 за ним снова пришли... И вторая волна репрессий, бездумных и безжалостных, накрыла его. Теперь бремя доказывания несуществующей вины Атапина на себя принял старший следователь следственного отдела управления МГБ по Кемеровской области лейтенант Куликов. Казалось, задача не из легких: из ничего, на пустом месте, ему предстояло вылепить образ врага народа, и он рьяно взялся за это дело. Сразу после ареста пошла череда допросов Атапина. Не имея под рукой «жареных» фактов для предъявления обвинения, следователь начал издали, напомнив диакону, что еще в 1929 году его лишали избирательных прав за службу в церкви псаломщиком. Не раз возвращался к его судимости 1937 года, припомнив всех репрессированных тогда священнослужителей: Веденского, Хрущова, Тутаева, убиенного по решению «тройки» протоиерея Свидинского. Наученный горьким опытом тюремной жизни и коварством чекистов, Атапин теперь занял более осторожную позицию и не вступал в беседы со следователем. «Расскажите о своей антисоветской деятельности?» - этот вопрос Куликов чаще всего задавал на допросах, видимо, надеясь, что арестованный по своей простоте сам себя оговорит и посадит на новый срок. Но он ошибся в своих расчетах, его визави не повторил ошибки 12-летней давности и на все чекистские уловки отвечал негромко, но твердо:

«После освобождения: из лагеря антисоветскую агитацию я не проводил...» Апрель и май шли в пустопорожних разговорах, тогда Куликов решил зайти с другого бока:

Вопрос: Назовите священника, с которым Вам пришлось работать в Топкинской церкви?

Ответ: ...мне приходилось работать со священником Михайловым Леонидом Ивановичем.

Вопрос: А расскажите все, что о нем знаете?

Ответ: ...ему 62 года, русский, житель Иркутска. В прошлом находился на стройке Беломорканала ...»

Нащупал слабое место: оба, и священник, и диакон, были в заключении, а значит, озлоблены на советскую власть... И тут же задает лобовой вопрос арестанту: «Сознайтесь, что вместе с Михайловым Вы занимались антисоветской агитацией!?» Но ответ был прежним: антисоветской агитацией я не занимался. Кстати, вскоре после этого Михайлов уехал из г.Топки в г.Новосибирск. Сам ли, или это была инициатива НКВД - неизвестно, как и дальнейшая его судьба, да, впрочем, это уже будет другая история...

...Как ни старался лейтенант Куликов, а не удалось ему найти ни одного факта антисоветской агитации у Атапина - внору освобождать из-под стражи, но здесь случилось то, что трудно поддается нормальному рассудку: следователь вновь вменяет этому старому набожному человеку то обвинение, за которое он уже отсидел восемь лет в читинских лагерях: «...Атапин являлся (даже глаголы использует в прошедшем времени - не «является», а «являлся»!) участником антисоветской повстанческой группы в г.Топки, в 1937 году занимался организацией антисоветской деятельности, направленной на подрыв...» - и так далее по тексту обвинения 1937 года. Даже свидетели по делу были указаны прежние: Борисенко, Кривицкий и... священник Свидинский, расстрелянный двенадцать лет тому назад. Что же подвигло лейтенанта на такой упрощенный вариант расследования дела? А просто 21.02.48 был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытию наказания в ссылку, на поселение в отдельные местности СССР». Позднее, уже на основании этого указа был издан приказ МГБ СССР № 00115 от 23.03.48, который и «разрешил» лейтенанту Куликову старого и «особо опасного госпреступника» Александра Атапина вновь отправить в северные края, теперь уже в Красноярский край в бессрочную ссылку, т.к. срок этого наказания в постановлении Особого Совещания МГБ СССР указан не был. Именно этот указ вызвал тогда очередную волну реп-

рессий, а отменен он был лишь в 10.03.56. Нужно отдать должное Александру Атапину: старый, больной и очень набожный, он не сдался и из места ссылки написал две жалобы в Верховный Совет СССР с просьбой о пересмотре его дела. Его голос был услышан, правда, уже после смерти Сталина...

Определением коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР (август-сентябрь 1955 г.) дела в отношении Атапина Александра Митрофановича были пересмотрены. Постановления тройки УНКВД от 1937 г. и ОСо при МГБ СССР от 1949 г. были отменены, дела прекращены производством, а ему было разрешено вернуться домой, в Топки.

... Мой новый знакомый Роман сообщил, что дочь Александра Атапина, и его бабушка, живет в настоящее время в поселке шахты «Пионер» и вызвался организовать нашу встречу. Как я потом узнал, к такому предложению Анна Александровна поначалу отнеслась настороженно. Оно и понятно: всю свою жизнь она не одобряла приверженность отца к религии и, как истинная атеистка, считала ее, с легкой руки классика марксизма-ленинизма, «опиумом для народа».

И все же беседа состоялась в ее небольшом домике, построенном еще при отце, в присутствии ее сына и внука Романа.

Несмотря на свой почтенный возраст (а 1 октября текущего года Анне Александровне исполнится 80 лет), хозяйка была бодра, приветлива и на все мои вопросы отвечала живо, с интересом. - Мне было 15 лет, когда отца взяли в первый раз. Восемь долгих лет его не было с нами. Мы, его дети, росли: я, сестра Аграфена, брат Федор. Одна я сейчас осталась... Нелегко было нам без отца, особенно маме, Матрене Михайловне, а все же никто нас тогда не заставлял отрекаться от отца как от врага народа. Ни на один момент мы не верили, что наш папа- враг народа. Ни-ко-гда! Мы его ждали все эти долгие восемь лет. Я была комсомолкой, выучилась на медсестру и потом работала фельдшером. Вышла замуж и переехала жить в Кемерово.

Тогда же начали строить этот дом, где мы сейчас сидим... Отец вернулся домой поздней осенью 1945 года. Худой, болезненный, однако он не был озлоблен на жизнь, на власть. И вообще, он был очень добрый человек - никогда не держал зла даже на врага, да у него и врагов-то, похоже, не было. Уж не знаю, от рождения это у него, или церковь сделала его таким. Он, даже если кому-то в чем-то отказывал, то говорил об этом так мягко, виновато улыбался, словно извиняясь, и человек на него не обижался...

И тогда возникли, словно сами собою, вопросы о взаимоотношениях дочери и отца. Не могли не возникнуть, потому как без

них невозможно, казалось бы, понять этих таких непохожих, но родных людей: как складывались отношения отца с дочерью? Не осложнял ли он жизнь дочери своей принадлежностью к церкви?

-... Наверное, мы все тогда были такими, почти все воспитаны так: верили в партию, в коммунизм, а поди как все обернулось...

До первого ареста я отцу ничего не говорила - совсем девчонка была, да и кто думал, что его могут посадить за молитвы, больше-то ведь не за что было... Уже по возвращении его в 1945 году не раз я и все наши родственники просили его: «Папа, отступись от церкви - ведь какую беду пережил!..»

Он слушал, как-то огорченно улыбался, и однажды сказал:

-Я же не против власти, я - за веру христову! А беда пришла... так мне и отвечать в первую голову - потерплю...

И ведь не отступился от веры! А старушки на улице на меня молились, и часто слышала себе вслед: дочка Божиего Человека! После возвращения из ссылки какое-то время отец служил священником в городе Осинники, но недолго - годы и подорванное тюрьмой и ссылкой здоровье брали свое...

Пришлось ли мне страдать за отцовскую веру? Уж и сама не знаю... Я была комсомолкой, на медика выучилась, работала фельдшером, но заявление в партию подавать побоялась: отец судим, «политический», священник!.. А вот муж мой покойный, Костя, тот пострадал однажды...

Анна Александровна замолчала на какое-то время, словно собираясь с мыслями, а затем заговорила с легкой улыбкой на лице:

-Он был у меня мужчина видный, сильный, молотобойцем работал в кузнице шахты «Пионер». А тут кто-то прознал, что тесть его служит в Топках дьяконом, и прозвище тут же дали - «Попик». Такой здоровяк, и вдруг - «Попик»! Вообще - звали его так за глаза, но один шутник нашелся, тот все в глаза норовил называть Попиком, ну однажды и дождался... Крепко намял ему тогда бока Костя за «Попика»- враз перестали дразнить...

Отец прожил долгую жизнь: ему было 82 года, когда он умер в августе 1971 года. До последних дней своих на все религиозные праздники он ходил в церковь, что в Кировском районе Кемерово. Он однажды сказал, что любит слушать церковное пение, наблюдать весь священный обряд - «душа млеет»... Так и сказал. Мы уж потом ему не перечили - поняли, что в вере отца был весь смысл его жизни. А может быть, и прав он был: растеряли веру в свое время, потому и живем так убого и страшно...

Наша беседа подходила к концу, а сидевший рядом за столом Роман, студент КузГТУ, внук Анны Александровны и правнук

Александра Атапина, на чистом листе пытался нарисовать генеалогическое дерево своего рода, и в самом низу его написал крупными буквами: АТАПИН АЛЕКСАНДР МИТРОФАНОВИЧ. Что ж, коль жива память - и сами жить будем!..

Протоиерей Алексей Курлюта, настоятель Никольского храма города Кемерово, лично знал Александра Митрофановича:

— ...Отец Александр часто бывал в нашей церкви, молился, любил разговаривать с людьми о жизни, о боге. Человек трудной судьбы, он был праведным прихожанином. Умер он летом 1971 года, но мы узнали об этом слишком поздно, и похоронен он был в гражданской одежде. На праздник Успенья я призвал прихожан молиться за упокой души отца Александра... А спустя какое-то время одна старица сказала, что видела отца Александра в белых ризах... Дошла, знать, молитва до Бога...

Всю свою жизнь Александр Атапин связал с верой, с церковью, а потому, видно, не могла не дойти молитва до Всевышнего, иначе это была бы еще одна несправедливость в отношении этого человека, Божиего человека Александра.

ПРЕДАТЕЛЬ

Семья Черняка жила справно. Перед войной во всех сельсоветских списках ее твердо относили к середнячкой. Большой просторный дом, солидное хозяйство: лошадь, коровы, птица — все это позволяло главе семьи Федоту Тихоновичу обеспечить жизнь без нужды своей жене Прасковье Алексеевне и многочисленному потомству. А уж им-то он гордился по-настоящему: ни у кого в станице не было таких детей — пять сыновей! По-доброму завидовали станичники Федоту и Прасковье. Сначала их было трое: Никита — с 1926 года, Александр — с 27, Алексей — с 29. Потом, словно взяв передых на десять лет, Черняки занялись хозяйством, домом, а когда быт налачился — родили еще двух сынов — погодков, Сергея и Владимира. Последний-то уже в 1941 году родился, и родительская радость была омрачена войной...

Тяжелое время настало — враг пришел на родную землю, и Федот Черняк был призван в действующую армию. Всю войну прошел: оборона Москвы, Курская дуга, освобождение Чехословакии, а закончил воевать он в 45-ом, в Берлине. Имел боевые награды, был ранен в боях, хоронил друзей, но не это оказалось для него самым страшным испытанием. Уже дома от жены узнал, какой позор уготовил ему старший сын Никита, связав свою судьбу с фашистами, коих он, Федот Черняк, бил долгие пять лет. Лишь в 1948 году пришло письмо от заблудшего сына из Сибири, из колонии...

* * *

... 5 августа 1942 года в дом Черняка зашел их знакомый Лошкобанов и, как старшему в доме мужчине, вручил Никите повестку о явке в немецкую комендатуру. Ослушаться было нельзя: отец - в Красной Армии, а дома мать с четырьмя младшими братишками. Готовились к худшему: а ну как спросят за отца со старшего?! Все оказалось проще: предложили юноше работать в полиции. Не угрожали, не били. Предложили - пошел. Видно, не страх за свою жизнь или своих близких руководил тогда Никитой, когда принимал он это решение, потому как ни разу в ходе предварительного следствия и потом, в суде, не сослался он на это. А можно было, глядишь, и скостили бы срок с учетом возраста. Не сказал — значит, шел по желанию, по интересу...

Работы у полицейав было много: дежурство в комендатуре, охрана тюрьмы, патрулирование станицы в ночное время, конвоирование

ние арестованных в гестапо, участие в облавах на партизан, принудительное изъятие у населения скота и продуктов в пользу немцев, участие в расстрелах. И такой эпизод был в жизни Никиты Черняка...

Из показаний Дахно И.А.,
секретаря полиции

«...В октябре 1942 года я, полицейские Неживин, Сафонов, Гужвин, Попов, Черняк и другие находились в дежурной комнате. В 12 часов ночи пришел начальник полиции Лемешев Федор с переводчиком немецкого коменданта и сказал, что по указанию гестапо сегодня ночью будем расстреливать евреев и ответственным за это назначили меня. Сафонов и Неживин вывели из камеры 4 мужчин и 3 женщин, евреев по национальности, связали им руки и вывели на двор, где уже была запряжена подвода. Их повезли, а мы пошли за подводой пешком. В полукилометре от станции, около траншеи, по моей команде Попов, Черняк, Гужвин, Сафонов расстреляли их. Конюх Лемешев Александр с Сафоновым снова поехали в полицию, где взяли трех мужчин и одну женщину... Мы их также расстреляли. В третий раз привезли трех женщин и трех детей лет 9-10, а одна женщина была с грудным ребенком. Гужвин стал зачем-то разделять женщин, но они и дети подняли большой крик, просили их помиловать, и тогда Гужвин приказал стрелять. И мы стреляли...»

Из показаний Никиты Черняка:

«...В этот раз привезли трех женщин и трех или четырех детей. Один ребенок был грудной, а остальным было лет по 9-10. Когда все стали стрелять по ним, то я выстрелил из своей винтовки в мальчика и убил его. Всего в этот раз мы расстреляли 18 человек, но я убил только этого мальчика...»

Неоднократно повторяя на следствии свои показания о расстреле, Черняк ни разу не выразил ни сожаления по убиенным, ни раскаяния, не обвинил себя в жестокости, бесчеловечности - он только констатировал факт. И как тогда не напомнил ему тот еврейский мальчик его родных малолетних братьев?!

Многочисленные свидетели по делу дали портрет молодого полиция Никиты Черняка.

Из показаний свидетеля Болдырева В.И

«...Во второй половине сентября 1942 года я был арестован полицией как советский активист и более двух месяцев находился под стражей. Многих из тех, с кем я находился в одной камере, расстреляли. Черняк был активным полицейским, доверенным лицом начальника полиции, выполнял самые ответственные поручения, делал это усердно, с желанием. Он участвовал в расстрелах. Однажды на прогулке полицейский Лозов сказал, что Черняк тоже прикладывает руку к расстрелам...»

Из показаний свидетеля Фоминой С.Д.

«...В ноябре 1942 года в станичной полиции в течение трех месяцев находился под стражей мой муж. Если арестантское помещение охранял «хороший полицейский», то мы могли передать арестованным продукты, одежду, записки. Когда дежурил Черняк, то он никого не подпускал к арестантскому дому. Однажды, когда я и другие женщины стали просить его передать нашим мужьям что-нибудь покушать, он заявил, что «ничего им не надо, потому, что сегодня ночью мы их расстреляем...»

Зловещей летописью являются материалы районной комиссии по выявлению зверств и убийств, нанесенных фашистами в период оккупации.

Акт № 459 от 4.04.1943 года

«...При обследовании и опросе очевидцев, установлено следующее: в сентябре 1942 г. в станице, на территории поля овоще-совхоза, были расстреляны 18 человек, трупы которых были полузарыты, неопознаны. Среди трупов был изувеченный труп грудного ребенка с отрубленными ножками...»

Кровавый след тянулся за оккупантами. Печально, что самые жестокие расправы над населением осуществлялись руками полицейев: русские убивали русских в угоду и по приказу фашистов...

* * *

Измена Родине - статья 58-1 «а» УК РСФСР - именно так будут квалифицировать действия Черняка и его сообщников следственные органы позднее, после победы, а пока продолжалась война...

Хоть и молод был Никита Черняк, а сообразил, что за те зверства, что он сотворил вместе с другими полицаями на родной земле, не будет им пощады, а потому весной 1943 года, когда под ударами Красной Армии немцы побежали на запад, побежал вместе с ними и он. Присягнув на верность третьему рейху, Черняк поступает на службу в 3-й Кубанский казачий полк и в составе его до конца войны воюет с югославскими партизанами. Служил усердно, за что был награжден двумя бронзовыми и одной серебряной медалью, но когда в мае 1945 года их полк был интернирован английским экспедиционным корпусом, он избавился от своих наград, а заодно и от своих хозяев, предав в очередной раз так же легко, как легко отказался от своей Родины летом 1942 года...

Плен, репатриация, проверочно-фильтрационные лагеря. На всех допросах он тщательно скрывал свое гнусное прошлое, и до поры это ему удается. В 1946 году он был расконвоирован и работал в Кузбассе — в Осинниках, на шахте «Капитальная» откатчиком. Может быть, так и затерялся бы в общей массе лагерников молодой шахтер, избежал бы кары за свое предательство, если бы...

В ночь на 2 мая 1946 года он в сговоре с некими Быковым, Хохловым, Орловым и Кузучаном, сорвав дверь с петель, ворвался в дом, где проживали 75-летние старики — родители красноармейца Дручинина. Избили их, забрали все деньги, продукты, вещи, но уже 7 мая преступление было раскрыто, и Черняк вместе с другими сел на скамью подсудимых. В ходе этого следствия работники милиции уже повнимательнее проверили биографию налетчика Черняка, и через восемь дней после вынесения приговора грабителям (за грабеж Черняк получил пять лет) следователь Сталинского горотдела МГБ младший лейтенант Кононов возбуждает против Черняка уголовное дело за измену Родине...

Следствие ведется стремительно. Один допрос сменяется другим, на запросы следователя поступают материалы из управления контрразведки «Смерша», из особого отдела Южного Фронта, из Шахтинского отдела НКГБ...

На суде Черняк свою вину признал, изменил показания лишь в одном эпизоде: «...Стреляя в мальчика, я думал, что убил его, но когда на следующий день пришли закапывать трупы, то его там не оказалось». Приняв эти слова за обычную увертку преступника, желающего избежать заслуженного наказания, суд вынес суровый приговор Черняку — 20 лет каторги! Самому Черняку в то время только-только исполнилось 20 лет...

Оказавшись на каторге, Никита Черняк пишет письма-прошения в Верховный Суд СССР, Генеральному прокурору, в ЦК КПССС, пишет свое покаянное письмо домой родителям. Как ни горько было

сознавать отцу-фронтовику, что его сын — предатель, а все же родная кровь взяла свое, и он принялся хлопотать за него по всем инстанциям.

Много говорилось о черствости и жестокости органов НКВД, прокуратуры и суда того времени, но в данном случае именно прокуратура и КГБ стали инициаторами пересмотра приговора в отношении Черняка.

**Из заключения от 27.05.1955 г., подписанного помощником
военного прокурора ЗапСибВО
подполковником юстиции Гончаровым
и оперуполномоченным УКГБ по Кемеровской
области капитаном Порошиным**

«...Виновность Черняка в преступлении, предусмотренном ст. 58-1 «а» УК РСФСР материалами дела доказана и он осужден военным трибуналом обоснованно, однако учитывая обстоятельство, что Черняк на путь измены Родине встал будучи несовершеннолетним (ему было 16 лет), считаем, что избранная ему мера наказания — 20 лет каторжных работ — является чрезмерно суровой».

И хотя в ходатайстве было отказано, но проверка по делу продолжалась. И вот в июне 1957 года из УКГБ по Ростовской области приходят материалы, подтверждающие, что, действительно, в том эпизоде расстрела 18 евреев, одного мальчика на месте расстрела утром не оказалось. Как выяснилось, он объявился раненый в соседней станице. Его подобрали, обогрели добрые люди, но вскоре после этого полицейские нашли этого мальчика. Как ни просил он, 10-летний мальчуган, взрослых мужчин не везти его обратно в станицу, где его уже однажды хотели убить, — не послушали, увезли и там расстреляли вместе с теми, кто его приютил. И поднялась же чья-то подлая рука на ребенка, чтобы убить его во второй раз!..

Эти материалы послужили поводом для пересмотра приговора Черняку. Так невинно убиенный ребенок спас своего палача!.. 7 сентября 1957 года Никита Черняк был досрочно освобожден из-под стражи, отсидев вместо положенных ему 20 лет каторги только 11 лет и уехал к себе на родину, на Дон...

Как-то его встретили там? Жив ли он теперь? Может статься и так: 73 года — возраст хоть и преклонный, но не критический, мало ли у нас долгожителей. Может быть, ему снится тот еврейский мальчик, на которого он поднял свою винтовку? Мальчик просил его пожалеть, не стрелять, но он все же выстрелил...

ТЕХНОЛОГИЯ ПРЕДНАМЕРЕННОГО УБИЙСТВА

1953 год

Она начала искать своего мужа, **КОГДА ЭТО СТАЛО МОЖНО:** когда уже был похоронен злой гений России, а другой злодей сам томился в тюрьме. Это было в августе 1953 года. А до этого были 16 страшных лет неизвестности, надежд, отчаяния...

Акулина Кузьмовна Ивлева — простая русская женщина — в одночасье ставшая вдовой, но узнавшая об этом спустя много-много лет. Кровавый молох НКВД — та жесточайшая репрессивная система, что собирала обильные человеческие жертвы с октября 17-го до марта 53-го года, до самой смерти одного из главных его создателей, все это время работала четко, без сбоев. Но, оставшись одна, словно осиротев, оглянулась назад и содрогнулась в ужасе от ее самой содеянного: пришло время держать ответ перед собственным народом...

И даже самые простые вопросы были страшны Системе. Они заставляли лгать, изворачиваться, замалчивать...

- Где мой муж?! — с таким вопросом Ивлева обратилась в УМВД Кемеровской области и за № 12157 и подписью его начальника получила ответ: **«...Ваш муж, Ивлев Василий Авдеевич, в 1937 году был осужден на срок свыше 3 лет лишения свободы...»** Такой лукавый ответ не устроил женщину: три года растянулись для нее на долгих шестнадцать лет. Она проявила настойчивость, и вскоре получила другой ответ уже из УКГБ Кемеровской области: **«...Ивлев Василии Авдеевич умер в местах заключения 5.03.1941 года от воспаления легких...»** Но и это не было правдой...

Не меньше выпало испытаний на долю Востряковой Марии Петровны, чей муж был осужден вместе с Ивлевым. В 1937 году ей сообщили, что **«...Востряков Иван Алексеевич, 1905 года рождения, осужден на 10 лет без права переписки...»** Сообщили устно, словно опасаясь письменного лжесвидетельства. По истечении десяти лет Мария Петровна вновь обратилась в НКВД, но услышала циничный и лживый (опять же устный) ответ: 10 лет прошло, ждите, скоро придет... В 1957 году ей выдали справку о реабилитации мужа и свидетельство о его смерти **«...от кровоизлияния в мозг в 1946 году...»** И лишь в 1990 году о судьбе Вострякова Ивана Алексеевича была сказана правда - но его жене, Марии Петровне, этого уже не суждено было узнать...

Лишь в 1957 году по протесту прокурора Кемеровской области в порядке надзора президиум Кемеровского областного суда от-

менил постановление тройки УНКВД и Прокурора СССР в отношении Ивлева, Вострякова и их четырнадцати товарищей и прекратил дело за отсутствием в их действиях состава преступления. Тогда же стала известна действительная дата их смерти, дата расстрела всех шестнадцати — 5 ноября 1937 года, но место захоронения навсегда останется неизвестным, и на их могилах никогда не будут лежать цветы...

1937 год

...Кузбасс стремительно набирал экономическую мощь. Уже дымили трубы КМК, неистощимым потоком шел уголь из шахт Земли Кузнецкой, 2 июля 1934 года вступила в строй Кемеровская ГРЭС... Именно ей была уготована судьба стать эпицентром кровавых событий 1937 года: здесь была выявлена и ликвидирована одна из самых крупных в Кузбассе террористических организаций. Сейчас, по прошествии более чем шестидесяти лет, а главное, после снятия завесы секретности с архивов ФСБ - МВД, имеется возможность восстановить картину тех далеких трагичных лет, рассказать: КАК ЭТО БЫЛО...

Технология расследования данного уголовного дела насколько проста, настолько и цинична. В поле зрения и пристального внимания чекистов попадали:

1. Лица, каким-либо образом связанные с границей, сам ли проживал или имел там родственников.
2. Лица, имевшие ранее судимость.
3. Лица, вышедшие из социально-чуждых сословий - из семьи торговца, кулака или служителя церкви. Впрочем, на практике зачастую выходило иначе, и даже выходцы из беднейших крестьянских семей, после привлечения к уголовной ответственности, становились «детьми кулаков или подкулачников». Видимо, установка такая была...

ОБВИНЯЕМЫЕ. 23 июля 1937 года был арестован Георгий Демидов, кладовщик Кемеровской ГРЭС, по обвинению в контрреволюционной агитации и вредительстве. Известно, что на Руси всегда воровали, может быть, тем и объяснялся выбор чекистов, что первым был арестован человек, отвечающий за сохранность социалистической собственности — не верили они в его святость. На первом допросе сотрудник городского отдела НКВД Попович интересовался чем угодно, но только не по существу обвинения. «Откуда родом? Когда приехали в Сибирь? Есть ли родственники за границей? Все ли у вас на складе в порядке?..» Этот вопрос, похоже, достиг цели, и Демидов открывает счет прегрешениям своим и сво-

их товарищей: «...шофер Кулаков при транспортировке уворовал со склада ящик с инструментом и запчастями...» Первый компромат получен. Попович прерывает допрос Демидова на... 42 дня. В самом конце допроса, как бы между прочим, задается вопрос: кого вы знаете из работников ГРЭС? Трудно, конечно, поверить, что 30-летний мужчина знает на станции всего четырех человек. Наверняка, круг его знакомых гораздо шире, но в протокол допроса попали только четыре фамилии: Никулин Ананий Назарович, шофер; Ивлев Василий Авдеевич, жестянщик; Мананников Александр Сергеевич, помощник кладовщика и уже названный шофер Кулаков Петр Прокопьевич. Для Ивлева и Кулакова после этого допроса время стало сжиматься, как шагреновая кожа... До 5 ноября оставалось всего 105 дней...

Чем был вызван большой перерыв в ходе следствия? Скорее всего, Демидов не подходил на роль лидера террористической организации: несудим, родственников за границей нет, да и характер не тот, не лидер он. А может быть сама идея организации польских диверсантов еще не вызрела. В общем, Демидова забыли на долгих 42 дня, но из тюрьмы не освободили...

Только спустя месяц были арестованы следующие обвиняемые по этому делу: агент отдела снабжения Кемеровской ГРЭС Лещук и слесарь данного предприятия Зинкевич Иван. Похоже, к этим арестам Попович и его коллеги подготовились более основательно: Лещук был ранее судим за растрату (что не мешало ему работать в снабжении), жена — немка, две ее родные сестры живут в Польше, да и у самого Лещука родная сестра жила в Польше.

Иван Зинкевич, белорус, до 1927 года жил в Польше (до 1939 года западная Белоруссия, наряду с западной Украиной, входила в состав Польши), затем бежал в Россию, спасаясь от тяжелых условий жизни. После проверки в НКВД г. Минска он был выслан в Кемерово на спецпоселение. Жена и дети остались за кордоном. Так постепенно вырисовывался контур «опасной» контрреволюционной террористической организации «ПОВ», что означало «Польская организация войсковая».

Вслед за Иваном был арестован его младший брат, 22-летний Александр, в 1931 году вслед за братом перебежавший из Польши в Россию в поисках сытой и спокойной жизни. Прошло совсем немного времени, и они оба убедились в трагичности своих ошибок...

Маховик репрессивной машины набирал обороты, и вскоре были арестованы остальные двенадцать человек, которые в материалах дела уже назывались безапелляционно: государственные преступники, польские шпионы, активные участники контрреволюционной террористической организации, диверсанты.

ДОПРОС. Как правило, всех обвиняемых допрашивали по два раза: первый протокол — ознакомительный, аналогичный тому, что был у Демидова. Разговор шел о чем угодно, только не по существу обвинения и ареста. Зато второй допрос был только по существу и... словно под копирку для всех обвиняемых. Признаете себя виновным?..

Ответ Александрова: «Ни в какой контрреволюционной организации не состоял и не состою...»

Следователь: «Вам зачитываются показания Никулина Анания Назаровича, где он обличает вас как участника террористической организации...»

Александров: «Убедившись, что следствие располагает достаточными данными о моей контрреволюционной работе, я решил давать правдивые показания...» Что же произошло на допросе Александрова 7 октября 1937 года, что он, сразу отказавшийся признать себя виновным в преступлении, заведомо караемом расстрелом, вдруг быстро сдается и берет на себя все?

В 1936 году ведомственным циркуляром было разрешено при допросах применять пытки - серьезный аргумент в поединке следователя с «врагом народа». Жестокие избиения, подобные тем, которым подвергся «легендарный комдив Котов» в кинофильме «Утомленные солнцем», лишение сна, воды, многочасовые допросы, когда обвиняемому не позволяли сесть — это далеко не полный перечень из арсенала инквизиторов сталинской эпохи. Широко применялся допрос «методом конвейера», когда один следователь начинал допрос, затем его сменял другой сотрудник, третий... Редкий подследственный не падал без чувств при таких допросах или же не подписывал все, что ему предлагали. В пользу такой версии говорит тот факт, что некоторые протоколы в деле начаты одной рукой, а закончены рукой другого человека. При этом обвиняемый оставался один.

...Обвиняемый оставался совсем беззащитным, когда угрозы следователей начинали распространяться на самых близких ему людей: родителей, жену, детей. Это другой, может быть, самый изуверский аргумент в руках чекистов. Из 16 человек, привлеченных по данному делу, только трое были не женаты, один, женатый, не имел детей, а остальные имели малолетних детей, причем у Зайцева, Сюзева и Вострякова их по трое, а у Александрова — пятеро. Видимо, потому так легко и признал себя виновным этот многодетный отец. Но даже в застенках отцы не забывали о своих близких и, как могли, старались отвести от них беду, иначе как объяснить тот факт, что Зайцев, отец троих детей, во всех анкетах указал, что он холост...

1999 год

Захарченко Таисья Ивановна, дочь Зайцева И.И. Пенсионерка, живет в Кемерово. «...Мне было шесть лет, когда пришли за папой. Это было ночью, их было много: все в кожаных куртках, хмурые, злые, неразговорчивые, и, как мне тогда показалось, все на одно лицо... Прошло более шестидесяти лет, а я не могу избавиться от внутреннего страха перед внезапными ночными звонками в дверь. Видимо, этот страх вошел в меня на всю жизнь...

Напротив, отца я помню только улыбающимся. Да и мама нам рассказывала про него: красивый, веселый, баянист, балагур — в любой компании он был душой. Любил анекдоты... Мама говорила, что, видимо, из-за шуток и анекдотов приключилась с ним эта беда. Впрочем, почему только с ним? А разве мы не пострадали тогда? Помню, уже после ареста, в детском саду была новогодняя елка. Мы пели, читали стихи, водили хоровод, а потом всем стали дарить красивые стеклянные игрушки. Дали всем, кроме меня и двух моих младших братишек — Коли и Володи. Я еще крепилась, чтобы не заплакать, но рядом стояла какая-то воспитательница и, глянув на нас сверху вниз, кому-то на сторону сказала: «Детям врагов народа не полагаются подарки...» Тут меня прорвало... Я, может быть, и не поняла тогда весь смысл ее слов, но взгляд, тон... Такое мне и моим братьям потом приходилось слышать не раз... Тогда какая-то воспитательница, видимо, сжалившись надо мной, подарила мне какую-то тряпочную куколку... Так уже в малолетнем возрасте мы стали чужими своему государству. Еще тяжелее было нашей маме. Но никогда, ни на один миг она не верила, что отец виновен...»

1937 год

...И, наконец, в ходе следствия зачастую использовался обман, провокация. Трех обвиняемых по настоящему делу - Александрова, Кулакова и Зайцева — уличали показаниями Никулина, которых потом в деле вообще не оказалось. Нет в деле и постановления о выделении материалов в отдельное производство. Что это за человек-миф — Никулин?! Впрочем, это слишком мягко сказано о нем — провокатор, скрывший свою личину под чужой фамилией и отправивший под расстрел невинных людей. И имя ему всегда было — ИУДА!

1999 год

«...Давно это было, — продолжает вспоминать Таисья Ивановна Захарченко. — В конце 50-х или в начале 60-х. Умирал наш сосед

и позвал маму к себе. Помню, вернулась она потрясенная и долго плакала. Не сказала она нам тогда, что же мог сказать ей такого сосед перед смертью. Уже потом поняла: не хотела мама сеять вражду между соседями, и лишь когда семья умершего куда-то переехала, мама все рассказала: «Виноват я, Анна, перед тобой... Смерть на мне..., — хрипел умирающий, — ведь твоего Ивана взяли по моему доносу...» Видно, не вынесла черная душа перед смертью тяжести греха, покаялся он перед мамой. Наверное, не один год он отнял у нее своим запоздалым покаянием.

Почему он это сделал? Он также был шофером (как и Никулин), работал вместе с папой. Отца хотели поставить завгаром, а он сам метил на это место. Но главное, мама ему очень нравилась. И хотя нас у мамы было трое, после ареста отца он несколько раз сватался к маме, но она не выходила больше замуж, отец был для нее единственным...

Возможно, так закончилась жизнь Иуды с Кемеровской ГРЭС...

1937 год

Между тем, каждый из обвиняемых, называя «просто своих знакомых», указывал работникам НКВД на следующие жертвы. Давая друг на друга перекрестные показания, они сами очертили круг обвиняемых, коих потом стали называть «подельниками».

СУТЬ ОБВИНЕНИЯ. «...Сюзев Григорий Арсентьевич, 1907 года рождения, являлся активным участником к/р (контрреволюционной) организации диверсионно-повстанческого характера, ставившей своей задачей свержение советской власти. В указанную организацию был завербован активным участником к/р националистической, диверсионно-повстанческой организации «Польской организации войсковой» Пономаревым. ...По заданию Пономарева систематически проводил к/р агитацию, распространял провокационные слухи о войне (!) и якобы о неизбежной гибели советской власти...»

Аналогичные обвинения были предъявлены всем остальным участникам этой террористической организации, менялись только фамилии тех, кто «вовлекал» и «давал задания». Просто, и никаких изысков! И ведь прошло!..

159 листов в этом деле. 33 протокола допроса: по два — на каждого из обвиняемых, и один... Впрочем, это даже не допрос, а копия допроса обвиняемого Гамеры Самуила Александровича. Где, кем он обвинялся, из какого другого дела его показания попали сюда — неизвестно. Но сам допрос более похож на путеводитель для судей. Гамера словно объясняет, почему сибирских рабочих с ГРЭС

надо считать польскими диверсантами. Ведь ни одного поляка в группе нет, да и в Польше-то были всего двое... Гамера показывает, что в апреле 1930 года в Кемерово для налаживания диверсионной работы из Польши прибыли связанные Петр Кошицкий и Василий Ткачук. С кем-то встречались, что-то обещали, а потом бесследно исчезли, впрочем, как и сам Гамера. В конце допроса Гамера упоминает Лешука Георгия... Таким вот немудреным образом перекинут мостик от далекой Польши, от неуловимых связников — к реальным рабочим людям с Кемеровской ГРЭС. Кстати, Гамера, как и Никулин, на суде не фигурировал, нет никаких документов, свидетельствовавших о существовании уголовного дела в отношении Гамеры. Что это — еще один провокатор или очередной плод фантазии чекистов?..

После ареста всех фигурантов по делу расследование пошло живее. 7 октября было предъявлено последнее обвинение, затем ознакомление обвиняемых с материалами дела, суд и... потом было 5 ноября 1937 года. Дата казни. По делу не было заявлено кассационной жалобы. Процедура суда комиссией НКВД и Прокурора СССР не признавала такого средства защиты обвиняемых.

Так что же совершили эти шестнадцать мужчин в том далеком тридцать седьмом? А НИ-ЧЕ-ГО! Одни разговоры: кто и кого вовлек, да еще предположения о скорой войне. Словно устрояя единообразие протоколов, следователь витиевато-красивым почерком Поповича или Романова дописывал в некоторые протоколы нелояльные высказывания в адрес Сталина, Ворошилова, Молотова... Нет конкретных дел и фактов, так хоть слов покруче внести в протоколы. Словно невдомек было тогдашним юристам от НКВД, что вся эта трескотня о политике подпадала (если вообще подпадала!) под действие ст. 58-10 УК РСФСР — контрреволюционная пропаганда и агитация — и расстрел не был ею предусмотрен в качестве меры наказания.

1939 год

Все эти ошибки, недомолвки и явная натяжка на «расстрельную статью» становятся очевидными и объяснимыми, когда знакомишься с обзорной справкой военной прокуратуры Западно-Сибирского военного округа: 7 сентября 1939 года Главным Военным Прокурором РККА было утверждено обвинительное заключение о предании суду бывшего начальника УНКВД Новосибирской области Мальцева Ивана Александровича по ст. 193-17 п. «б» УК РСФСР. Мальцев был обвинен в извращении оперативно-следственной работы, в незаконных арестах неповинных граждан, в фальсификации уголовных дел, одним из которых было дело о «Польской организации войсковой» на Кемеровской ГРЭС в 1937 году. Мальцев был осуж-

ден на 8 лет лишения свободы, был лишен специального звания «майор госбезопасности», всех наград. Умер Мальцев 26 апреля 1940 года в тюрьме.

Из материалов видно, что Мальцев, являясь в 1937 году заместителем начальника УНКВД Западно-Сибирского края, фактически руководил массовыми операциями по арестам граждан, направил во все периферийные органы директиву: **«Немедленно начать широкую операцию по ликвидации «ПОВ» и, прежде всего, ее диверсионно-шпионских и повстанческих кадров в промышленности, на транспорте, в колхозах и совхозах.»**

Согласно этой директиве аресту подлежали:

1) выявленные агентурно и в процессе следствия члены «ПОВ», шпионы, террористы, диверсанты;

2) все оставшиеся в СССР военнопленные польской армии;

3) все перебежчики, независимо от времени их приезда в СССР;

4) политэмигранты и политзаключенные из Польши.

Понятно, что майор ГБ Мальцев не был вершителем судеб всей России. Много у нас написано и сказано о массовых политических репрессиях, о тех, кто стоял за ними: Сталине, Берии, Ягоде, Ежове и т.п., но исполнителей рангом пониже было не принято называть, исполняли свой долг, «винтики», мол... Но эти «винтики», получив директиву сверху, творчески развивали ее, совершенствовали, претворяли в жизнь за счет жизни тысяч и миллионов граждан. Неужто не должны претерпеть хотя бы моральный укор те «маленькие палачи», направлявшие невинных на плаху. Только по этому делу работало около двадцати сотрудников НКВД: это и оперуполномоченный 3 отделения Романов, и давший согласие на отправление дела в суд лейтенант Белобородов, и сотрудник ГОНКВД Попович, чьим красивым почерком писался смертный приговор «польским террористам» с русскими фамилиями...

1956 год

«...Мне хорошо было известно, что в нашем горотделе никаких данных о существовании в городе Кемерово и его районе контрреволюционных организаций «РОВС», «ПОВ», «ТКТ» и других не было.

Все организации были созданы искусственно работниками горотдела по указанию Новосибирского УНКВД — в лице Мальцева, Голубчика и других», — из показаний Монтримовича Владимира Дмитриевича от 9.10.1956 г., с июня 1937 по апрель 1938 года работавшего помощником начальника горотдела НКВД. « - После сообщения, поступившего из Новосибирска, о наличии в Кузбас-

се контрреволюционных организаций, к нам приехал Голубчик и дал установку: произвести ПОДБОР людей, которые по своим признакам могут быть причислены к той или иной искусственно созданной контрреволюционной организации. Этим лицам мы должны были арестовывать, объединять в группы, как участников контрреволюционных организаций...»

В свете этих пояснений становятся понятными трудности кемеровских чекистов на первой стадии следствия после ареста Демидова и последующее ускорение в расследовании.

В уголовном законодательстве дореволюционной России существовал состав преступления: преднамеренное убийство. Это значит, что лицо или лица, совершившие его, не только имели прямой умысел на его осуществление, но и сделали все по претворению своих намерений.

Именно таким преднамеренным убийством выглядит уголовное дело по обвинению в тяжком государственном преступлении 16 честных рабочих людей с Кемеровской ГРЭС. Работники НКВД сделали тогда все, чтобы никто не ушел от ответственности, а время доказало их невиновность. Не зря говорят: время — лучший судья. Хочется верить, что эта история больше не повторится ни в виде трагедии, ни в виде фарса. Страшно это, когда гибнут люди! И вдвойне страшно и горько, когда они не виновны...

Вместо эпилога

Фамилии многих обвиняемых по данному делу уже прозвучали в нашем рассказе, но думаю, будет справедливым назвать всех поименно. Ведь даже в Книге Памяти, изданной на Кемеровской ГРЭС в 1996 году, ни один из участников этой трагедии не значится. После реабилитации только родственники шестерых обратились в прокуратуру за необходимыми документами, но потомки других также имеют право знать, что их мужья, отцы, деды были честными людьми...

1. ЛЕЩУК Георгий Корнилович, 1986 года рождения, снабженец;
2. ЗИНКЕВИЧ Иван Семенович, 1905 года рождения, слесарь;
3. ЗИНКЕВИЧ Александр Семенович, 1915 года рождения, грузчик;
4. ДЕМИДОВ Георгий Федорович, 1906 года рождения, зав. складом;
5. ВОСТРЯКОВ Иван Алексеевич, 1905 года рождения, плотник;
6. ПОНОМАРЕВ Петр Игнатьевич, 1905 года рождения, слесарь;
7. СЮЗЕВ Григорий Арсентьевич, 1907 года рождения, слесарь;

- 8.ИВЛЕВ Василий Авдеевич, 1888 года рождения, жестянщик;
- 9.ЗАЙЦЕВ Иван Иванович, 1910 года рождения, шофер;
- 10.СИМБИРЦЕВ Василий Афанасьевич, 1887 года рождения, сторож;
- 11.СИЛАЕВ Александр Павлович, 1914 года рождения, электромонтер;
- 12.КОЛМОГОРОВ Иван Афанасьевич, 1913 года рождения, шофер;
- 13.КУЛАКОВ Петр Прокопьевич, 1911 года рождения, шофер;
- 14.АЛЕКСАНДРОВ Николай Петрович, 1906 года рождения, слесарь;
- 15.ГОРСКИЙ Григорий Станиславович, 1909 года рождения, плотник;
- 16.ГОРСКИЙ Александр Станиславович, 1912 года рождения, плотник.

ФАНТАЗИИ НКВД НА ТЕМУ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Из приговора военного трибунала
Западно-Сибирского округа пограничных
и внутренних войск НКВД от 13.10.38:

«... Рассмотрев в закрытом судебном заседании в гор. Новосибирске в помещении военного трибунала дело № ... по обвинению бывшего начальника Ленинского (Ленинск-Кузнецкого) городского отдела НКВД старшего лейтенанта госбезопасности ЗОЛОТАРЯ Ивана Федоровича, 1905 года рождения, урож. станицы Старо-Величковская Поповичского р-на Краснодарского края, бывшего члена ВКП(б), в органах НКВД с 1921 г. ...

УСТАНОВИЛ:

Золотарь, будучи начальником Ленинского горотдела НКВД, в повседневной своей работе допускал грубые нарушения революционной законности - производил аресты ряда лиц без тщательной проверки и наличия на них компроматериалов... Вопреки директивным указаниям НКВД по вопросам режима конвоировал арестованных из тюрьмы в баню в массовом порядке, в дневное время на открытых машинах по оживленной части города, в связи с чем на улицах собирались толпы людей, в том числе жены и родственники заключенных... В результате несоблюдения режима внутри тюрьмы, арестованные свободно общались между собой, а также с внешним миром. Злоупотребляя служебным положением, Золотарь присвоил из вещественных доказательств охотничье ружье «Зауэр», незаконно произвел арест двух милиционеров и вопреки существующему положению поместил их в одну камеру с арестованными за контрреволюционные преступления.

... Золотарь систематически пьянствовал, наносил оскорбления и побои сотрудникам горотдела и телефонной станции, вступал в интимные отношения с подчиненными сотрудниками, (не уточняется, были это женщины или мужчины - авт.) незаконно хранил у себя дома 1000 боевых патронов к револьверу «Наган»...

ПРИГОВОРИЛ:

Золотаря Ивана Федоровича лишить спецзвания «старший лейтенант госбезопасности» и подвергнуть лишению свободы с со-

держанием в исправительно-трудовых лагерях сроком на 5 лет без поражения в правах.

**Председательствующий бригадвоенюрист
Кулик»**

Так закатилась звезда удачи еще одного оперработника НКВД. Не за фабрикацию уголовных дел по пресловутой статье 58 УК РСФСР, не за десятки и сотни незаконно расстрелянных по его делам советских людей пострадал Золотарь - за недостаток компроматериалов на них, за уворованное ружье и хранение боевых патронов. Да и срок-то несерьезный - всего 5 лет. Те, кем занимался Золотарь, в основной своей массе шли только под расстрел. Наш рассказ пойдет об одном лишь деле, «смонтированном» под его руководством крапивинскими энкэвудистами Карпечиным, Бржезовским, Пироговым, Ремезовым и др. Народ должен знать не только своих героев, но и своих палачей, помнить их грех!

Случилось так, что летом и осенью 1937 года оперативники Крапивинского райотдела с приданными им силами из соседних райотделов метались по району, наводя ужас на его жителей: шла охота на врагов народа. Чусовитино, Банново, Аило -Алтынаково, Барачаты, Панфилово - именно здесь, по их мнению, затаился коварный враг Советской власти, и он-то подлежал «изъятию» и уничтожению.

Враг хитер (он маскировался под сутаной священника и под крестьянским зипуном) и многочислен (31 человек было арестовано, из которых были две женщины-монашенки), а потому работа шла и днем, и ночью, пока, наконец, 1 октября 1937 года Золотарь не утвердил обвинительное заключение. Свою миссию НКВД выполнил: враг изобличен, «контрреволюционная гадина раздавлена», а дальше двухтомное дело предстояло переслать в г.Новосибирск на рассмотрение тройки УНКВД, а это значит, что приговор по делу будет, как всегда, вынесен заочно и у обвиняемых не будет даже слабой надежды на то, что судьи, взглянув в глаза этих старых, изможденных непосильным крестьянским трудом людей, не будут рубить сплеча... Рубанули!... 27 человек были отправлены под расстрел, в их число попали и женщины, и лишь четверым – длительные сроки наказания. Двое из них, Горюнов И.А. и Логунов Н.А., погибли в местах заключения. Расстреляли крапивинцев 25 октября того же года. И лишь 8 августа 1956 года президиум Кемеровского областного суда отменил решение тройки и прекратил уголовное дело за отсутствием в их действиях (обвиняемых) состава преступления. Все обвиняемые по делу-31 человек - реабилитированы, но людей ведь не вернешь. Разве за это Золотаря и его сподручников надо было на 5 лет засудить?! Судьба большинства казненных по этому делу и до сих пор остается тайной для их

родных и близких. Лишь в начале 90-х годов, когда окончательно был поднят страшный занавес, скрывавший кровавое действие сталинских палачей, могли ознакомиться с материалами дела дети и внуки репрессированных Солдатов Е.А., Филатов В.Г., Гутова И.Е., Горюнова И.А., Войтюка И.С., Подьяблонского А.В., Пирятинского И.А. и Бринева В.С. Восемь из 31, а остальные 23 человека? Что же, у них не было друзей, родственников? Неужели они не хотят знать правду о последних днях своих родных?! Умолчание таких фактов может привести к рецидиву той страшной болезни, которой в свое время переболела наша страна.

...И вот совсем недавно из Москвы пришло письмо: Костина Наталья Геннадьевна разыскивала своего родственника, священника Иллиодорова Захария Иллиодоровича. Отрадный факт. В то время, когда слабеют и рушатся родственные связи, когда дружба порой не выдерживает испытания корыстью, молодая женщина ищет своего прадеда, интересуется его судьбой, дабы отдать долг его памяти. Именно письмо Н. Костиной привело меня к этому делу и заставило взяться за перо...

Из обвинительного заключения по делу №...

«Крапивинским РО НКВД в июле месяце 1937 года в селе Панфилове... вскрыта и ликвидирована контрреволюционная повстанческая, церковно-монархическая организация, состоящая из попов и кулаков...

... Следствием установлено, что к/р организация ставила своей целью вооруженное свержение существующего советского строя в момент нападения на СССР западных фашистских государств и Японии. Организационное оформление к/р повстанческой организации началось с января 1924 года, когда в гор. Кемерово епископом Нагановым и протоиереем Котовашенко был завербован священник села Панфилово Бринев Г.С.... Бринев в разное время завербовал в организацию священников Пирятинского, Иллиодорова, Войтюка, Агошкина, Стафеева, монашек Адмакину и Журавлеву, кулаков Черданцева, Ильина и др. Всего 30 человек. Завербованным Бринев давал установку вербовать новых членов, вести вредительскую работу и разлагать трудовую дисциплину в колхозах...»

Таким образом Бринев Г.С., по версии чекистов, создал в Крапивинском районе отдельные контрреволюционные группы, которые, якобы, возглавили священнослужители: в селе Аило-Алтынаково-Пирятинский И.А., в Банново - Иллиодоров З.И., в дер. Зимовье-Агош-

ков А.А., в с.Сыромолотное - Войтюк И.С., в с. Чусовитино- сам Бринева Г.С. Как случилось, что набожные старцы вдруг превратились в опасных заговорщиков, способных поднять вооруженный мятеж и разрушить систему Советов, которую в свое время не могли сокрушить самые мощные капиталистические страны?

А объяснялось все просто: несмотря на то, что после революции прошло уже 20 лет, не сельсоветы и исполкомы в стране играли главную роль в духовной жизни страны. Только стали прорастать ростки комсомолии и пионерии, только формировался класс «совков», а потому был еще так велик авторитет религии и священников, особенно в провинции, в сельской местности. Не хотел русский мужик молиться новым, коммунистическим богам, а шел в церковь к тому богу, с которым жили его деды и прадеды. Этому богу он верил, верил и тем людям, кто нес слово Божие в массы. Против этих подвижников и направлялся главный удар НКВД: обезглавить церковь, отнять у паствы ее пастырей, лишить людей Веры, а духовно надломленного человека легко сделать и рабом, и «винтиком» Системы.

Далее в обвинительном заключении идет перечисление: кто кого завербовал, причем некоторые из членов так называемой организации вербовали друг друга, видимо, для надежности. Вряд ли деятельность Бринева Г.С. в руководстве, якобы, созданной им к/р организации можно признать удачной, коль за 13 лет ее существования он завербовал в нее всего 30 человек - старых, больных, неграмотных. Более половины арестованных на момент ареста имели возраст за 60 лет, а Елизару Плетневу шел уже семьдесят первый год. Ну, чем не повстанец?! Кроме вербовки, следователи НКВД вменяли арестованным контрреволюционную агитацию и пропаганду. Размытость диспозиции статьи 58-10 УК РСФСР позволяла оперативникам под «агитацию» относить все разговоры о засухе, урожае, поломе тракторов и прочие подобные разговоры на бытовые темы. Золотарь, как опытный специалист «по конструированию» такого рода дел, понимал, что «словеса» немногого стоят, а потому требовал от подчиненных конкретных фактов вредительства со стороны «разоблаченных врагов», но их не было, и тогда в ход шли даже такие факты...

«...Священник Пирятинский Иосиф направил своего сына Ивана на совершение теракта над председателем сельсовета Беляевым, но данный теракт был предотвращен односельчанами, а в феврале 1936 года тот же Пирятинский - сын совершил теракт над секретарем сельсовета Гориним, которому успел выколоть глаз...» Вот ведь как получилось: проявили бдительность односельчане Беляева - остался у последнего глаз целый, но только ослабились земляки Горина, проморгали «террориста» - и на тебе - пришлось секретарю впоследствии моргать уже одним глазом. Впро-

чем, из материалов дела трудно уяснить, сколько глаз было у Горина на момент следствия: ни экспертизы в деле, ни медицинской справки, даже допросить потерпевшего забыли. А уж он-то, наверное, все бы сказал про Пирятинского-младшего!.. Забыли, а может быть, с его глазом ничего и не случилось, и все это была... (как бы выразиться помягче) фантазия оперработника, проводившего данное расследование. Так же, как с поджогом зернохранилища. Обвинили человека, расстреляли, а потом оказалось, что и пожара-то никакого не было в районе в то время. И все обвинения по делу оказались ложными.

**Из письма зам. облпрокурора по
спецделам А.Батова начальнику УКГБ
по Кемеровской области
полковнику Никитину от 18.06.55.**

«... Постановлением тройки УНКВД Новосибирской области от 7.10.37 по ст. 58-2,7,10,11, УК РСФСР к различным видам наказания были осуждены Бринев Г. С., Подъяблонский В. А., Иллиодоров З.И. и др. - всего 31 человек... Указанные лица арестованы без санкции прокурора.

... По делу допрошен ряд свидетелей, которые избочличают обвиняемых в к/р деятельности. Показания обвиняемых к свидетелей записаны общими словами, не конкретно. Кроме того, в показаниях имеется ряд существенных противоречий, которые в процессе следствия устранены не были. Вышеперечисленные недостатки вызывают сомнение в правдоподобности и достоверности тех фактов, о которых говорят обвиняемые и свидетели ...»

Так, почти двадцать лет спустя, была предпринята первая попытка восстановить истину в отношении людей, принявших мученическую смерть от своих палачей. И подвигло прокуратуру на эту проверку письмо Логунова Николая Николаевича, отец которого был в числе арестованных по данному делу.

Из письма Логунова Н.Н.

«...Прошу пересмотреть дело моего отца, Логунова Николая Андрияновича. Он жил в дер. Сыромолотное и работал кузнецом в колхозе им. Молотова». До 1943 г. он писал письма с острова Новая Земля. Он пишет, что отбывает меру наказания, не зная за что. После этого писем не было...»

А письма перестали приходиться потому, что Логунов Николай Андриянович умер в местах лишения свободы в 1944 году, но его

близким об этом сообщено не было. Лишь по результатам проверки, проведенной по его заявлению, сын узнал о смерти своего отца.

В этот раз оперативники, теперь уже из КГБ, отнеслись к работе более ответственно, чем их коллеги из далеких тридцатых: проверялись другие дела, имеющие хоть какое-то отношение к «делу священников и кулаков», были передпрошены все свидетели, кто уцелел к середине 50-х от войны и от репрессий, скрупулезно изучались любые факты, проливающие свет на проверяемое дело. И оно не выдержало испытания на прочность и справедливость - стало рассыпаться на глазах.

**Из обзорной справки по
архивно-уголовному делу
по обвинению Наганова и др.**

Наганов Николай Афанасьевич, 1880 года рождения, урож. г. Бугульма Татарской АССР, священник судим: 1924 г.-ст.61 УК РСФСР; 1935 г.-ст.58-10 УК РСФСР, до ареста проживал в г. Топки Кемеровской области.

Постановлением тройки УНКВД Новосибирской области от 8.11.38 подвергнут ВМН-расстрелу. По показаниям Наганова Бринев Г.С. и другие лица, арестованные по делу с ним, не прохдят».

Значит, сам факт вербовки Бринева Нагановым не установлен, не назвал Наганов Бринева, но следователь, зная о прежней судимости Наганова за контрреволюционную агитацию, просто «привязывает» Бринева к уже скопроментированному Наганову, а там пойдй разберись, была ли пресловутая вербовка в далеком 24-м году. Да и сам факт отсутствия в деле Бринева протокола допроса Наганова говорит о многом: просчитались чекисты, плохо «привязали» одно дело к другому, вот и вылез данный факт наружу. Впрочем, вылез-то он только в середине пятидесятых, когда не стало Вождя всех народов, а тогда, в тридцатые годы, кто бы осмелился пересмотреть решение тройки, если даже редкие протесты прокуроров области отклонялись заместителями начальника УНКВД. Потому и работали грубо, что знали: судьба всех арестованных предрешена, и нечего метать бисер...

Многие из свидетелей обвинения по данному делу не дожили до проверки 1955-56 г. г. Кто-то погиб на фронте во время Великой Отечественной войны (Кадошников А. С., Топильский А.Ф., Богопротивников М.Н.), иные умерли своей смертью, как-то: Гутов А.А.,

Егоров П.Н., Иванов А. А.; большинство же покинули Крапивинский район и потому не были передопрощены в ходе проверки дела, зато оставшиеся в живых дали совсем иные показания, нежели тогда, двадцать лет назад ...

«Гутов А.П.; кладовщик колхоза им. Молотова: Гутов И.Е. и Логунов Н.А. работали в колхозе хорошо. Логунов был середняк, а Гутов вообще был бедняк (в деле же фигурируют лишь «попы» да «кулаки»). Контрреволюционных разговоров от них я не слышал... А случая с поджогом зернохранилища в 30-е годы в нашем районе не было, и это подтвердят все, кто жил тогда здесь»

«Иванов П.М., конюх колхоза «Победа»: Показаний по обвинению Агошкова А. А. я не давал. Их написал сам следователь (Пирогов), а мне сказал: Подписывай, не бойся, ничего не будет».

Пирогов его не обманул: ему, Иванову, действительно ничего не было, зато Агошкова Андрея Афанасьевича расстреляли. Здесь же Иванов отрицает сам факт поджога школы, зернохранилища и уничтожения 350 тонн картофеля, а также факт падежа 30 голов овец. Все это оказалось фантазией следователей. Фантазией, стоившей жизни людям. Впрочем, эти факты вызывали сомнения у прокурора Новосибирской области Захарова еще тогда, в 1940 г., когда он пытался опротестовать решение тройки УНКВД и более тщательно проверить факты вредительства осужденных, но тогда его протест был отклонен, а в деле так и не появилось ни одного документа, подтверждавшего хоть один факт вредительства.

А свидетель обвинения Гутов И. П. (читай – «лжесвидетель»), бывший секретарь Ново-Барачатского сельсовета, под давлением следователя (того же Пирогова) сначала подписал все, что тот написал про Солдатова, а потом под его же диктовку написал отрицательные характеристики на Солдатова, Кузнецова, Войтюка. Все трое были расстреляны.

Детали методов работы чекистов на допросах в 1956 году раскрывает Белобородов Н. А., работавший в органах НКВД с 1930 по 1938 г. и занимавший должность начальника 3-го отделения Кемеровского ГО НКВД.

«... В 1937 г. в мае месяце нам было дано указание о производстве массовых арестов в Кемерове. Приехала бригада из числа сотрудников Новосибирского управления НКВД, в которую входили Голубчик, Печенкин, Коннов. Они провели инструктаж со всем оперсоставом горотдела. Нам было объявлено, что принято решение в сентябре-октябре 1937 г. об ИЗЪЯТИИ и высылке социально чуждых элементов в отдаленные северные районы ...

Все сфабрикованные дела должны были строиться по принципу военных соединений: штаб, а от него идут ответвления, группы. Изъятию подлежали: бывшие кулаки, белогвардейцы, царские чиновники, священники, иностранцы, лица проживавшие за границей или имеющие там родственников... Объединяли их искусственно в группы и называли их «РОВС», «ПОВ», «ТКП» и др.

Вопрос: Как составлялись протоколы допроса обвиняемых?

Ответ: У нас имелась схема и мы, оперработники, сами, ориентируясь на нее, составляли протоколы допросов, а затем добывались от обвиняемых, чтобы они подписывали их.

Вопрос: Каким путем оперработники добывались этого?

Ответ: ... различными путями: продолжительными допросами одного обвиняемого несколькими следователями, причем обвиняемому не давали отдыха; с помощью камерной обработки через старших по камере, а также иными методами принуждения

... (Подробный анализ методов принуждения к даче НУЖНЫХ следствию показаний обвиняемых и свидетелей дан А.И.Солженицыным в романе «Архипелаг Гулаг» - авт.).

...По окончании дело Золотарь повез в Новосибирск, а я принимал меры к отправке арестованных и готовил пункт погрузки, однако вскоре мы получили из Новосибирска протокол заседания тройки УНКВД о расстреле арестованных ...»

Они работали «по схеме», по схеме же всем арестованным была изготовлена смерть, и спасения от нее не было...

В обвинительном заключении говорилось о том, что данная контрреволюционная повстанческая организация была «ВООРУЖЕННАЯ». И действительно, в ходе следствия у двоих обвиняемых - Кулченко С.Ф. и Елисеева А.Е. — были изъяты два старых охотничьих ружья. Они-то и позволили сказать чекистам, что группа готовила «вооруженное свержение существующего Советского строя»...

Из опыта работы спецслужб по обезвреживанию настоящих террористических групп и вооруженных бандитских группировок, при обысках всегда извлекались в большом количестве оружие, боеприпасы, пароли, списки членов бандгрупп, схемы объектов нападения и списки предполагаемых жертв террора, а вместо этого работниками НКВД в том затерянном 37 -ом у так называемых руководителей террористических групп, на деле же священников, были изъяты и приобщены к материалам дела рукописные тексты молитв и псалмов, как-то:

«В городе Иерусалиме во время утренней молитвы был слышен голос самого Спасителя. О тебе раз в неделю молиться и читать Отче наш и будет спасение ...»

«... Три дня скрывался в темном гробе,
Свет мира стражей окружен,
И восклицали в лютой злобе
Его враги: «Во прахе он!»

Но час пришел - из недр могилы
И в ризу славы облечен.
Спасенье мира совершилось-
Распятый жив! Христос воскрес!

Явился свет и мрак исчез,
Друзья Господни веселятся,
Враги трепещут и страшатся,
Внимая клич: «Христос Воскрес!»

Это единственные документы, приобщенные к делу. Действительно, порой Слово может быть приравнено к штыку!..

Осенью 2002 года исполнится 65 лет со дня той кровавой драмы, разыгравшейся в Крапивинском районе Кузбасса. И назвать поименно тех, кто был принесен в жертву коммунистическому Молоху, наш долг перед ними, перед их светлой памятью:

-БРИНЕВ Григорий Семенович, 1874 года рождения (г.р.), урож. д.Верх-Чуево Борисоглебского уезда Тамбовской губернии, священник с. Чусовитино;

-БРИНЕВ Владимир Семенович, 1900 г. р., урож.с.Панфилово Крапивинского района, крестьянин-единоличник;

-ЧЕРДАНЦЕВ Алексей Васильевич, 1871 г. р., урож. с. Панфилово Крапивинского района, крестьянин;

-ЧЕРДАНЦЕВ Егор Зиновьевич, 1870 г. р., урож. с.Панфилово Крапивинского района, плотник совхоза № 322;

-ЧЕРДАНЦЕВ Василий Петрович, 1881 г. р., урож.с.Панфилово Крапивинского района, крестьянин;

-ВОЛКОВ Григорий Федорович, 1900 г. р., урож. с.Панфилово Крапивинского района, крестьянин;

-ЧУПИН Иван Александрович, 1876 г. р., урож.д.Зимовье Крапивинского района, крестьянин;

-ЧАЛИН Петр Андреевич, 1873 г. р., урож. с.Панфилово Крапивинского района, крестьянин;

-ИЛЬИН Степан Егорович, 1901 г. р., урож.с.Панфилово Крапивинского района, крестьянин;

-ПЕРМЯКОВ Иван Кузьмич, 1872 г. р., урож. с.Панфилово Крапивинского района, крестьянин;

-ПЕРМЯКОВ Василий Кузьмич, 1878 г. р., урож.с.Панфилово Крапивинского района, крестьянин;

- ПЛЕТНЕВ Елизар Лаврентьевич, 1867 г.р., урож. д.Тютрюма Кировской области, кустарь-пимокат;
- ГОРЮНОВ Иван Акимович, 1895 г.р., урож. д. Шемяки Татарской АССР, кузнец;
- ПОДЪЯБЛОНСКИЙ Василий Анисимович, 1873 г.р., урож. д.Средняя Яруга Тамбовской губернии, крестьянин;
- ПОДЪЯБЛОНСКИЙ Андрей Васильевич, 1906 г.р., урож. д.Средняя Яруга Тамбовской губернии, бригадир колхоза «Коминтерн».
- ПИРЯТИНСКИЙ Иосиф Алексеевич, 1885 г.р., урож. Новая Квасниковка Старо-Полтавского кантона АССР немцев Поволжья, священник с. Аило-Атынаково;
- ПИРЯТИНСКИЙ Иван Иосифович, 1913 г.р., урож. с.Новая Квасниковка Старо-Полтавского кантона АССР немцев Поволжья, сын священника;
- СТАФЕЕВ Александр Григорьевич, 1884 г.р., урож. д. Подгорки Северной области, псаломщик церкви в с. Аило-Актынаково, церковный староста;
- АДМАКИНА Мария Федоровна, 1874 г.р., урож. д. Болдовская, Пензенской губернии, монашка при церкви в с.Аило-Актынаково;
- ЖУРАВЛЕВА Татьяна Павловна, 1898 г.р., урож. с. Болдовское Пензенской области, монашка при церкви в с. Аило-Актынаково;
- АГОШКОВ Андрей Афанасьевич, 1870 г.р., урож. д. Козарь Московской области, диакон церкви с. Аило-Актынаково;
- ФИЛАТОВ Василий Григорьевич, 1898 г.р., урож. с. Баклановка, Самарской губернии, председатель колхоза «Победа»;
- КАДЫШНИКОВ Артамон Порфирьевич, 1891 г.р., урож. д. Кабаново Крапивинского района;
- ИЛЛИОДОРОВ Захарий Иллиодорович, 1874 г.р., урож. с. Ново-Чурашево Чувашской АССР, священник церкви в с.Банново;
- КУПЧЕНКО Сергей Федорович, 1877 г.р., урож. д. Мадора Ногилевской губернии, крестьянин;
- ЕЛИСЕЕВ Арсентий. Елисеевич, 1870 г.р., урож. д. Васиново. Псковской губернии, крестьянин-единоличник;
- ВОЙТЮК Иван Степанович, 1870 г.р., урож. д. Дрохлик Гродненской губернии, священник церкви в с.Сыромолотное;
- КУЗНЕЦОВ Василий Иванович, 1872 г.р., урож. д. Ново-Барачаты Крапивинского района, крестьянин;
- СОЛДАТОВ Егор Артемьевич, 1874 г.р., урож. с. Ново-Барачаты Крапивинского района, крестьянин-единоличник;
- ЛОГУНОВ Николай Андриянович, 1906 г.р., урож. с. Сыромолотное Крапивинского района, кузнец;
- ГУТОВ Иван Егорович, 1895 г.р., урож. д.Сыромолотное Крапивинского района, крестьянин.

ОДНА ПОРТЯНКА - ТРИ ЖИЗНИ

Дальний Восток в 30-е годы в плане народонаселения представлял собой пеструю мозаику. Русское население и коренные народы, жившие здесь с незапамятных времен, активно пополнялись за счет мигрантов из Кореи и Китая. Причин для такой миграции было много: большая плотность населения и нехватка плодородных земель в сопредельных с Россией Китае и Корее; русско-японская война, в самом начале века давшая определенный толчок для миграционных потоков на все последующие

годы; строительство Китайской военной железной дороги (КВЖД); наконец, война между Японией и Китаем в 30-е годы. Все эти обстоятельства делали дальневосточный регион беспокойным, нестабильным. Впрочем, окрепший к середине 30-х годов Сталинский режим уже имел опыт наведения железного порядка: именно в это время здесь появляются два монстра из системы Гулага; Дальлаг и Бамлаг НКВД, где и предполагалось содержать «лишних» людей, волею судеб сорванных с родной земли.

Именно там, в филиалах Дальлага, обитали герои нашего очерка в ожидании решения тройки УНКВД по ст. 58 УК РСФСР, а для отбытия наказания все они были направлены в глубинку Советского Союза. Для них этой глубинкой оказалось Ахпункское отделение Сиблага НКВД, а объектом их подневольного и изнуряющего труда стало строительство Горно-Шорской железной дороги.

«Начальнику Ахпунского отделения Сиблага НКВД**РАПОРТ**

Настоящим ставим в известность, что в 10-й трудколонне свили гнездо контрреволюционеры из японских шпионов и других мастей, которые вообще против советских законов и ведут агитацию не только скрытно, но и демонстративно, подбивают трудоармейцев на групповые отказы от работы. В данном рапорте указываем фамилии заклятых врагов, старающихся всеми методами сорвать выполнение производственного плана:

Ким Чен Сю, Ди Дян У, Пак Сер Юр, Тен Ен Сир ... (всего 12 человек).

Вот эти экземпляры, к которым нужно принять решительные меры, создав на них уголовное дело и изолировав их из колонны, потому как они ведут свои контрреволюционные разговоры с массами на родном языке - корейском или китайском... К сему. Начальник 10-й Чарибов. Старший воспитатель Ренкус. 18.07.1937г.»

8 августа 1937 года такое дело было «создано», и шестеро из двенадцати, названных в рапорте, были арестованы - их жизнь вышла на финишную прямую...

Зачинщиком и организатором антисоветской группы, ее главным идеологом доносчики единогласно признали Ли Дян У.

Из личного дела Ди Дян У.

1900 года рождения, уроженец гор. Ронан, Корея, кореец, японский подданный, из крестьян, грамотный, образование высшее, зубной врач, женат, семья находится в Корее. До ареста проживал в Манчжурии. В 1932 году коллегией ОГПУ осужден по ст. ст.58-б и 84 УК РСФСР (шпионаж и незаконный въезд в СССР) - К 10 годам исправительно - трудовых лагерей. Для отбытия наказания был направлен в Ахпунское отделение Сиблага НКВД ...

Заключение медкомиссии 10-й колонны.

«К труду годен. 2-я категория».

Из характеристики Ди Дян У.

«.. Работает на общих подконвойных работах, производственное задание выполняет на 50 %. Разлагатель масс. Занимается антисоветской агитацией, проповедуя, что Советская власть есть насильственная и сажает в лагерь невинных людей. Гово-

рит, что работать на пользу Советского государства не следует, а нужно только отбыть срок... Приходя с работы, вешал свои грязные портянки на портрет товарища Сталина вместо венка, одновременно говорил, что тов. Сталину пусть будет стыдно, что он ни за что посадил нас в тюрьму. Имел административные наказания за антисоветскую агитацию.

Старший воспитатель Ренкус».

Не удовлетворившись рапортом и составлением убийственных характеристик, Ренкус продолжал неистово обличать во всех смертных грехах своих подопечных из 10-го трудотряда на допросах.

«... Ди Дян У и Тен Ен Сир открыто говорят, что советская власть в лагеря забрала лучших людей и насильно заставляет работать, давая непосильные нормы выработки...

Ким Ир и Пак Сен Юр в присутствии командования колонны активно выступают за проведение в жизнь всех мероприятий партии и правительства, на деле же своей гнилой тихой сапой проводят антисоветскую подрывную работу...

...По их инициативе был подкуплен нормировщик 15-й колонны, который умышленно приписывал бригаде выработку, и за 20 дней июля туфта выразилась не просто туфтой, а экономической контрреволюцией, направленной на подрыв строительства Горно-Шорской железной дороги и всей мощи Советского Союза».

А в самом конце допроса приписка: «**Мои слова могут подтвердить Ван Хо Дя и Чор Ин**». Словно не надеясь на убедительность своих слов, свой авторитет, Ренкус ссылается на других. Проверьте, мол, сами, если мне не верите... А все это потому, что и сам Ренкус – заключенный, осужденный в 1933 году народным судом Нарымского округа по Закону от 7.08.32 «Об охране имущества госпредприятий, колхозов и коопераций и укреплении общественной (социалистической) собственности». В народе этот закон называли «Семь-восемь», а те, кто был осужден по нему, были **ПРОСТО ВОРЫ...**

Ван ХО ДЯ, 1912 года рождения, китаец, осужден в 1934 году тройкой УНКВД гор. Владивостока за мошенничество, помощник воспитателя отряда - он-то подтвердил все сказанное его патроном (Ренкусом) и от себя добавил...

«... В 10-й колонне отдельные лица активно ведут антисоветские разговоры. Главарем группы является Тен Ен Сир. Он говорит, что иностранцам дорога (Горно-Шорская ж.д.) не нужна, т.к. она строится для военных целей, что если ее не будет, то

Советский Союз не сможет вывозить железную руду и она останется Японии. Он же говорит, что после захвата Японией Китая она нападет на Советский Союз и захватит его, и тогда всех японских шпионов освободят ...

Эта группа систематически запугивает эков-нацменов, что после отбытия срока, если они уедут за границу, их там расстреляют, как коммунистов. Эта группа грозит и мне ...»

Стоит ли говорить о реальности таких угроз: когда освободишься ...если уедешь... Забегая вперед, можно отметить, что именно тех, кто, якобы, грозил расстрелом, и расстреляли через несколько дней, после этих допросов, и не в Корее или Китае, а прямо здесь, в Сибире, по наветам тех же уголовников - вора и мошенника, волею судеб сумевших занять в лагере привилегированное положение, что позволяло им помыкать судьбами тех, что сидел «за политику» и работал на общих работах.

А.И.Солженицын в своем трагичном по накалу романе «Архипелаг Гулаг» всех обитателей лагерей разделил на «туземцев» и «придурков»...

«...А состоит жизнь туземцев из работы, работы, работы; из голода, холода и хитрости. Работа эта, кто не сумел оттолкнуть других и пристроиться на мяконецком - работа эта ОБЩАЯ, та самая, которая из земли воздвигает социализм, а нас загоняет в землю...

Видов этих ОБЩИХ работ не перечесть, не перебрать, языком не перекидать... Тачку катать, ...кирпичи разгружать голыми руками, ...ломать из карьеров камень и уголь,... Да просто землю грызть, тоннели можно рубить для дорог... Пути подсыпать. Можно по пояс в грязи вынимать торф из болота...»

ПРИДУРОК – «...так грубо называли тех, кто сумел не разделить общей обреченной участи: или же ушел с общих (работ) или не попал на них. Придурков немало на Архипелаге ...

...**Зонные придурки**: повара, хлеборезы, кладовщики, фельдшеры, парикмахеры, воспитатели, зав. баней, старшие бараков, коменданты, бухгалтеры, писаря... Эти все не только сыты, не только ходят в чистом..., но имеют большую власть над людьми ...

Придурки производственные - это инженеры, техники, прорабы, десятники, нормировщики, секретари, машинистки...

Особое положение в лагере занимают бригадиры. Они, полагерному, не считаются придурками, но и работягами их не назовешь...»

(А.Солженицын, «Архипелаг Гулаг», т.2 гл.7,9).

И вот два «лагерных придурка»- Ренкус и Ван Хо Дя, пользуясь властью, данной им администрацией лагеря, рьяно отработыва-

ют свой хлеб, следуя лагерному принципу: «сдохни ты сегодня, а я – завтра». Уже допрошенный единожды Ван Хо Дя просится снова на допрос к следователю, и уже теперь-то слова его слова полны негодования в адрес антисоветчика Ди Дян У:

«... Ди Дян У я знаю как ярого врага советской власти. Зимой я работал бригадиром, а Ди Дян У был в моей бригаде. Он часто не выходил на работу и играл в карты...»

..В апреле 1937 года он стал вешать портянки на портрет товарища Сталина, а когда ему сказали, что этого делать нельзя, он ответил матерно, что портрету в грязном бараке делать нечего и его надо убрать ...

...22 июля 1937 года после агитации Ди Дян У вся бригада - 35 человек - не вышла на работу, а 5 августа бригада вышла на трассу, но работать не стала...»

А в конце допроса традиционная присказка: «Мои слова могут подтвердить Чор Ин, Ренкус, Нам Дюн Фа...»

Малограмотный китаец Чор Ин, осужденный в 1934 году за контрабанду, почти слово в слово повторил показания Ван Хо Дя, Ренкуса, но кое-что добавил и от себя:

«...Ди Дян У, Тен Ен Сир пускают слухи, что Советский Союз скоро развалится, коли уж Зиновьев, Каменев и Ягода перешли на сторону буржуазии...»

В июне 1937 года заключенным 10-го отряда выдали вместо обуви лапти, Ди Дян У показывал их в бараках и говорил: «Советская власть так разбогатела, что дает нам лапти, которые сейчас называются «советские ботинки»... А в заключении - сакраментальное: «...мои слова может подтвердить...»

Главный фигурант настоящего дела - Ди Дян У — был допрошен сотрудником 3-ей части Ахпунского отделения Ходаковым 7 августа 1937 года... Все бы ничего, да только дело к своему производству Ходаков принял 8 августа, а следовательно, все показания Ди Дян У от 7 августа должны быть признаны ничтожными, но этого не случилось, и оно было принято со всеми его недочетами. Видимо, тройка сочла это за мелкую ошибку, совершенную следователем вследствие небрежности. Анализ материалов дела помог найти массу таких «небрежностей»: в разных документах дела у одних и тех же лиц указываются разные даты рождения, места рождения, уголовные статьи, по которым они ранее были осуждены. Но главное, что все участники расследования: и китайцы, и корейцы, малограмотные или совсем неграмотные - допрашивались без переводчика, без адвокатов. Это ли не грубейшее нарушение прав обвиняемых на защиту в суде и на следствии...

В этом месте так и хочется заговорить словами А.С.Грибо-

едова: «А судьи кто?...»

Да та же тройка УНКВД, которая все свои решения по делам принимала заочно, и самой распространенной и привычной для нее мерой наказания для обвиняемых была - **ВМН-ВЫСШАЯ МЕРА НАКАЗАНИЯ** - расстрел, проще говоря...

Лишь допрашивая Ди Дян У, следователь пытался что-то выявить, установить достоверность каких-то фактов, протоколы же допросов других обвиняемых кратки, однотипны: знаете ли вы таких-то? Признаете ли Вы себя виновным в антисоветской агитации?

Ни один из обвиняемых не признал себя виновным. По законам юридической науки, следователь обязан изыскать иные способы доказательства вины, самая простая из которых - очные ставки. Их мог провести Ходаков, но не провел. Почему? Опять спешил? А может быть, он был уверен в том, что все равно дадут этим корейцам «вышку» и без очных ставок. Если так, то зачем вся эта суета? ...

На 67 листах уголовного дела уложилась судьба шести человек. Как ни листай дело - конкретных фактов преступления в действиях осужденных не найти, за исключением, пожалуй, одного - вывешивания портянок на портрет «Вождя всех народов», невесть по чьей инициативе повешенном в грязном эковском бараке. И ведь не привлекли же никого из администрации колонны или отделения за размещение портрета главы государства в недостойном его месте.

Не захотела тройка рассмотреть этот факт и как мелкое хулиганство. Ее решение сурово: **«входил в контрреволюционную группу ... занимался антисоветской агитацией ... - расстрел!»**

Конечно, скажет иной сторонник «железной руки», времена были другие, авторитет товарища Сталина ... Даже если и так, но портянки - то были лишь одного человека, Ди Дян У, а расстреляли шестерых! ... Вот и определили мы красную цену жизни политического заключенного в Гулаге, ее, так сказать, эквивалент: одна портянка - три жизни, две портянки - шесть жизней. И без права на обжалование приговора. А ведь это случилось не в каменном веке, не в средние века - в ХХ, который вошел в историю как век Атома и Космоса...

И мы в нем жили ...

Вместо постскриптума: 25 февраля 1999 года заключением прокурора Кемеровской области были реабилитированы:

- Ди Дян У,
- Пак Сен Юр,
- Сан Кван Хо,
- Ким Чен Сю,
- Пак Ким Ир,
- Тен Ен Сир.

ПОБЕГ

Побег из мест заключения во времена сталинского режима было делом обычным. Причин много, но главная — большие сроки наказания. За одно, ненароком оброненное нелестное слово в адрес кого-либо из руководителей партии и правительства можно было получить десять лет лагерей, а то и больше. И хотя самые страшные, тридцатые годы, уже остались позади и «ВМН» (высшую меру наказания) давали все реже, тем не менее, у многих лагерников сроки наказания были по 15, 20, а то и 25 лет. Многие из них, попав за решетку, уже не могли выйти оттуда: за любой проступок, любую провинность запросо получали новый срок, а точнее, добавку к старому. Сидят такие арестанты и понимают своим арестантским умом, что не дождаться им окончания своего безразмерного срока... Мало того, что «четвертинку» мотать надо, так ведь еще условия-то там не курортные, и каждодневно укорачивают их беспросветную жизнь: работа тяжелая, еда поганая, а тут еще притеснения со всех сторон. То администрация гнобит, а то и сами зэки начинают притеснять. «Закон джунглей — выживает сильнейший»... за счет слабейшего. Скучается вокруг «пахана» кодла из «врагов народа»: полицаи бывшие, дезертиры, мародеры — самая отпетая арестантская «масть», — и начнут потом всю «зону» за горло держать: надо — прижмут, надо — послабку дадут. Зачастую им и администрация лагеря не указ. Между собой они редко ссорились - не резон.

Вот и отбирает сильный у слабого то пайку, то робу новую, то инструмент, а если зимой отнимет валенки и теплые портянки — труба дело этому арестанту: на голодный желудок дневную норму не выполнишь — сил не хватит, а без теплой обуви ноги враз отморозишь. Много тогда в лагерях было таких «отморозков». Пальцы ног обморозят, они гниют, а потом фельдшер без наркоза кухонным ножом их отрезает, а вместо наркоза — хороший удар в лоб! Вот и все лечение. Потому-то и бежали зэки очерта голову от такой развеселой лагерной жизни. Знали, что расстрел за побег уже не дают, а больше 25 лет давать тоже не положено. Есть у тебя, допустим, 23 года — побежал. Не поймали — свободен!, а если поймали — добавляют еще пару лет, до 25 — беды-то... Для иных эти побеги стали, как спорт или игра какая: выиграет-проиграет, поймают — не поймают. Ловили почти всегда и почти всех. Редко кому удавалось сбежать из зоны, да и куда бежать, когда вся страна уже превратилась в одну громадную зону и «пахан» свой имелся...

Два обстоятельства могли остановить арестанта от побега: его пошатнувшееся здоровье (куда больному в бега подаваться?!), да пуля охранника. Риск такой все же был, ну, да как говорится, кто не рискует — «тому век свободы не видать...»

...В июле это было 1948 года. Из отдельного лагерного пункта № 9, что находился в районе пос. Чугунаш Кемеровской области, совершили побег двое «политических» - Тимофеев и Стадниченко. Тоже не чаяли дожидаться дня своего освобождения и решили счастья попытать в бегах. Зона в лесу находилась. Самые близкие к лагерному пункту были деревеньки Бараки и Викториевка. Через них обычно бегали арестанты — все же люди там живут: кто-то, глядишь, и пожалует беглецов, а нет, так и сами могут подломить любой погребок да полакомиться. И эти двое не утерпели и увели с собой двух телят у баракинского крестьянина. Видно, мяска захотелось с голодухи. Тут их понять можно...

В ту пору за беглецами по-разному погоню снаряжали: одна группа идет по следу, а другие блокируют в определенном квадрате и берут, что называется, «без шума и пыли». Это так положено по инструкции. Но чаще было иначе: всегда находились в охране желающие в одиночку идти в погоню за беглецами. Что-то вроде сафари на... человека. Правда, слова такого тогда еще не знали, но сам факт уже имел место. Как обычно, в погоню направлялся человек, опытный по службе, преданный своему долгу, лесному делу обученный. Как на охоту шел, с карабином и револьвером. У него все преимущества: он здоров, хорошо откормлен, вооружен, на местности хорошо ориентируется, не то, что эти ээки, завезенные с Украины или центральной полосы России.

Командир взвода охраны Дмитрий Гаврилюк был именно таким человеком: 34 года, крепкий, коренастый, оружием владеет как заправский охотник и опыта по организации погонь ему не занимать. Собирался недолго: всю свою ношу с собой — оружие, фляжку с водой да паек сухарей — и в путь. Лошадь быстро донесла его до деревни Бараки. Прознал у местных жителей, куда и куда пошли беглецы, а чтобы меньше плутать в таежных буераках, взял проводников из местных мальчиков: 12-летнего Куликова Ваню да 10-летнего Медведева Колю.

Лошадь хорошо держала троих и шла рысью. Не доезжая до Викториевки, Гаврилюк насторожился: он нутром чуял «врагов народа», тут они, рядом, и следы говорили о том же. Оставив пацанов стеречь лошадь, сам углубился в тайгу. Идти пришлось недолго. Уставшие беглецы на полянке развели костер и жарили

мясо. Гаврилюк, незаметно подкравшийся к ним, выскочил из кустов внезапно, с громким устрашающим криком, и его револьвер был готов к бою. Стадниченко даже не успел подняться с земли, — был убит наповал с первого выстрела. Тимофеев пробежал метров двадцать от костра, но был ранен метким выстрелом охранника. Не желая упускать «момент истины», Гаврилюк подзывает к месту расправы мальчишек и начинает допрашивать истекающего кровью Тимофеева: где телята? Любой допрос — малоприятное и сложное мероприятие, а что же тогда говорить о том допросе, что устроил Гаврилюк там, в лесу, 12 июля 1948 года. Вряд ли ребята запомнили, о чем шел разговор: они видели труп одного мужчины, видели окровавленное тело другого, а рядом здоровый, сильный охранник... Вряд ли Тимофеев долго упорствовал на допросе и скрывал место нахождения мяса похищенных ими телят. А когда ребята по приказу Гаврилюка готовы были идти за мясом, Тимофеев попытался приподняться, встать на ноги — куда уж ему бежать с серьезной раной, — как тут же был расстрелян охранником. Вот уж поистине: «шаг в сторону — попытка к бегству». Попытка явно оказалась неудачной, жаль, что все это произошло на глазах малолетних ребяткишек...

Что же толкнуло Гаврилюка на убийство беззащитного и уже безопасного ему человека? Возможно, Тимофеев был вооружен и тогда представлял определенную опасность для охранника и детей. Но почему Гаврилюк дал такую промашку: задержав преступника, он должен был обыскать его, изъять все предметы, которые могли быть использованы как оружие; должен был надеть на задержанного наручники или связать руки веревкой и лишь после этого приглашать детей и чинить допрос беглецу. Если им это не было сделано, значит, он исправлял результаты своей преступной халатности...

Может быть, он боялся за жизнь детей?.. Но дети были готовы идти за мясом, были в отдалении от раненого и безоружного арестанта, да и сам Гаврилюк был начеку...

Не хотелось лишних хлопот с раненым арестантом? Это не аргумент. Раненый был человеком, а, имея лошадь, не надо было нести его на себе.

Если бы существовала реальная опасность жизни охранника или жизни его проводников, поступок Гаврилюка мог бы быть оправдан. Но этого не случилось, суд не нашел таких оснований, а потому привлек его за умышленное убийство. Жертвами в данной ситуации оказались два теленка и... два человека, пусть даже одетые в арестантскую одежду. Жестокий счет!

Приговор суда не был слишком суров (видимо, определен-

ную роль сыграл статус убиенных — ЗЭКИ) — 4 года лишения свободы, а до этого Гаврилюк был уволен из МВД и лишен спецзвания. Оказавшись за решеткой, он не сдаётся и обжалует приговор суда в судебную коллегия по делам лагерных судов Верховного Суда СССР, ссылаясь на то, что оба беглеца были убиты при попытке к бегству. Но коллегия, ознакомившись с материалами дела, результатами судебно-медицинской и баллистической экспертиз, а главное, с показаниями малолетних проводников охранника, Куликова и Медведева, оставила приговор в силе...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Десять лет которые...</i> (Л. Гвоздкова, А. Исмагилов).....	5
Всероссийская Чрезвычайная...	11
Шутка разведчика Кротова.....	18
Кутомарская трагедия.....	21
Превентивная мера.....	28
Родина для есаула.....	30
Меченые.....	38
Наказание длиною в жизнь.....	43
Кривое зеркало НКВД.....	52
Зигзаги Георгия Гудкова.....	57
Схватка с Системой.....	60
И наступит день.....	66
Поединок.....	75
Усятские праведники.....	78
...А статья найдется.....	87
Александр - Человек Божий.....	92
Предатель.....	100
Технология преднамеренного убийства.....	105
Фантазии НКВД на тему жизни и смерти.....	115
Одна портянка - три жизни.....	125
Побег.....	131

Литературно-публицистическое издание

ПАВЛОВ
СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
«Наказание длиною в жизнь»

Над книгой работали:

редактор - Иванов Владимир Васильевич;
художник - Илиндеев Валерий Тимофеевич;
корректор - Кулешова Лидия Васильевна;
компьютерная верстка - В.А. Пугачева.

Отпечатано в типографии ООО «ИНТ»

Подписано в печать 03.09.02. Формат 60X84 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная 65 гр.

Гарнитура Times New Roman Суг

Усл. печ. л. 8,5. Уч.-издат. л. 9,5-.

Тираж 900 экз. Заказ №4259

Типография «ИНТ».

Адрес: г. Кемерово, б. Строителей, 34, оф.101
тел. 51-87-44, 53-09-10, 53-09-38.

Издательство «Сибирский писатель»
650099, г. Кемерово, Советский пр-т, 40
Союз писателей Кузбасса

Новая
35 руб. 08

Цена
№ .

Павлов Сергей Михайлович

Родился в 1952 году в городе Белово Кемеровской области, в семье шахтера.

В 1974 году окончил филологический факультет Кемеровского госуниверситета, в 1982 году заочно -Свердловский юридический институт. Работал в школе учителем, редактировал многотиражную газету, почти 20 лет отдал работе в милиции, в основном, в следствии. В 1996 году в звании подполковника вышел в отставку. В настоящее время работает в прокуратуре Кемеровской области.

Член Союза журналистов России. Его очерки публиковались в районных, городских и областных газетах Кузбасса, а также в Пермской и Московской областях. В 2000 г. в качестве редактора-составителя выпустил книгу о политических репрессиях в СССР - «Боль, прошедшая сквозь годы». В том же году с группой соавторов написал книгу «Прокуратура Кемеровской области».

С.М.Павлов является автором рассказов и повестей, которые были опубликованы в литературном альманахе «Огни Кузбасса». Женат, имеет двоих сыновей.

НАКАЗАНИЕ ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ